

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2024 Том 21 № 4

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издаётся с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикирева Улданий Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджа Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аmineva Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуццева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламажжа Чимиза Кудер-оловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Абрамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулейменова Элеонора Джосеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2024. Выход в свет 28.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 17,15. Тираж 500 экз. Заказ № 1723. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 21 No. 4 (2024)

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editors

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA
Suresh Canagarajah, PhD, Professor, Pennsylvania State University, Philadelphia, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*
Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

- Proshina Z.G.** Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies / **Прошина З.Г.** Взаимосвязь Соссюровской лингвистики, контактной вариантологии английского языка и теории межкультурной коммуникации..... 621
- Lavitski A.A.** Destructive Discourse in the Modern Conditions of Belarusian-Russian Bilingualism / **Лавицкий А.А.** / Деструктивный дискурс в условиях современного белорусско-русского двуязычия 632
- Марусенко М.А., Марусенко Н.М.** Английский язык в ЕС: до и после Брексита 641
- Нестерова Е.В.** Жанр поздравления в эвенском языке 658
- Камышева С.Ю., Филиппова А.А.** Русский язык в пространстве культуры стран бывшего СССР 668

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

- Арзамазов А.А.** В «приглушенном» свете этничности. Поэзия мари Геннадия Сабанцева-Ояра 683
- Чикина Н.В.** Современная проза Карелии на карельском, вепском и финском языках 700
- Юзмухаметова Л.Н.** Современная британская проза: мотив свободы выбора в романе Элиф Шафак «10 минут 38 секунд в этом странном мире» 708
- Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфиудинов Ш.Р.** Экфрасис в роли транскультурного маркера 720
- Kellman S.G.** English to Italian, Italian to English / **Келлман С.** С английского на итальянский, с итальянского на английский 739
- Конькова С.А.** Дискурсивные характеристики поэзии XXI века как коммуникативная практика 749

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

- Лебедева Е.С.** Перевод транслингвальной литературы на родной и неродной языки автора на материале произведений Гари Штейнгарта и Александра Хемона и их переводов на русский язык 766

АРСЕНАЛ

- Баласанян Л.Г., Испирян М.М.** Некоторые направления подготовки педагогических кадров по преподаванию РКИ: влияние и результативность цифровизации 776
- Румянцева Н.М., Рубцова Д.Н., Ананд А.** Преподавание русского языка учащимся Индии в условиях многоязычия 787
- Резвани В., Шульдишова А.А.** Эмоциональная составляющая обучения РКИ иранских учащихся как цель и средство достижения оптимального результата 796

CONTENTS

LANGUAGE IN SYSTEM

Proshina Z.G. Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies	621
Lavitski A.A. Destructive Discourse in Modern Conditions Belarusian-Russian Bilingualism	632
Marusenko M.A., Marusenko N.M. English in the EU: Before and After Brexit	641
Nesterova E.V. Congratulation Genre in the Even Language	658
Kamysheva S.Yu., Filippova A.A. Russian Language in the Space of Culture in the Former USSR Countries	668

LITERARY DIMENSION

Arzamazov A. A. In the “Dim” Light of Ethnicity. Poetry of Mari Gennady Sabantsev-Oyar	683
Chikina N.V. Contemporary Prose of Karelia in Karelian, Veps, and Finnish	700
Yuzmukhametova L.N. The Contemporary British Prose: the Motif of Choice in Elif Shafak’s Novel “10 Minutes 38 Seconds in This Strange World”	708
Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Keshfidinov Sh.R. Ecphrasis as a Transcultural Marker	720
Kellman S.G. English to Italian, Italian to English	739
Konkova S.A. Discursive Characteristics of 21st Century Poetry as a Communicative Practice	749

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Lebedeva E.S. Translating Translingual Writings into Authors’ Native and Non-Native Languages: a Study of Novels by Gary Shteyngart and Aleksandar Hemon and Their Russian Translations	766
--	-----

ARSENAL

Balasanyan L.G, Ispiryan M.M. Some Areas of Teaching Staff Training in Teaching RFL: the Impact and Effectiveness of Digitalization	776
Rumyantseva N.M., Rubtsova D.N., Anand A. Teaching of the Russian Language to Indian Students in a Multilingual Environment	787
Rezvani V., Shuldishova A.A. The Emotional Component of Teaching RFL to Iranian Students as a Goal and Means of Achieving Optimal Results	796

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-621-631

EDN: CZGKDC

Research article / Научная статья

Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies

Zoya G. Proshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ proshinazoya@yandex.ru

Abstract. This study traces the change-over from the Saussurean structural linguistics, with its focus on language form, to anthropological Firthian sociolinguistics that branched into the contemporary World Englishes (WE) paradigm, interlocked with the Intercultural Communication Studies launched in the USA. This change-over became possible to the semiotic position of Saussure's theory. The author analyzes Saussure's differentiation between *langue* and *parole* and how these concepts are applied to the WE paradigm: changes started in speech of educated users modify the norm and alternate the language system. Finally, issues of effective intercultural communication are discussed based on knowledge of World Englishes.

Key words: Saussurean semiotics, form, semantics, pragmatics, language and speech, norm, system, usage

Article history: received 24.08.2024; accepted 09.10.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Proshina, Z.G. 2024. "Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 621–631. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-621-631>

© Proshina Z.G., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Взаимосвязь Соссюровской лингвистики, контактной вариантологии английского языка и теории межкультурной коммуникации

З.Г. Прошина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
✉ proshinazoya@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается переход от Соссюровской структурной лингвистики, с ее фокусом на языковую форму, к антропологическим принципам социолингвистики Дж.Р. Фирта, в рамках которой была создана контактная вариантология английского языка, сопряженная с теорией межкультурной коммуникации, зародившейся в США. Этот переход стал возможен благодаря семиотичности теории Соссюра. Анализируется соссюровское разграничение языка и речи и рассматривается, как эта дифференциация сказалась на контактной вариантологии: изменения начинаются в речи образованных пользователей вариантов, модифицируют норму и варьируют языковую систему. Обсуждаются также условия эффективной межкультурной коммуникации на вариантах языка.

Ключевые слова: варианты мирового английского языка, семиология Соссюра, форма, семантика, прагматика, язык и речь, норма, система, узус

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Proshina Z.G. Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 621–631. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-621-631>*

Introduction

Language and culture are inseparable. This premise has become a requisite for the sociolinguistic approach to communication studies, which followed the structural studies of language and became possible due to the anthropological approach to language. Probably, it is natural for scholarship — first to look at an object per se, its nature and structure, and then to see it in its environment and in a functional perspective. This multi-aspect view of the object results in interdisciplinary connections and enriches our understanding of it.

Saussure's Teaching and British sociolinguistics

Structural linguistics is associated with Ferdinand de Saussure who introduced the concepts of system and structure. However, Saussure named his theory semiology, for his approach was semiotic [1], which implies not only study of forms (object of later formal structuralism) but also semantics and pragmatics, and these are related to the meaning in objective reality and functional use.

The three semiotic aspects, formal, semantic, and pragmatic, have become part and parcel of a relatively new sociolinguistic paradigm known as World Englishes (WE). One of its father-founders, Braj B. Kachru (1932–2016), was a post-graduate student of John Rupert Firth, the famous British structuralist (1890–1960) who, together with the Polish anthropologist Bronislaw Malinowski (1884–1942), under the influence of French functionalism [2], turned the British structuralism to the sociolinguistic direction. After Firth's demise, B. Kachru got research advice from the outstanding British functionalist, another former doctoral student under J.R. Firth, Michael Alexander Kirkwood Halliday (1925–2018) and defended his PhD dissertation "An Analysis of Some Features of Indian English: A Study in Linguistic Method" [3] at Edinburgh University in 1962. In the dissertation, Indian English was defined as "a cover-term for the texts under discussion which are chosen from the upper point on the Cline of bi-lingualism ..., and could perhaps be called, alternatively, 'Standard Indian English' or 'Educated Indian English' for the purpose of description." [3. P. 4] Here Kachru wrote about the acrolectal ("upper point of the Cline") type of the variety, typical of very well-educated users and produced in formal settings. This acrolectal variety was characterized by new norms of Indian English.

In fact, it was not just a new method that was developed by the Indian scholar but far wider – a new approach and a new paradigm that has resulted in describing the pluricentric language varieties, or world Englishes, in their sociocultural environment and functions that they carry out in new settings.

World Englishes Paradigm and Intercultural Communication Theory

In reality, Kachru's theory, followed and shared by a great many supporters, is in full alignment with Saussure's tenets. Firstly, it is in the semiotic flow: descriptions of varieties include formal and semantic features and are accompanied by the analysis of their pragmatic functions. Secondly, based mostly on synchronic analysis of the study of the language system, the World Englishes (WE) paradigm reveals variations as manifestations of language change, as well as the evolution of varieties, thus plunging the theory into diachronic research, which conflates the two approaches, static and dynamic. Descriptive, functional synchronic research methods are predominant, though they go hand in hand with interpretative methods of studying dynamic alterations and variety evolutions.

The WE paradigm is viewed as a semiological linguistic theory that entered sociocultural gateways. It is here that it meets another paradigm that has become popular almost simultaneously with the emergence of the WE paradigm. The paradigm that somehow penetrates the one dealing with varieties of English is Intercultural Communication Theory (ICC), the first works about which were published in the 1950–1960s [4; 5], almost the same time as Kachru's first works [6–10]. What unites the sociolinguistic WE paradigm and ICC theory is the premise

that any variety of English is underpinned by the culture of people speaking the variety. Cultures are different and they cause language varieties to be different too. Each variety gets adapted to the community's communicative needs, community's mentality, and community's culture.

This tenet is harmonized by the three functions of language as highlighted by S.G. Ter-Minasova: language is a *mirror* of culture; language is a *condition* for culture, and language is an *instrument* of culture [11]. Language mirrors people's culture and reflects their worldviews, which might be primary worldviews in case of native speakers of a language, secondary — for people cognizing the world through a second or foreign language [11], and even a tertiary worldview when we learn a third culture via a lingua franca [12], for instance, when we, Russians, get acquainted with the Chinese culture through English. The tertiary worldview might be compared with watching a world through a looking glass in which one sees an object through another looking glass. As a condition for culture, language stores and preserves culture; it maintains traces of a certain stage of cultural development, which is evident especially in the lexical and phraseological language levels [13]. While explaining the newest policy of the Oxford English Dictionary, whose new message is to collect and document the vocabulary of different varieties of English [14], Charlotte Brewer [15] metaphorically named the Oxford English Dictionary a “treasure-house” of the language. As a tool of culture, language is an instrument to develop mentality, a means to educate a personality, to influence people psychologically and ideologically. These three functions are consonant with M. Halliday's inference: “Language as the creature and creator of human society” [16].

Language vs Speech and world Englishes

J. R. Firth as a founder of British sociolinguistics criticized Saussure's conception of langue in two aspects: first, for considering language system without a context and, second, for locating it in the mind of the speaker [17; 18], while he insisted on language being always implemented in material speech. Today this lack of distinction between language and speech is also found in works of some scholars (see, for example, [19]). British sociolinguistics and the World Englishes paradigm that evolved within it have focused their attention on speech events, thus describing language in the “context of situation”, a term borrowed by Firth from Malinowski [20]. *Context of situation* is almost the same as *context of culture*. According to Firth, language is “a form of human living rather than merely a set of arbitrary signs and symbols” [18. P. 206].

However, today's WE paradigm removed the behavioral limitations expressed by Firth. Indeed, research into varieties begins with observation of the ways people, belonging to a certain culture, perform in English. It is not accidentally that Kachru named the varieties of the Expanding Circle as performance varieties, for the range of their use depends on the level of language competence of their speakers and their

performance. In his pivotal article “Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle” Kachru used the term *speech fellowship* to indicate the “underlying distinct differences, and also their [variety users’] shared characteristics.” [21. P. 16]. Most probably the term *performance variety* was chosen because it indicates exonormative varieties dependent of the norms and system of the inner circle Englishes. This implies that users of the performance varieties follow the norms of norm-providing varieties whose systems have evolved outside the performance varieties. However, these users’ English speech, modelled by an exonormative English, tends to be changing, deviating from the model norm, due to the influence of the users’ first language and their own culture. This is also typical of the so-called institutional varieties of the outer circle, whose norms develop with changes in their English language system also influenced by their first language and their culture. The impact results in setting up distinctive features of a variety that at first were taken for typical mistakes and deviations found in the speech of educated users and gradually codified — this means that the language system of such a variety is changing, as compared with its “linguistic parents” [22. P. 84]. If described schematically, the process can be formulated the following way:

- (1) typical deviations from systemic norms in oral SPEECH by educated users →
- (2) typical deviations from systemic norms in written SPEECH by educated users →
- (3) codification of a new norm (with a distinctive feature of a variety) →
- (4) changing LANGUAGE (variety) system

This scheme demonstrates that speech usage makes the language norm and finally shapes the system of a language. To illustrate this premise, let us take a well-recognized variety emerged in the 19th century — American English. Its language system is somewhat different from British, with stronger trends towards grammatical analogy and simplification: regularization of many irregular verbs (*learned, knitted, dreamed*, etc.); use of verbs *have, need, and dare* as normal words (*Do you have a sister?* — cf. BrE *Have you got a sister?*; *Do you need to go there?* — cf. BrE *Need you go there?*; using more simplified subjunctive forms: *He suggests that you do it.* – cf. BrE *He suggests that you should do it.*) Normative in informal (usually oral) American speech is the form *I just ate.* instead of the BrE *I’ve just eaten.* Standardized Spoken American English is gradually turning into Standardized Written American English. Even in the level of phonetics we see the regularized pronunciation as [eit] rather than [et], for the form of the word is one open syllable with a final mute *e* (like *Kate*). Webster Dictionary was the first to fix typical American words distinctive from British.

Similar but somewhat different changes take place in the Outer Circle varieties that are developing their own norms (e.g., new grammatical plural forms of the so-

called uncountable nouns in many Asian and African Englishes: *equipments*, *furnitures* — these forms emerge because the concepts are understood discretely: they can be counted, which points to the contrast of mental concepts between British and Asian/African minds.) The language systems of these Englishes are gradually changing, even in slowly alternating grammatical level, to say nothing of phonetics and lexis.

Effective intercultural communication in world Englishes

Language and speech are regarded as a two-pronged phenomenon. They are as inseparable as language and culture are, and make the object of research in the WE paradigm that syncretically unites advertence to the internal structure and system of a variety (its distinctive features) and its socio-cultural issues (external aspect). Successful understanding of varieties is indispensable for effective intercultural communication. Larry E. Smith, a co-founder of the WE paradigm, came up with the idea of three factors of successful understanding [23] in intercultural communication: a) intelligibility — word / utterance recognition; b) comprehensibility — word / utterance meaning recognition (locutionary force); c) interpretability — meaning behind word / utterance (illocutionary force) [23. P. 76].

And here again we see the semiotic triangle. Intelligibility is associated with a form. Communicators have to understand each other's accents (to know typical sound substitutions, which might be expressed unusually by unexpected letters in writing, like in Chinese English (ChE) *peminina* might mean 'feminine'; *Betikan* — 'Vatican'; phonotactics, or combinability of sounds, and syllable division: e.g., ChE *Gu de mao ning*, which means *Good morning*; typical features of intonation — for example, Australian English is now known for its rising tone in statements, which sometimes makes them difficult to differentiate from questions). In writing, we are challenged by the specificity of transliteration or transcription — for instance, for unprepared Russians, Chinese Roman letters have an unusual correlation with Cyrillic letters: *Xianggang* correlates with *Сянган*, not *Ксиангганг; *taiji quan* should correlate with *тайцзи цюань* rather than *тайчи-куан. As was shown in our previous works [24; 25], this stage of intercultural understanding is associated with what might be called intervarietal translation: e.g., a Russian communicator hears English words/phrases/utterances pronounced by a Chinese communicator and mentally compares them with the image made by the sounding forms s/he has learnt as a model, i.e. translates them from Chinese English into Russian English, and in case of strong deviations the Russian communicator has to recode the form. Another example: the word *play* might be pronounced by a Chinese speaker as [pulei] and to recode it, one should know that a Chinese person, due to the mother-tongue influence, is apt to insert a vowel in a consonant cluster, thus making a monosyllabic word sound with two syllables [26].

The second stage of understanding a word meaning also causes many challenges. To begin with, culture-loaded words might be incomprehensible to communicators from other cultures; therefore, they should be properly explained:

*Videos showing older men diving along the Haihe River, a regular activity for years, suddenly went viral on social networking platforms, and attracted an influx of tourists to the city, not only for the diving, but also to enjoy the city's cuisine, mix of history and modernity, **traditional cross-talk shows (xiangsheng)**, and above all, its slow-paced life and sense of humor for which residents are known (China Daily. 13.09.2024).*¹

The loanword *xiangsheng* is supported here by the preceding explanation, which will become clear to the reader only if s/he is aware of this traditional Chinese cross-talk show — in China a comic dialogue is usually implied by the term, while in other countries it may be a political genre.

Comprehension or semantic problems are also caused by home-made words from English roots that not infrequently change their semantics: e.g., ChE *wet market* ‘marketplace selling fresh foods such as meat, fish, produce and other consumption-oriented perishable goods in a non-supermarket setting’, which corresponds to the Russian *продуктовый рынок*, not **влажный рынок*.

In a text, English words can acquire new contextual meanings: *A truck carrying 16.6 metric tons of miscellaneous goods left the Suifenhe **highway port** in Heilongjiang province on Saturday for Moscow in Russia*² In the example above the word *port* is used in the meaning ‘truck station,’ which is supported by the attribute *highway*,’ rather than ‘an area of water and the land and buildings surrounding it, where ships can take on and off goods and passengers.’ A similar meaning of a ‘train station’ is found in another issue of the *China Daily* newspaper: *The train is expected to leave the mainland via Horgos **Railway Port** in the Xinjiang Uygur autonomous region and reach Tashkent, the capital of the Central Asian nation, in 12 days after it completes the 6,700-kilometer journey...* (China Daily. 13.07.2024).³

The third stage of understanding is regarded as the most difficult one. It requires insight into culture, sharing background knowledge, reading between the lines. In other words, it is associated with pragmatics of a word, utterance, and text. The challenges are evident in interpreting culture-load words which might have different associative connotations for communicators from different cultures. When

¹ China Daily, 13 Sept. 2024. 24 Sept. 2024, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/13/WS66e3dd52a3103711928a7ded.html>

² China Daily. 18 June 2024. 24 Sept. 2024, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202406/18/WS667177a8a31095c51c5098f6.html>

³ China Daily. 13 July 2024. 24 Sept. 2024, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202407/13/WS6691b5d8a31095c51c50dd81.html>

these words are found in newspaper article headlines, it becomes more evident. For example, the title of the *China Daily* article: *Kunqu Opera is a hard act to follow* (*China Daily*. 23.09.2024)⁴ raises many questions from a Russian reader: what is *Kunqu Opera*? How is it different from other traditional Chinese operas? Why does the author speak about it being difficult in following? Of course, some of these questions are answered when the reader finishes reading the article, and probably the most important and key statement is as follows: *Combining songs performed in the Suzhou dialect, graceful body movements, martial arts and dance, Kunqu Opera uses a great variety of gestures to express specific emotions*. This sentence reveals the reasons of people's pride in this art and combines many features of the country's cultural heritage the Chinese people are so much proud of.

For a person who does not know Chinese history, the expression “cultural revolution” might seem quite positive due to the semantics of the word *cultural*, and in this case the person will be confused about the Chinese feelings and sense of the abstract: *Their expansive exhibitions featuring what they call “evidences of livelihoods” — including family relics, leftover building materials and household items as well as rejected ceramic objects and textiles — evoke both grief and remembrance of a lost generation defined by poverty and the ‘cultural revolution’ (1966-76)*. (*China Daily*. 14.06.2024).⁵

Pragmatic confusion might also be related to Chinese names. Their elements can be positioned in two ways: traditional Chinese, with a family name preceding the given one, and Western, when the family name is used after the given one. Chinese traditional way is consonant with Chinese collectivist values: the name of the family clan is more important than an individual given name. It is easy to guess the family name of a person if the given name is two-syllabic: **Zhang Yuchen, Guo Xiaojun**, even when the given name precedes the family name in a Western style: *Yuchen Zhang, Xiaojun Guo*, as the family name usually consists of one syllable. However, even in this case we encounter mistaken forms — e.g., *Лицунь Л.* Специфика языка современных СМИ // Аспирант и соискатель. 2014. № 4. С. 28–30. URL: <https://rucont.ru/efd/489526>. The author of the article is Li Liqun and the family name is Li. In the example represented by the Russian article description, a biblio catalogue will have to identify the person by his/her given name, not by the surname (just imagine O.S. Akhmanova's works catalogued as Olga A.).

The problem becomes even worse when a given name is one-syllabic; then it is difficult to say what is what, a family name or a given name. My colleagues and I had an argument concerning a way of citing a famous British sociolinguist of

⁴ *China Daily*. 23 Sept. 2024. 24 Sept. 2024, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/23/WS66f0abfba3103711928a921c.html>

⁵ *China Daily*. 14 June 2024. 24 Sept. 2024, https://www.chinadaily.com.cn/a/202406/14/WS666bfcf9a31095c51c508fe2_4.html

Chinese origin, expert in bilingualism, *Li Wei*. Should we cite him as Li or as Wei? How should we address him — Dr. Li or Dr. Wei? Different authors refer to his works either as Li W. or Wei L. The answer was received when we looked up his own article with reference Li W., which means that he prefers traditional Chinese way of identifying despite having lived in London for a long time. This delicate issue is definitely of pragmatic nature, and it is very important and sensitive in intercultural communication, either in business or academic setting or in everyday life.

Conclusion

To conclude, studying varieties of a pluricentric language (e.g., English) is impossible without studying their cultures, for culture accounts for the specificity of the variety. And intercultural communication is impossible without insight into specificity of a variety. That is why the two studies were brought to life almost simultaneously. They are like two sides of the same coin. Though the paradigms are believed to be relatively new, having emerged in the second part of the 20th century, their founders came from the structuralist and anthropological grounding that was laid by F. de Saussure, the eminent scholar, whose theory was sometimes contended with but in fact is proved by the Word Englishes paradigm reinforced by the Intercultural Communication Studies.

References

1. Saussure, F. de. 1977. *Works in linguistics* / Transl. from French by A.A. Kholodovich. Moscow: Progress. Print. (In Russ.).
2. Maryanski, A., Turner, J.H. 1991. "The offspring of functionalism: French and British Structuralism." *Sociological Theory*, vol. 9, no. 1, pp. 106–115. Print.
3. Kachru, B.B. 1961. An Analysis of Some Features of Indian English: A Study in Linguistic Method. PhD diss. Edinburgh, 17 Sept. 2024, <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/6707>
4. Hall, E.T. 1959. *The Silent Language*. New York: Doubleday. Print.
5. Hall, E.T. 1966. *The Hidden Dimension*. New York: Doubleday. Print.
6. Kachru, B.B. 1964. "Indian writing in English: Comments." *Harvard Educational Review*, Winter, pp. 71–75. Print.
7. Kachru, B.B. 1965. "The Indianness in Indian English." *Word*, vol. 21, no. 3, pp. 391–410.
8. Kachru, B.B. 1966. "Indian English: A study in contextualization." In C.E. Bazell, J. C. Catford, M.A.K. Halliday, and R.H. Robins (eds.). *In memory of J. R. Firth*. London: Longmans, pp. 225–287. Print.
9. Kachru, B.B. 1969. "English in South Asia." In T.A. Sebeok (ed.). *Current trends in linguistics*. Vol. 5. The Hague: Mouton de Gruyter, pp. 627–678. Print.
10. Kachru, B.B. 1970. "Some style features of South Asian English." In K.L. Goodwin (ed.). *National identity: Proceedings of the Brisbane (Australia) Conference of the Association of Commonwealth Literature and Language*. London: Heinemann, pp. 122–137. Print.
11. Ter-Minasova, S.G. 2004. *Language and intercultural communication*. 2nd ed. Moscow: Moscow University Press. Print. (In Russ.)
12. Proshina, Z.G. 2020. *Intercultural communication: East Asian Englishes and Cultures*. 2nd ed., revised. Moscow: Yurait publ. Print. (In Russ.)

13. Teliya, V.N. 1996. *Russian praseology: Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ. Print. (In Russ.)
14. Salazar, D. 2021. “Documenting World Englishes in the Oxford English Dictionary: Past perspectives, present developments, and future direction.” In A. Onysko (ed.). *Research Developments in World Englishes*. London: Bloomsbury Academic, pp. 271–294. Print.
15. Brewer, C. 2007. *English: Treasure-house of the language. The living OED*. Yale University Press, New Haven. Print.
16. Halliday, M.A.K. 2002. “A Personal Perspective.” In M.A.K. Halliday. *The Collected Works. On Grammar*, Vol. 1. J. Webster (ed.). Bloomsbury, Continuum, pp. 1–6. Print.
17. Firth, J.R. 1957. *Papers in Linguistics 1934–1951*. London: Oxford University Press. Print.
18. Firth, J.R. 1968. *Selected Papers, 1952–1959*. Edited by F.L. Palmer. London & Bloomington: Longmans & Indiana University Press. Print.
19. Blokh, M.Y. 2000. “Dicteme in the language level structure.” *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 56–67. Print. (In Russ.)
20. Wolf, G. 1989. “Malinowski’s ‘context of situation.’” *Language and Communication*, vol. 9, no. 4, pp. 259–267. Print.
21. Kachru, B.B. 1985. “Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle.” In R. Quirk, H. Widdowson (eds.). *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30. Print.
22. Kachru, B.B. 1983. “Models for non-native Englishes.” In L. Smith (ed.) *Readings in English as an International Language*. Oxford: Pergamon, pp. 69–86. Print.
23. Smith, L.E. 1992. “Spread of English and issues of intelligibility.” In B.B. Kachru (ed.). *The Other Tongue: English across Cultures*. 2nd edn. Urbana, IL: University of Illinois Press, pp. 75–90. Print.
24. Proshina, Z.G. 2022. “Intervarietal translation in the intercultural space of one language.” *Filologicheskiye nauki. Nauchnye doklady vyshey shkoly*, no. 6s, pp. 67–71. Print. (In Russ.)
25. Proshina, Z.G. 2023. “Intervarietal translation and its integration in the translation training curriculum.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 108–120. Print. (In Russ.)
26. Bondarenko, L.P. (ed.). 2007. *Syllable and rhythm of English speech in the countries of Eastern and South-Eastern Asia*. Vladivostok: Far Eastern University Press. Print. (In Russ.)

Список литературы

1. *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. Москва : Прогресс, 1977.
2. *Maryanski A., Turner J.H.* The offspring of functionalism: French and British Structuralism // *Sociological Theory*. 1991. Vol. 9. No. 1. P. 106–115.
3. *Kachru B.B.* An Analysis of Some Features of Indian English: A Study in Linguistic Method. PhD diss. Edinburgh, 1961. URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/6707> (accessed: 17.09.2024).
4. *Hall E.T.* The Silent Language. New York : Doubleday, 1959.
5. *Hall E.T.* The Hidden Dimension. New York : Doubleday, 1966.
6. *Kachru B.B.* Indian writing in English : Comments // *Harvard Educational Review*. Winter, 1964. P. 71–75.
7. *Kachru B.B.* The Indianness in Indian English // *Word*. 1965. Vol. 21. No. 3. P. 391–410.
8. *Kachru B.B.* Indian English: A study in contextualization // In memory of J. R. Firth / C.E. Bazell, J.C. Catford, M.A.K. Halliday, & R.H. Robins (eds.). London : Longmans, 1966. P. 225–287.
9. *Kachru B.B.* English in South Asia // *Current trends in linguistics*. Vol. 5 / T. A. Sebeok (ed.). The Hague: Mouton de Gruyter, 1969. P. 627–678.
10. *Kachru B.B.* Some style features of South Asian English // *National identity : Proceedings of the Brisbane (Australia) Conference of the Association of Commonwealth Literature and Language / K.L. Goodwin (Ed.)*. London : Heinemann, 1970. P. 122–137.

11. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004.
12. *Прошина З.Г.* Межкультурная коммуникация : английский язык и культура народов Восточной Азии. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2020.
13. *Телия В.Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996.
14. *Salazar D.* Documenting World Englishes in the Oxford English Dictionary: Past perspectives, present developments, and future direction // *Research Developments in World Englishes / A. Onysko (ed.)*. London : Bloomsbury Academic, 2021. P. 271–294.
15. *Brewer C.* English: Treasure-house of the language. The living OED. Yale University Press, 2007.
16. *Halliday M.A.K.* A Personal Perspective // *The Collected Works. On Grammar. Vol. 1 / J. Webster (ed.)*. Bloomsbury : Continuum, 2002. P. 1–6.
17. *Firth J.R.* Papers in Linguistics 1934–1951. London : Oxford University Press, 1957.
18. *Firth J.R.* Selected Papers, 1952–1959 / ed. by F. L. Palmer. London & Bloomington: Longmans & Indiana University Press, 1968.
19. *Блох М.Я.* Диктема в уровневой структуре языка // *Вопросы языкознания*. 2000. № 4. С. 56–67.
20. *Wolf G.* Malinowski's 'context of situation' // *Language and Communication*. 1989. Vol. 9. Issue 4. P. 259–267.
21. *Kachru B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle // *English in the World : Teaching and Learning the Language and Literatures / R. Quirk, H. Widdowson (eds.)*. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 11–30.
22. *Kachru B.B.* Models for non-native Englishes // *Readings in English as an International Language / ed. by L. Smith*. Oxford : Pergamon, 1983. P. 69–86.
23. *Smith L.E.* Spread of English and issues of intelligibility // *The Other Tongue: English across Cultures / B.B. Kachru (ed.)*. 2nd ed. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1992. P. 75–90.
24. *Прошина З.Г.* Межвариантный перевод в мультикультурном пространстве одного языка // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2022. № 6s. С. 67–71.
25. *Прошина З.Г.* Межвариантный перевод и его интеграция в программу подготовки переводчиков // *Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. № 3. С. 108–120.
26. *Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд) : монография / под ред. Л.П. Бондаренко*. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.

Bio note:

Zoya G. Proshina is Doctor of Philology (Habil.), Professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0570-2349. E-mail: proshinazoya@yandex.ru;

Сведения об авторе:

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0002-0570-2349. E-mail: proshinazoya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-632-640

EDN: DDJSGA

Research article / Научная статья

Destructive Discourse in the Modern Conditions of Belarusian-Russian Bilingualism

Anton A. Lavitski^{ORCID}

Belarusian State Pedagogical M. Tank University, *Minsk, Belarus*
Vitebsk Branch of the International University “MITSO”, *Vitebsk, Belarus*

✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The study presents the findings of a study of Belarusian destructive discourse in the comparative aspect of the language code used (the Belarusian and Russian languages). Destructive discourse in the paper is understood in the legal linguistic aspect as a practice of verbal interaction, the content of which does not correspond to the dispositions of the legal field. In this regard, texts sent by investigative and inquiry bodies and courts for linguistic examination were used as factual research material (in total, 74 units were selected for 2021–2023: 56 Russian-speaking, 18 Belarusian-speaking). The quantitative parameters of the studied texts correlate with statistical data on the preferences of Belarusian citizens in using language as a means of interpersonal and institutional communication. As a result of the analysis, it was established that there are no serious discrepancies in the extralinguistic characteristics of conflict-producing texts. They are subject to active digitalization and gravitate towards small genre forms. At the same time, Belarusian-language texts are less likely to have a creolized form. More differences are found in the sociolinguistic portrait of the subject of the destructive discourse implementation: a Belarusian-speaking delinquent usually has a higher education and is older in age. Male participants dominate in both types of destructive communication.

Key words: destructive discourse, legal linguistics, juvenileization, creolization, digitalization, parametric triangulation

Article history: received 14.07.2024; accepted 11.10.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding: The research was carried out within the framework of the grant of the Ministry of Education of the Republic of Belarus M24-001 “Destructive discourse of Belarus: legal linguistic aspect.”

For citation: Lavitski, A.A. 2024. “Destructive Discourse in Modern Conditions of Belarusian-Russian Bilingualism.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 632–640. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-632-640>

© Lavitski A.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Деструктивный дискурс в условиях современного белорусско-русского двуязычия

А.А. Лавицкий[✉]

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, *Минск, Беларусь*
Витебский филиал Международного университета «МИТСО», *Витебск, Беларусь*
✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования белорусского деструктивного дискурса в сопоставительном аспекте используемого языкового кода (белорусский и русский языки). Деструктивный дискурс в работе понимается в юрислингвистическом аспекте как практика речевого взаимодействия, содержание которой не соответствует диспозициям правового поля. В этой связи в качестве фактического материала исследования использованы тексты, направленные органами следствия и дознания, судами для проведения лингвистической экспертизы (всего отобрали 74 единицы за 2021–2023 гг.: 56 — русскоязычных, 18 — белорусскоязычных). Количественные параметры изученных текстов коррелируют со статистическими данными о предпочтениях белорусских граждан в использовании языка как средства межличностного и институционального общения. В результате анализа установлено отсутствие серьезных расхождений в экстралингвистических характеристиках конфликтогенных текстов. Они подвержены активной дигитализации, тяготеют к малым жанровым формам. В то же время белорусскоязычные тексты реже имеют креолизованную форму. Больше отличий обнаруживается в социолингвистическом портрете субъекта реализации деструктивного дискурса: белорусскоговорящий делинквент обычно имеет высшее образование, старше по возрасту. Среди участников обоих видов деструктивной коммуникации доминируют мужчины.

Ключевые слова: деструктивный дискурс, юрислингвистика, ювенилизация, креолизация, дигитализация, параметрическая триангуляция

История статьи: поступила в редакцию 14.07.2024; принята к печати 11.10.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках гранта Министерства образования Республики Беларусь М24–001 «Современный деструктивный дискурс Беларуси: юрислингвистический аспект».

Для цитирования: *Lavitski A.A. Destructive Discourse in Modern Conditions Belarusian-Russian Bilingualism // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 632–640. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-632-640>*

Introduction

The modern communicative space of Belarus formally corresponds to the parameters of bilingualism: Belarusian-Russian bilingualism is constitutionally enshrined in the country, and the state guarantees respect for the linguistic rights of citizens. While, the Russian language, in fact, dominates in all spheres of social relations, with the exception of culture. Thus, according to data from general population censuses in the early 21st century, the country observed an increase in the significance of the Russian language both as a first language (14.3% in 1999,

42.3% in 2009) and as a means of interpersonal communication (58.6% in 1999, 70.2% in 2009). At the same time, the Belarusian language is represented in different types of communicative interaction, and our research shows that its use, for example, in destructive discourse is systematically increasing.

It should be noted that destructiveness, although it “is one of the fundamental discursive categories that play a significant role in the organization of communicative interaction” [1. P. 160], is considered in linguistic research in variable guises. In our work, we start from the legal linguistic understanding of destructive discourse, that is, as a communicative practice, the content of which does not comply with legal norms. We are talking not only about the dispositions of criminal and administrative legislation, but also about an attack on civil rights, about legal issues of carrying out economic activities.

Destructive discourse has a powerful potential, capable of “displacing, replacing some meanings with others, establishing new meanings that contribute to changing the addressee’s picture of the world and controlling <...> consciousness” [2. P. 122]. At the same time, destructive speech interaction remains anthropocentric — therefore, “the characteristics of the linguistic personality will always influence the methods used by representatives of the establishment in the communication process” [3. P. 20]. In other words, in a deep understanding, any characteristics of discourse are, to some degree or another, explicators of the speech-behavioral characteristics of its subject — a linguistic personality. In this connection, the stated research goal seems relevant which is *to present the features of the destructive discourse of Belarus in the comparative aspect of the languages of communicative interaction (Belarusian and Russian)*.

Materials and methods

Data from the author’s practice of conducting linguistic expert research and interaction with investigative and inquiry authorities were used as the research material. In total, 74 texts (2021–2023) classified as destructive (56 Russian-language, 18 Belarusian-language) were subjected to analytical consideration. The quantitative non-parity of the presented material in this case is not a basis for recognizing the sample as unrepresentative for a comparative study due to its correspondence to the above statistical data on the actual preferences of Belarusian citizens in the use of language as a means of interpersonal and institutional communication.

The methodology of the carried out research work included the use of general scientific methods of analysis, generalization, systematization, observation, etc. The expert study of conflict-prone texts was based on the use of parametric triangulation techniques, the application of which requires the use of a number of linguistic research methods (lexical-semantic, pragmalinguistic, logical-contextual, lexical-centric analysis, the method of semantic fields, etc.).

Discussion

Notes on the criteria for identifying destructive discourse

Before turning to the discussion of the research findings, several comments should be made regarding the object of the research attention — destructive discourse. In the introduction, we indicated that we understand it in a legal linguistic aspect, that is, it is maximally synonymous with the concept of a destructive text. Without going into discussions regarding the correctness of this interpretation of the phenomenon of discourse itself, we point out that this approach is determined by real legal practice. When issuing a decision to order a linguistic examination, the investigation and the court determine the text as the object of study and ask questions regarding its content. It is the expert opinion that de facto determines whether a text belongs to the category of destructive. De jure, this is the competence of the court, which, however, only formalizes the conclusions of the examination.

Identification of the linguistic and legal characteristics of the text (discourse) destructiveness, on the one hand, is objectified by legislative dispositions. Expert work in this case comes down only to establishing signs of compliance or non-compliance of the text with legal norms. On the other hand, special research into the products of speech activity is often subjectivized by the methods used. It is no coincidence that experts point out the unjustified use of some of them by expert linguists [4. P. 5]. A.N. Baranov calls this the offensive of globalist experts who, when conducting special text studies, turn to an excessively large list of research methods [5. P. 25].

We believe that the methods of linguistic expertology will be the subject of scientific and practical discussions for a long time; therefore, the issues of identifying destructive discourse will remain controversial. We, in our turn, to minimize the subjectivity of expert conclusions regarding the classification of a text as destructive, used the method of parametric triangulation, the implementation algorithm of which includes 1) establishing, based on legislative dispositions, a list of parameters for identifying signs of an offense committed verbally, 2) determination of methodological procedures for their expert study (use of several methods to analyze each parameter), 3) quantitative and qualitative assessment of the special study findings (for more details on the methodology, see, for example, [6]).

Thus, the factual material selected for the study included texts whose content corresponded to all the linguistic and legal parameters of crimes committed verbally. In our case, we are talking about such common offenses as insult, slander, threats, manifestations of extremism.

Extralinguistic features of destructive communication in the bilingual space of Belarus

Any type of discursive practice has its own non-linguistic features. E. Benveniste discovered them in their axiological content and social-ideological attitudes [7. P. 54].

For modern communication, the opportunities obtained through a change in the technical and technological structure are considered indicative. The expansion of demonstrativeness, polycode, “compression of the world,” and erosion of institutionality have become obvious [8. P. 17–25].

Analysis of the collected factual material shows that for the bilingual space of Belarus several trends are clearly observable regarding the forms of implementation of destructive discourse. In particular, we are talking about digitalization, creolization, multiplicativity and replication of destructive texts. In general, these features are found in relation to both Belarusian- and Russian-language speech materials. Yet quantitative indicators of individual characteristics have features of their own.

Belarusian- and Russian-language destructive discourse actively uses the digital environment: of the total volume of factual material, only 11% of texts in Belarusian (1 in 2021 and 1 in 2022) and 13% in Russian (2 in 2021, 3 in 2022 1 in 2023) were leaflets and graffiti, that is, objects of reality. In other cases, objects distributed via Internet technologies were subject to examination. That is, we are talking about the *digitalization* of destructive interaction. This trend is an obvious trend in the context of intensifying mediated communication, which is most often implemented on social networking sites and instant messengers. In the narrow sense, text digitalization is considered synonymous to the concept of digitalization. However, experts believe that digital transformation of the text is more than simply reformatting it. In a deeper sense, in this case, the visualization of communicative space is implemented — the transition from the mythologized world to the imaginary world [9. P. 134].

A consistent step in the dynamic transition of destructive discourse into the digital sphere was the *creolization* of speech materials. This is evidenced from the quantitative indicators of the studied Russian-language content: on average, about 74% of texts (2021 — 13 texts, 2022 and 2023 — 14 texts each) are polycode, that is, “consisting of inhomogeneous parts (verbal language (speech) and non-verbal (belonging to other sign systems than natural language)” [10. P. 181–182]. For Belarusian-language material this figure is slightly more than 44%, although here there is a certain tendency towards the use of polycode texts (2 texts in 2021 and 2022, 4 texts in 2023).

The active creolization of destructive material is due to the specifics of popular social networks focused on posting polycode texts. Also, this form of presenting information seems more preferable for its suggestive influence on the mass addressee. R.O. Jakobson wrote that “the largest part of socially significant, rich and sign systems essential for society is focused on perception through vision and hearing” [11. P. 323]. In addition, the creolized text is productive for the so-called information saturation, that is, it increases the amount of information perceived per unit of time.

The last of the mentioned factors largely predetermined the manifestation of such a tendency in destructive text as *multiplicativeness*, although this is still less typical for Belarusian-language material. Multiplicativeness as an element of the

development of the genre studies of destructive discourse determines its attraction to small genre forms. The volume of information in texts sent for expert study is often relatively small: in polycode texts, the verbal component is represented by 1–3 potentially destructive phrases, the non-verbal component by the same number of iconic signs; mono-code (verbal) materials are designed in the genres of commentary or note.

All the above-mentioned features of destructive materials help to increase their *replication*, that is, repeated transmission of the content. Among the analyzed material, only 5.6% of Belarusian-language and 8.9% of Russian-language texts were distributed through closed (non-mass) communication channels.

Sociolinguistic notes on the specificity of bilingual destructive discourse in Belarus

For science, it is axiomatic to say that social factors are special mechanisms of influence on language [11. P. 481]. However, in linguistics there is no agreement regarding the quantitative and qualitative characteristics of the “social aspects of language”. Consequently, there is no unity in determining the parameters of the sociolinguistic portrait of a linguistic personality. That is why, in the practice of research, scientists most often start from the collected factual data, which allows them to describe the image of the subject of communicative activity. Our study is no exception and therefore reflects individual (although, we dare to believe, important) characteristics of the delinquent linguistic personality — the subject of the implementation of destructive discourse.

Turning to the sociolinguistic aspects of the Belarusian destructive discourse indicates its linguistic inhomogeneity, that is, the presence of a dependence of the choice of means of communication on the personality characteristics of the communicant. Let us briefly introduce these sociolinguistic characteristics:

1. ***The age parameter*** of the Russian-speaking delinquent indicates the juvenileization of destructive discourse. This trend is not a unique phenomenon of the Belarusian communication space. Researchers have been declaring “the universal promotion of a juvenile style of behavior” for quite a long time [8. P. 19], which is associated with the “rejuvenation” (digitalization) of communication. Our actual data also confirm the indicated conclusion: on average, the authors of 73% of texts (2021 — 70%, 2022 — 68%, 2023 — 82%) with illegal content are people under the age of 45, and the number of young people (up to 31 years) covers 57% of the total number of Russian-language texts (2021 — 55%, 2022 — 58%, 2023 — 59%).

An analysis of Belarusian-language destructive discourse shows slightly different results: the average youth authorship of the specified content is 22% (2021 — 25%, 2022 — 17%, 2023 — 25%), the category of addressees under the age of 45 is 32 % (2021 — 25%, 2022 — 33%, 2023 — 38%).

2. Among *the gender characteristics* of the delinquent, the dominance of men in the system of destructive speech interaction is obvious (94% for Belarusian-speaking texts and 91% for Russian-language texts). The correlation of this indicator according to the language of communication, we believe, is associated with the traditions that have developed in society and a more active position of the stronger sex in almost all spheres of social relations, including at the level of communication.

3. Investigative and judicial materials made it possible to identify such a parameter for portraying a linguistic delinquent as *the level of education*. We believe that information about the professional employment of authors of destructive texts is more representative for sociolinguistic research. However, due to the fact that part of the data we collected related to cases of special proceedings (that is, carried out against persons outside the country), the investigative authorities did not always have the information we were interested in.

It is noteworthy that the Belarusian-speaking destructive linguistic personality in the overwhelming majority has higher education (89%). The other authors have secondary specialized or vocational education. In the Russian-language destructive discourse of Belarus, a different state of affairs is observed: in fact, the distribution of addressees according to education is parity (37% have a diploma from a higher education establishment, 32% have secondary specialized or vocational education, 31% graduated from high school).

Conclusion

Thus, the modern Belarusian- and Russian-language destructive discourse of Belarus has common and specific features. Its extralinguistic features do not differ significantly depending on the language of speech interaction. In both cases, there is an intensification of digitalization of conflict-generating texts, their design in small genre forms, which allows for the active dissemination of destructive content through social networks and Internet messengers. At the same time, Belarusian-language destructive discourse is less susceptible to creolization and multiplicitiveness, although there is reason to talk about the development of these trends.

Conceptual differences between Belarusian- and Russian-language destructive discourse, determined by the choice of language code, are revealed when clarifying the sociological characteristics of the portrait of a delinquent linguistic personality. The Belarusian-speaking addressee has a higher level of education and is older. In the gender aspect, in both cases (Belarusian- and Russian-language destructive text), the authors of the speech material are often male.

References

1. Volkova, Y.A., and N.N. Panchenko. 2016. "Destructiveness in political discourse." *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 160–171. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178> (In Russ.)

2. Yakova, I.A. 2015. "The power of the discourse of the media space in the struggle for nomination." *Journal of Tomsk State University. Philology*, no. 3, pp. 122–134. Print. (In Russ.)
3. Oshchepkova, N.A. 2021. "Destructive strategies in political discourse." *Journal of Kaluga University*, no. 4, pp. 20–23. https://doi.org/10.54072/18192173_2021_4_20. (In Russ.)
4. Plotnikova, A.M. 2018. *Conflict communication in the aspect of forensic linguistics*. Ekaterinburg–Moscow: TXT publ. Print. (In Russ.)
5. Baranov, A.N. 2017. "Linguistics in linguistic expertise (method and truth)." *Journal of Volgograd State University. Ser. 2. Linguistics*, vol. 16, no. 2, pp. 18–27. Print. (In Russ.)
6. Lavitski, A.A. 2023. "Parametric Triangulation in Forensic Linguistic Expertise: on the Example of Insult." *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 2, pp. 383–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401>. (In Russ.)
7. Benveniste, E. 1985. *On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature*. Manchester: Manchester Uni. Press. Print. (In Russ.)
8. Karasik, V.I., and G.G. Slyshkin. 2021. "Modern discourse developmental Trends." *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. Thematic issue: Multidimensionality of discourse, no 1, pp. 14–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>. (In Russ.)
9. Bogolyubov, A.F. 2020. "Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of *The Spies*' March in Time of the Media War and Pandemic)." *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153>. (In Russ.)
10. Sorokin, Yu.A., and E.F. Tarasov. 1990. "Creolized texts and their communicative function." *Optimization of collective speech influence: monograph*; Academy of Sciences of the USSR; Institute of Linguistics; edited by R.G. Kotov. Moscow: Nauka publ., 1990, pp. 180–186. Print. (In Russ.)
11. Jakobson, R.O. 1985. *Language in relation to other communication systems*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
12. *Linguistic encyclopedic dictionary*. 1990. Edited by V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia publ. Print. (In Russ.)

Список литературы

1. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20 (4). С. 160–171. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178>.
2. Якова И.А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 122–134.
3. Ощепкова Н.А. Деструктивные стратегии в политическом дискурсе // Вестник Калужского университета. 2021. № 4. С. 20–23. https://doi.org/10.54072/18192173_2021_4_20.
4. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург — Москва: TXT, 2018.
5. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2017. Т. 16 (2). С. 18–27.
6. Лавицкий А.А. Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертизе: на примере установления признаков оскорбления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14 (2). С. 383–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401>.
7. Benveniste E. *On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature*. Manchester: Manchester Uni. Press., 1985.
8. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. 2021. № 1. С. 14–31.

9. *Боголюбов А.Ф.* Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение *Марша шпионов* Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18 (2). С. 132–153.
10. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия коллективная: монография / Академия наук СССР; Институт языкознания; ред. Р.Г. Котов. Москва : Наука, 1990. С. 180–186.
11. *Якобсон Р.О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации. М.: Наука, 1985.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. Москва : Советская энциклопедия, 1990.

Bio note:

Anton A. Lavitski is PhD in Philology, Associate Professor, Postdoctoral student, Belarusian State Pedagogical M. Tank University, 18 Sovetskaya St, Minsk, 220030, Belarus, Head of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk branch of the International University “MITSO”, 8A M. Shagala, Vitebsk, 210010, Belarus. ORCID: 0000-0002-9102-4440. Researcher ID: M-2526-2018. eLibrary SPIN-7318-7002. E-mail: anton_lavitski@mail.ru

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, докторант, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Беларусь, 220030, Минск, ул. Советская, д.18, заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО», Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, 8А. ORCID: 0000-0002-9102-4440. Researcher ID: M-2526-2018. eLibrary SPIN-код: 7318-7002. E-mail: anton_lavitski@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-641-657

EDN: DEWVEG

Научная статья / Research article

Английский язык в ЕС: до и после Брексита

М.А. Марусенко[✉], Н.М. Марусенко[✉]

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация;

✉ nmm.spb@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются перспективы сохранения английского языка в качестве официального и рабочего языка Евросоюза после Брексита. Вопреки надеждам некоторых государств-членов использование английского языка не только не сокращается, но, напротив, постоянно увеличивается. Это связано с появлением нового варианта английского — евроанглийского, который, по мнению руководителей ЕС, должен стать общим вторым языком европейцев, необходимым для жизни в единой глобальной деревне. Варианты английского в странах внешнего круга имеют, подобно вариантам из стран внутреннего круга, собственные эндоформативные особенности и приводят к отказу от мономодельного подхода, ориентированного на носителей от рождения, и переходу к полимодельной концепции. Эта динамичная полимодель включает в себя и варианты английского, используемые в Западной Европе как вторые языки носителями, у которых нет общего первого языка. В результате выхода Соединенного Королевства из ЕС социолингвистическое пространство для европейского(их) варианта(ов) даже расширилось, потому что Британия перестала быть арбитром правильности и источником языковой нормы. Поэтому в постбрекситовской Европе признание получает вариант, получивший название «евроанглийский». Хотя Соединенное Королевство официально вышло из ЕС 31 января 2020 г., английский остается самым употребительным иностранным языком в ЕС благодаря тому, что за прошлые 20 лет он стал *lingua franca* для европейских учреждений и носителей других языков. Сегодня английский является официальным языком только двух маленьких государств — членов ЕС (Ирландии и Мальты), где он имеет статус второго языка после гэльского и мальтийского соответственно. Но эти две страны не заявили английский своим официальным языком в Европейском парламенте, поэтому сегодня у английского нет юридических оснований оставаться официальным или рабочим языком Евросоюза. Несмотря на то, что английский после Брексита больше не имеет статуса официального языка ЕС, он усилил свои позиции, став *lingua franca* Европейского союза. Целью наднационального европейского руководства является превращение его во второй язык всех европейцев, необходимый для конкурентоспособной жизни в единой глобальной деревне.

Ключевые слова: Европейский союз, евроанглийский, британский английский, американский английский, официальный язык, рабочий язык

© Марусенко М.А., Марусенко Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Марусенко М.А., Марусенко Н.М.* Английский язык в ЕС: до и после Брек-сита // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 641–657. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-641-657>

English in the EU: Before and After Brexit

Mikhail A. Marusenko[✉], Natalia M. Marusenko^{ORCID}

St. Petersburg State University, *St. Petersburg, Russian Federation*

✉ nmm.spb@gmail.com

Abstract. The study discusses the prospects for maintaining English as the official and working language of the European Union after Brexit. Contrary to the hopes of some member states, the use of English is not decreasing, but, on the contrary, is constantly increasing. This is due to the emergence of a new variant of English, Euro-English, which, according to EU leaders, should become the common second language of Europeans, necessary for life in a single global village. Variants of English in the outer circle countries have, like variants from the inner circle countries, their own endonormative features, and lead to the abandonment of the mono-model approach focused on native speakers and to a polymodel concept. This dynamic polymodel also includes variants of English used in Western Europe as second languages by speakers who do not share a common first language. As a result of the United Kingdom's withdrawal from the EU, the sociolinguistic space for the European variant(s) has even expanded because Britain is no longer the arbiter of correctness and the source of linguistic norm. Therefore, in post-Brexit Europe, a variant called Euro-English is being recognized. Although the United Kingdom officially left the EU on January 31, 2020, English remains the most used foreign language in the EU, thanks to the fact that over the past 20 years it has become the lingua franca for European institutions and speakers of other languages. Today, English is the official language of only two small EU member states (Ireland and Malta), where it has second language status after Gaelic and Maltese respectively. But these two countries have not declared English as their official language in the European Parliament, so today English has no legal basis to remain an official or working language of the EU. Although English no longer has the status of an official EU language after Brexit, it has strengthened its position by becoming the lingua franca of the European Union. The goal of the supranational European leadership is to make it the second language of all Europeans, essential for competitive life in a single global village.

Key words: European Union, Euro-English, British English, American English, official language, working language

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Marusenko, M.A., and N.M. Marusenko. 2024. "English in the EU: Before and After Brexit." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 641–657. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-641-657>

Введение

Вопреки продолжающейся гегемонии вариантов английского языка, функционирующих в странах «внутреннего круга» и формирующих нормы для преподавания и изучения английского как второго и иностранного языка, местные варианты английского также стали получать официальное признание. Это связано с возникновением «лингвистики освобождения» во многих постколониальных государствах, таких как Индия, Нигерия, Сингапур и др., где в 1980–1990-х гг. появились нативизированные варианты английского [1. Р. 355–365]. Б. Качру показал, что варианты английского в странах внешнего круга имеют, подобно вариантам из стран внутреннего круга, собственные эндономативные особенности, призвал отказаться от мономодельного подхода, ориентированного на носителей от рождения, и перейти к полимодельной концепции [2]. Эта динамичная полимодель включает в себя и варианты английского, используемые в Западной Европе как вторые языки носителями, у которых нет общего первого языка. Их нужно рассматривать как вторые языки и включать во внешний круг. Английский в странах ЕС имеет правительственные, образовательные, информационные и трудовые функции, а также все в большей степени используется при создании интеллектуальной собственности.

В результате выхода Соединенного Королевства из ЕС социолингвистическое пространство для европейского(их) варианта(ов) даже расширилось, потому что Британия перестала быть арбитром правильности и источником языковой нормы. Поэтому в постбрекситовской Европе признание получает вариант, получивший название евроанглийский (Euro-English), опирающийся на четыре фактора: 1) языковая политика ЕС; 2) появление вариантов английского как второго языка в европейских странах; 3) статус английского в европейском образовании; 4) развитие евроанглийского [3. Р. 315].

Английский язык в ЕС

Когда в 1973 г. Соединенное Королевство вступило в Европейский Союз, английский стал официальным и рабочим языком ЕС. Сегодня он остается самым употребительным рабочим языком, но так было не всегда: до вступления Австрии, Швеции, Финляндии и восточноевропейских государств лидирующие позиции занимал французский язык.

Несмотря на то, что Соединенное Королевство официально вышло из ЕС 31 января 2020 г., английский остается самым употребительным иностранным языком в ЕС благодаря тому, что за прошлые 20 лет он стал *lingua franca* для европейских учреждений и носителей других языков. По данным Евробарометра, 51 % таких респондентов заявили, что могут говорить на английском

на каком-либо уровне. До выхода Соединенного Королевства 13 % населения ЕС были англофонами от рождения, а после Брексита их доля упала до 1 %. Но следует отметить, что после потери британцами европейского гражданства доля англофонов в ЕС сократилась до 44 %, и английский сохранил место самого употребительного языка ЕС. На немецком теперь говорят 36 % граждан ЕС, на французском 29 %, на итальянском 18 %, на испанском 17 %.

Среди языков, имеющих наибольшее число носителей от рождения, на первом месте идет немецкий (16 % населения ЕС), за которым следуют итальянский (13 %), французский (12 %), испанский и польский (по 6 %) ¹.

Распределение носителей английского языка как второго или иностранного по европейским странам неравномерно: самые большие доли англофонов зафиксированы в Нидерландах, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Австрии, Германии и Польше. Вместе с тем в Европе есть страны, где мало говорят по-английски: жители Франции, Турции, Албании и Испании предпочитают говорить на своих первых языках ².

Сегодня английский является официальным языком только двух маленьких государств — членов ЕС (Ирландии и Мальты), где он имеет статус второго языка после гэльского и мальтийского соответственно. Но эти две страны не заявили английский своим официальным языком в Европейском парламенте, поэтому сегодня у английского нет юридических оснований оставаться официальным или рабочим языком Евросоюза.

Однако Ирландия утверждает, что английский является ее официальным языком, наряду с гэльским, и может оставаться официальным языком в соответствии со статьей 1 Регламента № 1 от 1958 г. [2. С. 36]. Евросоюз может поддержать это предложение, но оно должно быть единогласно утверждено Советом Европы. Согласие с тем, чтобы Ирландия и Мальта могли иметь по два официальных языка, откроет возможность другим языкам, например баскскому или каталанскому, стать официальными языками. Франция и Германия выступают категорически против такого предложения.

Левые и правые политики во Франции рассматривают Брексит как шанс на повышение глобального статуса французского языка, но другие страны сопротивляются его превращению в главный второй язык, учитывая мировое распространение английского и желая защитить свои инвестиции в его изучение.

Еще в октябре 2016 г. француз Мишель Барнье, главный переговорщик от ЕС по Брекситу, предложил, чтобы переговоры между ЕС и Соединенным Королевством велись на французском. Это предложение вызвало двойственную

¹ Europeans and their languages. Special Eurobarometer. 386, June 2012. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f551bd64-8615-4781-9be1-c592217dad83> (accessed: 13.03.2024).

² Thomas L. What Countries In Europe Speak English? 2024 Guide. URL: <https://www.manyotherroads.co.uk/what-europe-countries-speak-english/> (accessed: 23.03.2024).

реакцию: некоторые согласились с ним, понимая, что у английского не будет оснований оставаться официальным языком ЕС, другие, включая британского премьер-министра Терезу Мей, возражали, говоря, что на переговорах необходимо учитывать интересы Соединенного Королевства. Председатель Еврокомиссии люксембуржец Жан-Клод Юнклер в 2017 г. заявил, что английский «медленно, но верно» теряет свое значение в ЕС. Но он выдал желаемое за действительное, к тому же произнес эту колкость на английском языке, что вызвало смех в аудитории³. Юнклер был прав в том отношении, что в коридорах евроучреждений английский будет звучать несколько реже, но это из-за увольнения большой группы англофонов-британцев.

Другой вариант заключается в том, чтобы Ирландия и Мальта заявили английский в качестве своего официального языка. Но это означало бы, что гэльский и мальтийский перестанут быть официальными языками ЕС. Такое решение вряд ли получит поддержку граждан — носителей этих языков от рождения⁴.

Если английский перестает быть официальным языком ЕС, официальные документы больше не должны будут переводиться на английский. Это имеет большое значение для устных и письменных переводчиков, потому что английский является главным языком-посредником. Использование других языков-посредников, например, французского или немецкого, приведет к резкому увеличению финансовых, временных и организационных затрат. Если же он остается рабочим языком, дальнейшее развитие получит евроанглийский, особый вариант английского, используемый в евроучреждениях.

По сей день ситуация, порожденная Брекситом, остается неясной. В коммюнике Еврокомиссии сообщалось, что деятельность административных служб, включая службы устного и письменного перевода, не изменится после выхода Соединенного Королевства. Никакого другого официального извещения о том, останется ли английский официальным языком ЕС, нет [2].

Обсуждение

Брексит и европейская политика в отношении английского

Рассматривая последствия выхода Соединенного Королевства из ЕС для европейской языковой политики, необходимо учитывать не только его значение для аппарата ЕС и обязательного образования, но также формы и функции

³ Britain is leaving the EU, but its language will stay. Despite Jean-Claude Juncker's joke, Anglophones should rest easy. URL: <https://www.economist.com/europe/2017/05/13/britain-is-leaving-the-eu-but-its-language-will-stay> (accessed: 21.03.2024).

⁴ Clément A. What Future for English in the EU After Brexit? URL: <https://mastertcloc.unistra.fr/2019/09/08/english-in-the-eu-after-brexit/> (accessed: 16.03.2024).

этого языка для населения. Несмотря на выход, английский остается прагматическим языком-посредником, который вместе с немецким и французским образует «тройку» рабочих языков. Евросоюза. Однако при уходе практически всех носителей английского как первого языка формы и функции английского должны измениться. Все британские подданные, работающие в службах устного и письменного перевода, покидают свои рабочие места, и теперь английский будут олицетворять люди, пришедшие им на замену, для большинства которых (кроме ирландцев) английский не является материнским языком. Развитие языка пойдет в направлении европейского *lingua franca*. Теперь, когда англичане больше не определяют и не поддерживают образовательные стандарты, регулирующие изучение иностранных языков и поддерживаемые влиянием около 60 млн носителей английского как первого языка, Евросоюзу остается только поддержка своего идеализированного представления об английском языке.

Сразу же после британского референдума 23 июня 2016 г. французы ясно дали понять, что английский должен перестать быть европейским языком, как только Соединенное Королевство перестанет быть государством — членом ЕС. Отныне никто в ЕС не должен использовать английский язык. Соответственно, ни у кого больше не будет законных оснований требовать переводов с английского и на английский с оставшихся 23 официальных языков. По этой же причине, потеряв статус официального языка, английский должен перестать быть одним из трех рабочих языков ЕС.

Французский был *lingua franca* евроучреждений до 2004-2007 гг., пока в ЕС не вступили восточноевропейские страны. Не считая Румынии, немногие восточноевропейцы говорили по-французски, а после распада коммунистического блока в них обязательным стало изучение английского языка. Именно вступление восточноевропейских стран сделало штаб-квартиру ЕС в Брюсселе англоговорящей.

Но больше чем система образования на распространение английского в Европе, особенно среди людей до 40 лет, повлияли американские кинофильмы, телевидение и музыка, которые образуют американский культурный империализм. Это явление не имеет ничего общего с Великобританией, а объясняется чисто американским влиянием. Еврочиновники, особенно франкофоны, часто жаловались, что оно дает несправедливые преимущества британцам в формировании языковой политики ЕС. Никто не осмеливался роптать против американцев, а британцы никогда не проявляли большого интереса к внутренним делам ЕС⁵.

⁵ Keating D. Despite Brexit, English Remains the EU's Most Spoken Language By Far // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/davekeating/2020/02/06/despite-brex-it-english-remains-the-eus-most-spoken-language-by-far/?sh=6665d01b412f> (accessed: 21.03.2024).

Последним бастионом франкофонии в ЕС оставался Европейский суд, судьи которого использовали французский для внутренних прений с момента своего основания в 1952 г., когда все первые семь судей были франкоязычными, а Соединенное Королевство не было членом Европейского сообщества угля и стали, предшественника Общего рынка и Европейского союза. Руководители Европейского суда стали обсуждать возможность использовать английский наряду с французским под предлогом сохранения и повышения эффективности его работы⁶.

После референдума член правой французской партии Национальный фронт Р. Менар заявил, что английский язык больше не имеет никакой легитимности в ЕС. Вслед за ним социалист Ж.-Л. Меланшон потребовал, чтобы английский исключили из числа трех рабочих языков Европарламента. Эти требования были поддержаны на самом высоком европейском уровне: польский депутат и председатель Комитета по конституционным делам Д. Хюбнер, бывшая ключевым участником переговоров по Брекситу, настаивала на том, что английский, перестав быть языком государства-члена, потерял свое место в ЕС. Вместе с тем немецкие официальные лица высказывались за сохранение статуса английского в ЕС⁷.

Антианглийские настроения были контрпродуктивными по разным причинам. Во-первых, они разжигают внутренний антагонизм, поскольку показывают желание предоставить одному языку (например, французскому) более важную роль в ущерб другим европейским языкам. Во-вторых, они свидетельствуют о наличии поддержки выхода британцев из ЕС. Многие французы считают, что естественным результатом Брексита станет занятие французским места самого главного европейского языка. Но большинство представителей других европейских стран считали, что отказ от английского сократит их коммуникативные возможности. Они много инвестировали в изучение английского языка и не готовы участвовать в работе ЕС на других языках. По этой и другим причинам они не соглашались на исключение английского, самого распространенного европейского *lingua franca*, который останется таковым еще на десятилетия.

Для того чтобы укрепить значение французского в ЕС, французы предлагали разные меры. Одна из них — предоставить государствам-членам право иметь более одного официального языка. Это вызвало энтузиазм у ирландцев и мальтийцев, большинство из которых не могут говорить на своем первом официальном языке. Однако независимо от позиции Ирландии и Мальты

⁶ Baume M., de la. As Britain leaves, English on rise in EU — to French horror // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/french-english-language-brexit-european-parliament-ecj-com-mission-eu-next-waterloo/> (accessed: 18.03.2024).

⁷ English language could be dropped from European Union after Brexit // The Daily Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/28/english-language-could-be-dropped-from-european-union-after-brex/> (accessed: 17.03.2024).

большинство европейцев, особенно в скандинавских и восточноевропейских странах, настаивали на сохранении английского в качестве официального и главного рабочего языка⁸.

Основным возражением против такого решения стало то, что возрождение Вавилонской башни с общим дискурсом на английском языке представляет собой элитистский проект, который приведет к появлению в Европе «касты брахманов» — класса многоязычных выпускников элитных университетов, кочующих из страны в страну и доминирующих в общеевропейских дебатах⁹.

До Брексита Соединенное Королевство было единственным государством-членом, имеющим право высказываться о судьбах английского языка в ЕС. Благодаря возложенной на себя роли хранителей английского языка и большому числу носителей британцы распространяли свой вариант языка — стандартный британский английский с британским произношением — как самую достойную версию языка во всем мире, несмотря на конкуренцию американского английского. Они же определяли, как английский должен преподаваться в школах стран ЕС. После выхода британцев охранять структурную целостность британского английского от американского варианта и носителей английского как второго языка стало некому. Поэтому в Европе запущен процесс дискурсивной нативизации, который представляет собой важную фазу процесса развития национальных вариантов.

Вполне возможно, что членство Соединенного Королевства в ЕС не влияет на решение континентальных европейских государств продолжать использовать английский язык. Их приверженность к говорению, чтению и письму на английском является интегральным компонентом глобализации. Европейские народы видят в английском возможность общаться друг с другом и со всем миром, т. е. маркер принадлежности к глобальному сообществу, почему они и выбирают его в качестве второго языка.

Европейцы, работающие в учреждениях ЕС, продолжают использовать английский в устной форме в повседневной коммуникации и на совещаниях, а в письменной форме — в деловой переписке. Но теперь у них нет коллег — носителей английского как первого языка, способных оказать помощь, и они должны полагаться только на свою собственную компетентность. Поэтому они в большей степени зависят от переводческих служб. Но что еще более важно, их использование английского больше не контролируется коллегами — носителями языка от рождения, которые поддерживали общий стандарт. В этих

⁸ Eurostat: English reinforces its status as Europe's 'lingua franca' // Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/eurostat-english-reinforces-its-status-as-europe-s-lingua-franca/> (accessed: 17.03.2024)

⁹ Brexit is the ideal moment to make English the EU's common language // Economist. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/06/15/brexit-is-the-ideal-moment-to-make-english-the-us-common-language> (accessed: 18.03.2024).

условиях английский эволюционирует по модели других вариантов вторых языков, испытывающих влияние материнских языков народов ЕС. Признаки языковой нативизации, затрагивающие лексику, произношение и грамматику, становятся всё более очевидными.

Кое-кто считает, что граждане Ирландской республики могут взять на себя роль хранителей английского языка, которую выполняли британцы. Но такой сценарий нереален: Ирландия заявила официальным языком свой автохтонный ирландский гэльский язык, а многие ирландцы считают Соединенное Королевство империей, отказывающей им в праве на самоопределение и все еще удерживающей Северную Ирландию. Поэтому маловероятно, что Ирландия станет лоббистом британского варианта английского в ЕС после ухода британцев. Но даже в этом случае, учитывая малую численность населения Ирландии (менее одного процента населения ЕС), их усилия не дадут результата.

Существует теоретическая возможность, что Шотландия отделится от Соединенного Королевства и как независимая нация потребует статуса государства-члена. В этом случае она сможет заявить английский своим официальным языком. Любое альтернативное решение приведет к потере английским статуса официального языка Евросоюза. Но, как и в случае с Ирландией, вряд ли шотландцы захотят продвигать в ЕС британский английский. У них есть свой автохтонный кельтский язык — шотландский гэльский, ради спасения которого они применяют разные модели поддержки и возрождения.

При такой конъюнктуре не стоит надеяться, что ирландцы и шотландцы станут расходовать свои ресурсы в интересах носителей британского английского. После выхода Соединенного Королевства во всей Европе насчитывается не более 10 млн носителей английского от рождения, при том что в ней имеются семь языков со значительно большим числом носителей с первыми языками (немецкий, французский, итальянский, испанский, польский, румынский, нидерландский). Кроме того, есть еще пять языков, имеющих около десяти миллионов носителей, что ставит английский (включая Шотландию) далеко не на первое место¹⁰. А без Шотландии английский насчитывает менее пяти миллионов носителей от рождения, что составляет около 1 % населения ЕС без Соединенного Королевства.

В течение последних 20 лет Евросоюз прилагал большие усилия по введению английского во внутреннюю деятельность своих учреждений. Сегодня в Европе три главных языка: немецкий с самым большим числом носителей с первым языком (около 90 млн), французский и итальянский (по 60 млн и более носителей с первым языком). Итальянцы мало интересуются этой проблемой и никогда не принимали никаких усилий для того, чтобы сделать итальянский

¹⁰ Europeans and their languages. Special Eurobarometer. 386, June 2012. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f551bd64-8615-4781-9be1-c592217dad83> (accessed: 13.03.2024).

конкурентом в тройке рабочих языков ЕС. Общий упадок французского и сопротивление Германии французским попыткам языкового реванша привели в росту использования английского жителями континентальной Европы. Они считают это своим естественным выбором рабочего языка, и сегодня большинство совещаний с участием представителей разных европейских стран проводятся на английском языке. Большинство европейских агентств ведут свое повседневное делопроизводство на английском, и большинство письменных документов составляется на английском языке.

Говоря о роли английского языка в ЕС, нельзя не отметить роль британского английского в поддержании европейских образовательных стандартов. Что касается среднего образования, европейские школы продолжают относиться к английскому так же, как раньше, в результате чего учащиеся смешивают элементы британского и американского английских с большей или меньшей интерференцией со своими первыми языками. Тем не менее четко прослеживается падение британской нормы и рост использования признаков, ассоциируемых с американским английским. Идея о разделении этих двух вариантов окончательно заброшена, и возобладал подход к языку как инструменту коммуникации, основанный на общих компетенциях.

О глубоком внедрении английского в континентальную Европу свидетельствует статистика: 97 % учащихся старших средних школ изучают английский как иностранный язык; французский, немецкий и испанский следуют за ним, но с большим разрывом. Французский изучают 19 % учеников начальных и младших средних школ и 23 % в старших средних школах. За ним идут немецкий (9 и 21 %) и испанский (6 и 18 %). Доминирование английского начинается в младшем возрасте (83 % учеников изучают английский в начальной и младшей средней школе). В среднем образовании английский стал обязательным иностранным языком, охватывая практически 100 % учащихся во всех странах, за редкими исключениями (Португалия 47 %, Мальта 66,5 %, Венгрия 78,5 %, Болгария 88 %). Некоторые страны, например Дания, ввели изучение английского с первого класса¹¹.

Инструментальная ценность языка увеличивается с ростом числа говорящих на нем, поэтому она растет со временем. Изучение языка занимает длительное время, и общество не может быстро сменить языки, которые в нем используются. Тренд распространения английского в Европе начался задолго до Брексита, и он не собирается ослабевать, даже «медленно, но верно».

Если не произойдет нечто непредвиденное, Европа будет продолжать продвижение английского за счет других языков. Очевидно, что европейская система образования готовит жителей континентальной Европы к жизни в

¹¹ Eurostat: English reinforces its status as Europe's 'lingua franca' // Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/eurostat-english-reinforces-its-status-as-europe-s-lingua-franca/> (accessed: 17.03.2024).

глобальной деревне с доминированием английского языка. Нет никаких оснований полагать, что в краткосрочной перспективе произойдут изменения в этой сфере. Тем не менее возможно, что Европарламент и/или Еврокомиссия изменят концепцию английского в школьном образовании, институционально признав легитимность европейского варианта английского языка. В этом случае вариант английского в континентальной Европе — евроанглийский — получит институциональную поддержку в европейском речевом сообществе (за исключением ирландцев и мальтийцев). Если Европа выработает свою лексическую, грамматическую, орфографическую и пунктуационную норму, это позволит снять напряжение, существующее между сторонниками американского и британского вариантов. За этим может последовать кодификация произношения евроанглийского с учетом региональных вариантов.

В сфере высшего образования английский удерживает доминирующую позицию, особенно в образовательных программах, ориентированных на академическую мобильность европейских студентов. После выхода Соединенного Королевства британское влияние на языковую политику континентальных европейских стран в высшем образовании быстро падает, что, несомненно, скажется на жизнеспособности британской нормы в системе образования.

Вместе с тем Брексит имеет серьезные последствия и для автохтонных миноритарных языков Соединенного Королевства. Британские миноритарные языки (валлийский, шотландский гэльский, ирландский гэльский и корнуэльский) стремились занять свое место в так называемой «Европе регионов»¹². В борьбе за признание своих языков на национальном и международном уровнях они опирались на поддержку других миноритарных языковых групп на европейском континенте. После выхода Соединенного Королевства из юрисдикции Европейского суда и Европейского суда по правам человека некому будет давить на британское правительство и защищать права и свободы миноритарных языков. Носители этих языков больше не могут обращаться за защитой в международные суды¹³.

Брюссель — источник евроанглийского

Европейская политика многоязычия направлена на то, чтобы сделать все 23 (без английского) официальных языка равноправными. Каждый европейский гражданин может надеяться, что Еврокомиссия ответит на его обращение на его языке, евродепутаты требуют синхронного перевода своих выступлений

¹² Marusenko M.A. Regions of Europe // Geopolitics. 2015. No. 1. URL: http://www.xn--80af-gmamehaj0b.xn--p1ai/2015_01/150421marusenko-evropa_regionov.pdf (accessed: 23.03.2024).

¹³ English could be a more successful Esperanto in a post-Brexit EU // Theconversation. URL: <https://theconversation.com/english-could-be-a-more-successful-esperanto-in-a-post-brexit-eu-77375> (accessed: 23.03.2024).

на эти языки, а еврокомиссары выступают на английском, французском или немецком. Но в связи с расширением ЕС за счет северных, центральноевропейских и восточноевропейских стран европейской реальностью стал *lingua franca* еврочиновников. Штаты евроучреждений состоят из представителей разных государств-членов, что породило языковую гибридность, благодаря которой возник евроанглийский.

Раньше все тексты переводилось на другие языки ЕС, но сегодня более 90 % законодательных актов составляются на «английском языке». Этот вариант английского языка интенсивно развивается, хотя его устная форма воспринимается как некорректная англофонами от рождения. Однако проблема заключается не в том, существует евроанглийский или нет: всё дело в том, как мы реагируем на его эволюцию. Всё большую поддержку получает точка зрения, что он разрушает тиранию британского и американского вариантов и формирует компетентных носителей второго языка, которые ощущают его своим языком.

Тем не менее распространяемое Еврокомиссией справочное пособие по английскому языку *English Style Guide (A handbook for authors and translators in the European Commission)* ориентируется не на евроанглийский и не на американский английский, но «в целях удобства на стандартный узус Британии и Ирландии, т. е. на британский английский»¹⁴. Это пособие снабжает еврочиновников информацией о языковых договоренностях относительно правил пунктуации, использования заглавных букв, аббревиатур и иностранных заимствований. Создание собственной терминологии направлено на формирование единой целостной идентичности Европейского союза.

Евроанглийский уже создал собственные новые определения для некоторых слов, отражающие особенности евроязыка, используемого в Брюсселе. Так, например, *eventual* используется как синоним *possible* или *possibly*, а *subsidiary* теперь значит «принцип, согласно которому законодательные акты должны приниматься как можно ближе к людям»; *berlaymont* значит «бюрократия», *conditionality* заменило *conditions*, а *semester* обозначает шесть месяцев [З. Р. 313–327].

Старший переводчик Европейского суда аудиторов Дж. Гарднер не считает полезной эту новую модель, потому что отклонения от британской и ирландской нормы могут причинить вред: «Это вопрос демократии, потому что европейцы хотят, могут и уже говорят по-английски. Если ЕС навязет любой другой язык в качестве главного официального и рабочего языка, это приведет к нарушению главной линии коммуникации с европейскими гражданами». Гарднер составил шестидесятистраничный доклад об английских словах, непра-

¹⁴ Wax E., Gonzalez C. Brexit means... Euro-English? // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/english-language-of-the-eu/> (accessed: 18.03.2024).

вильно используемых аудиторами Европейского суда и несовместимых с узусом стандартного британского¹⁵.

Те формы и функции английского, которые носители его как второго языка в странах континентальной Европы изучают в процессе обязательного образования, имеют массу недостатков, главный из которых заключается в переносе интереса со структур языка, грамматики и упражнений по переводу на коммуникативные компетенции. Этот процесс, вместо того чтобы дать учащимся знание прескриптивной грамматики идеального варианта, функционирующего в странах внутреннего круга, что было целью обучения в течение последних двадцати-тридцати лет, привел к признанию того, что британский английский больше не нуждается в норме, с которой должны сравниваться все другие варианты, входящие в понятие мировые английские (World Englishes). Это имеет большое значение, потому что дистанцирование от традиционной нормы ведет к принятию новых форм, которые представляют собой маркеры идентичности тех речевых сообществ, которые пользуются ими.

Такие изменения языка имеют исторические прецеденты — варианты английского, на которых говорят в бывших британских колониях, где стандартный английский со временем выработал свои собственные правила. Индийский английский, малайзийский английский и многие другие варианты разработали свои грамматики и нормы. Эти варианты образовались не потому, что их носители плохо учили британский английский — их изучение английского имело совершенно другую цель, и для многих из них английский был наследственным первым языком¹⁶. Английский больше не принадлежит носителям от рождения: он принадлежит каждому, кто говорит на нем и развивается в соответствии с коммуникативными потребностями разных речевых сообществ.

Аналогичные процессы привели к появлению евроанглийского, относительно природы которого существуют разные точки зрения. Вначале он считался видом контактного языка, подвергнувшегося упрощениям и ограничению функций, с ярко выраженной склонностью к употреблению европейского жаргона. Более корректным было бы его определение как социолекта европейского английского. Определение евроанглийского как упрощенного языка страдает тем, что оно несправедливо маргинализует постоянно растущее число компетентных носителей этого языка в странах ЕС. Термин «евроанглийский» применяется в отношении языка тех европейцев, чьи компетенции базируются не на каком-либо из вариантов внутреннего круга, а включают

¹⁵ European Court of Auditors. Misused English words and expressions in EU publications // Eca.europa. URL: https://www.eca.europa.eu/Other%20publications/EN_TERMINOLOGY_PUBLICATION/EN_TERMINOLOGY_PUBLICATION.pdf (accessed: 20.03.2024).

¹⁶ O'Grady C. After Brexit, EU English will be free to morph into a distinct variety // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/science/blog/2017/sep/25/without-uk-influence-eu-english-will-be-free-to-morph-into-a-distinct-variety> (accessed: 18.03.2024).

признаки стандартного английского и их наследственных языков с большой долей культурных признаков, специфических для континентальной Европы. Самыми заметными признаками евроанглийского являются региональный акцент и использование специфической лексики.

Лексическая и культурная специфика использования английского как второго языка в европейских странах делится на две главные категории:

1) специальная терминология, используемая в евроучреждениях и ограничено распространенная среди населения;

2) лексические единицы, идиомы, поговорки и выражения, которые характерны для культуры континентальной Европы и используются широкими народными массами. Эта лексика является потенциальной характеристикой евроанглийского, признается и используется во всех странах ЕС. Примерами таких лексем являются, например, *four freedoms*, *Schengen land*, *unity through diversity* и т. д.

Кроме лексики исследователи выявили большой набор других признаков (грамматических, фонетических, фразеологических и т. д.), характерных для английского, используемого в странах ЕС [3. Р. 323]. Но жители континентальной Европы в целом используют меньше идиом, чем носители из стран внутреннего круга, потому что понимают, что в международном контексте они могут быть непонятны и стать препятствием для эффективной коммуникации. Разница заключается также в том, что подавляющее большинство носителей из стран внутреннего круга общаются с людьми с похожими языковыми компетенциями, тогда как европейцы в основном используют английский как язык-посредник в межкультурной коммуникации. Это ведет к тому, что стратегии использования английского в континентальной Европе развиваются не так, как в странах внутреннего круга. Это отличает их и от стран расширяющегося круга, которые пока ориентируются на стандартный британский вариант.

Таким образом, в Европейском союзе развивается собственная форма английского языка, свободная от тирании стандартной языковой идеологии и которая может нарушить глобальное равновесие между американским и английским написанием слов, типа *harbor* и *organization*. Существуют признаки, показывающие, что евроанглийский развивается в отдельный способ коммуникации. Если он останется в ЕС после Брексита, то получит кодифицированную форму в виде словаря и будет преподаваться в школах, подобно американскому или австралийскому английским. Европейцам придется принять американскую систему орфографии, что добавит 443 млн человек к уже существующим пользователям этой системы.

За пределами Брюсселя люди также создают свои варианты английского языка, например, в странах Северной Европы.

Источником евроанглийского являются еврочиновники, работающие в Брюсселе. Он представляет собой повседневную разговорную форму языка,

используемую сотрудниками евроучреждений, часто смешанную с бюрократическим жаргоном британского английского. Его характерной чертой являются пословные переводы с других языков и пренебрежение такими «мелочами», как правильное употребление предлогов. Как отметил один немецкий евродепутат, «это беспорядочное использование английского языка. Эти люди стараются выразиться на нем, но очень часто делают пословные переводы со своих этнических языков и добавляют к ним элементы технократического языка, идущие от европейских учреждений. На совещаниях, когда нет перевода и когда люди общаются на английском, они таким образом доносят свою точку зрения»¹⁷.

Несмотря на то, что сегодня в ЕС осталось 23 официальных языка, Еврокомиссия использует только три «рабочих языка»: английский, французский и немецкий. Германия не прилагает больших усилий для продвижения немецкого, тогда как Франция настаивает на расширении использования французского, особенно в периоды французского председательства, хотя большинство еврочиновников из северных и прибалтийских государств владеют из иностранных только английским языком. Французы мотивируют это тем, что французский долго был языком дипломатии, но потерял этот статус в 2004–2007 гг. из-за приема в ЕС восточноевропейских государств, в которых английский был главным иностранным языком. Еврочиновники из малых европейских государств используют английский как наиболее эффективный способ излагать свою позицию с надеждой быть понятыми. Варианты замены английского языка на французский или немецкий либо добавления другого языка нереальны, потому что потребуют больших вложений на обучение еврочиновников.

Французский министр по европейским делам Клеман Бон и государственный секретарь Жан-Батист Лемуан заявили в 2021 г. что французское председательство в ЕС дает возможность поднять на новый уровень жизненно важную борьбу за многоязычие. Они признали, что использование французского в ЕС сократилось в пользу английского и еще больше в пользу глобального языка (Globish), эрзаца английского языка, сужающего рамки мышления человека и ограничивающего возможности самовыражения легким и естественным способом.

Но ЕС не может силой навязывать языки людям, даже если он поощряет многоязычие населения. Изучение иностранных языков в государствах-членах растет, и, согласно мониторингу Евростата, в 2020 г. 97 % учащихся выбрали английский своим первым иностранным языком.

Хотя Соединенное Королевство больше не является членом ЕС, многие граждане считают английский более нейтральным языком, чем любой другой

¹⁷ Klingert L. English still number one EU language despite lack of native speakers // The Brussels Times. <https://www.brusselstimes.com/363403/english-still-number-one-eu-language-despite-lack-of-native-speakers> (accessed: 13.03.2024).

европейский язык. Как отметила профессор Оксфордского университета Х. Роуз, многие европейцы рассматривают английский как европейский *lingua franca*, и будет очень трудно изменить это практически. Могут существовать идеологические причины для отказа от него, но очень трудно найти ему замену. Политические аргументы при этом не должны учитываться: английский более не принадлежит ни одному из его носителей и все пользуются им на равных основаниях¹⁸.

Повышение статуса евроанглийского объясняется еще и тем, что в Европе он не ассоциируется ни с колониальной историей, ни с историей массовой иммиграции носителей из стран внутреннего круга. Трансформация этого языка из иностранного во второй язык объясняется его инструментальной ценностью в многоязычном европейском сообществе. Дальнейшее признание, легитимация и кодификация будут происходить так же, как для любого варианта английского из стран внешнего круга.

Заключение

Несмотря на то, что английский после Брексита больше не имеет статуса официального языка ЕС, он усилил свои позиции, став *lingua franca* Европейского союза. После выхода Соединенного Королевства доля англофонов от рождения в структуре населения ЕС составляет около 1 %, что практически нейтрализует англоцентрический характер английского языка и делает из него максимально нейтральный язык коммуникации по сравнению с другими европейскими языками. Английский превращается в новый эсперанто, который был создан в конце XIX в. для того, чтобы объединить все нации в единое братство. Целью наднационального европейского руководства является превращение его во второй язык всех европейцев, необходимый для конкурентоспособной жизни в единой глобальной деревне.

Список литературы

1. *Kachru B.B. Teaching world Englishes / ed. by B. Kachru. The other tongue: English across cultures. 2nd ed. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1992. P. 355–365.*
2. *Kachru B.B. The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-native Englishes. University of Illinois Press, 1986. 200 p.*
3. *Modiano M. English in a post-Brexit European Union // World Englishes. 2017. Vol. 36 (3). P. 313–327.*

References

1. Kachru, B.B., ed. 1992. *Teaching world Englishes. In The other tongue: English across cultures.* 2nd ed. Urbana, IL: University of Illinois Press., p. 355–365.

¹⁸ Klingert L. English still number one EU language despite lack of native speakers // *The Brussels Times*. URL: <https://www.brusselstimes.com/363403/english-still-number-one-eu-language-despite-lack-of-native-speakers> (accessed: 13.03.2024).

2. Kachru, B.B. 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-native Englishes*. University of Illinois Press.
3. Modiano, M. 2017. “English in a post-Brexit European Union.” *World Englishes*, vol. 36, no 3, pp. 313–327.

Сведения об авторах:

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры математической лингвистики, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. ORCID: 0000-0002-0441-7845. E-mail: mamikhail@yandex.ru

Марусенко Наталия Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры математической лингвистики, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. ORCID: 0000-0002-3347-1373. E-mail: nmm.spb.@gmail.com

Bio notes:

Mikhail A. Marusenko is a Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Computational Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0441-7845. E-mail: mamikhail@yandex.ru

Natalia M. Marusenko is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Computational Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3347-1373. E-mail: nmm.spb.@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-658-667

EDN: DHBZLR

Научная статья / Research article

Жанр поздравления в эвенском языке

Е.В. Нестерова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Российская Федерация
✉ elenanesterova-2010@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные особенности речевого жанра поздравления в эвенском языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и описания текстов естественной письменной речи носителей исчезающего языка. В настоящее время поздравление — один из развивающихся речевых жанров в эвенском языке. Изучение данного языкового явления дает представление о современном состоянии эвенского языка, выявляет различные тенденции письменной речи современных носителей. Объект предпринятого исследования — речевой жанр поздравления в эвенском языке, предмет — структурные, лексические и стилистические особенности жанра. Цель исследования — описание особенностей эвенских поздравлений. Основным материалом исследования послужили тексты сообщений из мессенджера WhatsApp. Применен описательный метод, использованы приемы лингвистического наблюдения, обобщения и интерпретации. Современная эпоха, время новых цифровых технологий, единая российская культурная среда послужили развитию в эвенском языке речевого жанра поздравления. В результате исследования выделены три типа поздравления: краткое, полное, развернутое. Определены основные смысловые доминанты поздравительной речи: благополучие, счастье, здоровье. Частотными выразительными средствами поздравлений выступают олицетворения, метафоры, лексические повторы, синонимы. На примере текстов поздравлений прослеживается активное влияние русского языка: заимствована структура поздравления, часто применяется калькирование русских выражений. Вместе с тем в поздравлениях используются традиционные для народа образы, связанные с окружающей средой, например: солнце, олень. Выявлено функционирование лексем, подвергшихся расширению лексических значений слов, активизация единиц пассивного словарного фонда, формирование неологизмов, речевых формул. Текст поздравления является образцом выражения речевой личности современного носителя эвенского языка и отражает степень владения родным языком, умение обращаться с выразительными средствами.

Ключевые слова: эвенский язык, поздравление, письменная речь, выразительные средства, речевые формулы, неологизмы

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нестерова Е.В. Жанр поздравления в эвенском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 658–667. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-658-667>

© Нестерова Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Congratulation Genre in the Even Language

Elena V. Nesterova^{ID}

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ elenanesterova-2010@mail.ru

Abstract. The study considers the main features of the speech congratulation genre in the Even language. The relevance of the study is due to the need to study and describe the texts of natural written speech of the speakers of the disappearing Even language. At present, congratulation is one of the developing speech genres in the Even language. The study of this linguistic phenomenon will give an idea of the current state of the Even language and reveal various tendencies of written speech of modern speakers. The object of the undertaken research is the speech congratulation genre in the Even language, the subject of the study is the structural, lexical and stylistic features of the genre. The aim of the work is to describe the peculiarities of the Evenish greetings. The main material of the study was the texts of messages from WhatsApp messenger. The descriptive method was applied, the techniques of linguistic observation, generalisation and interpretation were used. The time of new digital technologies, the unified Russian cultural environment have served the development of the speech congratulations genre in the Even language. As a result of the study, three types of congratulations were identified: brief, full, extended. The main semantic dominants of congratulatory speech were identified: well-being, happiness, health. Frequent expressive means of congratulations are personifications, metaphors, lexical repetitions, synonyms. The active influence of the Russian language can be traced in the texts of congratulations: the structure of congratulations is borrowed, and Russian expressions are often used. At the same time, the traditional images associated with the environment are used in congratulations, for example: sun, deer. The functioning of lexemes subjected to the expansion of lexical meanings of words, activation of units of the passive vocabulary fund, formation of neologisms and speech formulas is revealed. The text of congratulations is a sample of expression of the speech personality of a modern speaker of Even language and reflects the degree of mastery of the native language, the ability to handle expressive means.

Key words: Even language, congratulation, written speech, expressive means, speech formulas, neologisms

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Nesterova, E.V. 2024. "Congratulation Genre in the Even Language." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 658–667. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-658-667>

Введение

В настоящее время человечество получило множество возможностей, в числе которых свободный доступ к информации, дистанционное общение в реальном времени, что оказало значительное влияние на общество в целом и на эвенский язык в частности. Эвенский язык входит в северную группу тунгусо-маньчжурских языков. Эвены относятся к коренным малочисленным

народам Севера и, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность народа составляет 19 975 чел.¹

Современные носители эвенского языка активно вовлекаются в сферу цифровых технологий. Языковыми активистами создаются различные сообщества в социальных сетях и мессенджерах, ведется деятельность этноблогеров, сетевых изданий, развивается контент приложений для смартфонов. Результатом данных общественных явлений является создание новой языковой среды.

Цель настоящего исследования — изучение особенностей жанра *поздравление* в эвенском языке. В качестве материала привлечены тексты сообщений из популярного мессенджера WhatsApp, группы «Эвенландия», созданной активистами Магаданской области в 2014 г.

Членами сообщества являются эвены Магаданской области, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа, Камчатского и Хабаровского края. В данное время насчитывается сто одиннадцать участников преимущественно среднего возраста, активную деятельность в группе ведут носители пожилого возраста от шестидесяти лет. Группа объединяет представителей разных говоров и диалектов, носителей и невладеющих, но желающих обучиться эвенскому языку. Общение ведется на эвенском и русском языках. Атмосфера в группе дружественная, многие знакомы друг с другом, являются земляками, родственниками, друзьями. В непринужденной беседе участники делятся своими знаниями о родном языке, духовной и материальной культуре, обсуждают различные новости, выражают свое отношение и положительные эмоции по поводу различных праздников, знаменательных и важных событий.

Обсуждение

Общая культурная российская среда, в которой проводятся государственные, традиционные, профессиональные праздники, отмечаются особые дни (День знаний, День матери и др.), юбилеи, дни рождения, послужила возникновению потребности в выражении поздравлений на родном эвенском языке.

Поздравление — один из видов речевых жанров. М.М. Бахтин именуется речевыми жанрами относительно устойчивые типы высказываний: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1. С. 237].

В своих исследованиях Т.В. Шмелева выделяет четыре типа речевых жанров:

1) *информативные*, цель которых — различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 18.02.2024).

2) *императивные*, цель которых — вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения;

3) *этикетные*, цель которых — осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и т. д., вплоть до отречения от престола;

4) *оценочные*, цель которых — изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [2. С. 91–92].

Исследователь объединяет поздравления, благодарность, извинение и соболезнование в группу перформативных высказываний этикетных речевых жанров, которые «могут быть сведены к перформативному глаголу, выражающему одновременно акт речи и действия» [3. С. 4].

Эвенский язык относится к языкам младописьменным и малоизученным. В эвеноведении тема речевых жанров ранее не становилась объектом специального исследования. В настоящей работе поздравление рассматривается как текст естественной письменной речи. По определению Т.П. Сухотериной, поздравление — это «тексты, различные по внешнему оформлению, но имеющие одинаковое содержание, включающие поздравление (и в большинстве случаев пожелания), выполненные на разных субстратах, объединённые одной интенцией» [4. С. 396].

Эвенские поздравления являются текстами небольшого размера, основным способом составления которых является калькирование. Структурная организация текста заимствована из русского языка. По составу компонентов выделяются три типа поздравлений: краткие, полные, развернутые.

Краткие состоят из двух компонентов:

а) приветствие, поздравление, например: *Дорова, эвэсэл! Ануамта ануанич!* ‘Здравствуйте, эвены! С Новым годом!’; *Дорова, дялбу! Хэвки балдача инэжидин!* ‘Здравствуйте, мои родные! С Бога рождения днем!’ (С Рождеством Христовым). Чаще всего поздравления, как и все сообщения в мессенджере, не имеют подписи, так как идентификатором личности поздравляющего служит имя пользователя, указанное в профиле участника;

б) обращение к адресату, поздравление. Это наиболее распространенные поздравления, в которых последовательность компонентов (обращение к адресату, поздравление) может варьироваться: *Егор Николаевич, бакудякчис!* ‘Егор Николаевич, с рождением [твоим]!’; *Бакудякас инэжидин хину хокамкаттам!* ‘С рождения днем [твоим] тебя радую’ и др.

Структура полных поздравлений состоит из обращения к адресату, поздравления, пожелания: *Негор, бакудякас инэжидин хину хокамкаттам! Аич, несэлкэн, абгар, эникэн хилра гору индиддэс дюлиттэм!* ‘Негор (от рус. Егор),

с рождения днем [твоим] тебя радую! Благополучно, счастливым, здоровым, не мучаясь, чтобы долго жил [ты] желаю’.

Развернутые поздравления используются преимущественно в официальных поздравительных текстах. Структура развернутого поздравления состоит из четырех компонентов: а) обращение к адресату; б) поздравление; в) описание достижений, успехов адресата; г) пожелания. Например: *Анна Иннокентьевна, бакудяндис инэндис хокамкану! Мут төрэнти өгэрэбэннэдун хи хоякам анүанив ач хэтнэч гургэлдэрис, хупкуттис куңалбу айтаки-нюн нян нэринтэки нэнукэнис хояв анүану. Эвэды книгачакам печаттаванис, дукамүал, хупкучимүэл чакабакутан нунэмэттис. Эдук-тэ часки несэч бивэтли. Аич, абгарач, били!* ‘Анна Иннокентьевна, с рождения днем [твоим] радуем! На развитие нашего языка ты много лет без устали работала, учила детей только хорошему, вела к светлому много лет. Много эвенских книг напечатала, собрание писателей, учителей создала. С этого момента счастливо будь. Благополучно, здорово (будучи здоровой) живи!’.

Ценность текстов эвенских поздравлений в их содержании, это образцы естественной письменной речи носителей, в которых отражается современное состояние эвенского языка. Жанр *поздравление* не традиционен для эвенского народа, в связи с чем для его языкового воплощения носители используют различные механизмы. Так, методом калькирования создаются неологизмы наименования праздников: *Ханмай инэнэн* ‘День науки’, *Балдача төрэн инэнэн* ‘День родного языка’, *Хэвки Микола инэнэн* ‘День бога Николая’ (День памяти Николая Чудотворца), *балдадяк инэн* или *бакудяк инэн* — ‘день рождения’ и др.

Глагол «поздравлять» является основным языковым средством выражения для речевого жанра *поздравление*. В эвенском языке не имеется собственной лексемы со значением «поздравить», что повлекло использование русского заимствования, оформленного эвенскими аффиксами: *поздравляттам, поздравиттам, поздравляйрам*. *Би-дэ поздравляйрам хину, Бала, бакудякас инэнуч*. ‘Я тоже поздравляю тебя, Валя, с рождения [твоим] днем’.

Прекрасное знание родного языка способствует использованию собственных ресурсов для выражения чувства радости в связи с приятным событием, праздником. В своих текстах носители заменяют русизм «поздравить» глаголами *эскэдэй* ‘славить, хвалить, одобрять’: *хокамкандай* ‘порадовать’; *өрэлдэдэй* ‘радоваться’: *Балдадякас инэндис хину эскэрэм* ‘С рождения днем [твоим] тебя славлю’; *Музей инэндин хокамканам хину* ‘С Днем музея радую тебя’; *Семен, хину өрэлдэрэм хин балдадякас инэндин* ‘Семен, радуюсь по поводу твоего дня рождения’.

Наиболее употребляемой в значении «поздравить» является лексема *эскэдэй*. Расширение значения данного слова способствует его активному функционированию как в письменной, так и в устной речи носителей эвенского языка.

На создание особого эмоционального фона поздравительного текста значительно влияют пожелания. Глагола с узким значением «желать» не имеется в словарном фонде эвенского языка. В связи с этим при составлении компонента «пожелание» носителями используются лексические единицы обрядовой лексики из жанра заклинания благопожелания *хиргэчин*. *Хиргэчин* представляет собой монолог, обращенный к хозяевам-духам местности, реки, озера и т.д. с тем, чтобы они оказали помощь в промысловой деятельности эвенков, в оленеводстве — сохранить им оленей и т.д. Кроме того, благопожелания исполняются отдельным лицам, например, жениху и невесте во время свадьбы или благопожелание гостя хозяевам [5. С. 16].

В качестве опорного слова глагола «желать» авторы употребляют лексемы *хиргэттэй* ‘1) шептать молитву; 2) просить у бога счастья, удачи, желать кому-либо счастья, удачи; 3) колдовать, заклинать, заговаривать’ [6. С. 295]; *дюлидэй* ‘пожелать счастья’ [6. С. 108]: *Хиргэттэм аич бидэс, эдэс набуткарар, несэлкэн бидэс, абгар бидэс* ‘Желаю, чтобы благополучно жил, не печалился, счастливым был, здоровым был’; *Аймакан абгарач индиддэс дюлиттэм мявандукий!* ‘Хорошенько, чтобы здоровым жил, желаю от сердца!’. Оба глагола, ранее относящиеся к пассивному словарному составу лексики эвенского языка, в настоящее время активно функционируют в жанре *поздравление*.

Основными смысловыми доминантами в пожеланиях являются общечеловеческие ценности: благополучие, здоровье, счастье. Довольно часто пожелания начинаются с пожелания благополучия, добра в самом широком понятии. Для этого используются многозначная лексема *ай* ‘1. хороший, добрый, красивый, славный; 2. добро, доброта, достоинство, польза, удобство; 3. хорошо, красиво, удобно, выгодно’ [6. С. 37] и производная от нее *аич* ‘1) хорошо; 2) качественно; 3) добротой; 4) приятно; 5) доброжелательно’: *Эйдун ай бидэн* ‘Пусть всё будет хорошо’; *Аич бидли, индидли* ‘Благополучно будь, живи’; *Аич билрэ, дюлэски аич бидип!* ‘Благополучно будьте, в будущем хорошо будем!’. В этих предложениях *ай* и *аич* являются выразителями пожелания благополучия, добра, процветания, удачи во всех сферах жизни.

Основой благополучной жизни является здоровье в эвенском *абгар* ‘1. здоровый; 2. здоровье; 3. неболеющий’ [6. С. 32]. Здоровье связывается с долголетием, продуктивностью, финансовым благополучием, личным счастьем, позитивным мышлением: *Ай абгаргас дюлиттэм, хояв ануану индэс, аич-та гургэвчидэс*. ‘Хорошего здоровья желаю, много лет, чтоб жила и хорошо работала’; *Абгар били, абгар бими энэе-дэ бидинри, несэлкэн-дэ. Абгар бими нэриндэ мэргэлкэн бидинри*. ‘Здоровым будь, будешь здоровым и богатым будешь, и счастливым. Будешь здоровым и светлые мысли будут’.

Пожелание счастья выражает изволение личного счастья, счастья в личной жизни адресату: *Эрэгэр эчин нэсэгчэн били, абгар били, несэлкэн били*. ‘Всегда такой молодой будь, здоровой будь, счастливой будь’; *Абгар бидэс*

хиргэттэл, хони, несэлкэн били! ‘Чтобы ты здоровым был желаем, подобно богатырю храбрым, сильным, ловким, счастливым будь’.

Данные три смысловые доминанты часто объединяются в одно высказывание, которое является всеобъемлющим и связывает в единое целое весь комплекс позитивных пожеланий: *Аич били, абгар били, несэлкэн били* ‘Благополучно будь, здоровым будь, счастливым будь’.

Тексты эвенских поздравлений представляют уровень владения родным языком, способность автора формулировать мысли и чувства, умение обращаться средствами выразительности. Образность в текстах поздравительной речи достигается за счет употребления таких стилистических приемов, как:

– олицетворение: *Дылас өйдэлэн нөлтэн эрэгэр нямсив бөттэн, гарпануални нюнуттэтэн дүлдэв нуну хотарам.* ‘Над твоей головой пусть солнце всегда тепло дает, лучи [его] пусть указывают будущую прямую дорогу’; *Абгарач били, аявун хину кэмнуттэн, хэвки гиркуттэн.* ‘Здоровым будь, пусть любовь тебя обнимает, бог оберегает’;

– метафора: *Нэрин мэргэлкэн, ноду асаткам эрэв инэну Аси инэнидин эскэрэм!* ‘Со светлым умом, красивую девушку сегодня с Женским днем поздравляю!’;

– лексические повторы: *Аич били, абгар били, тачимур эрэгэр нябырникан ининникэн били, несэлкэн били.* ‘Благополучно будь, здоровым будь, так всегда подшучивая, смеясь будь, счастливым будь’; *Несэлкэн, абгар, хинэм биникэн, чикти, нөсэгчэн бадалкан, мэргэлкэн биникэн гору биддэс дүлуттэм!* ‘Счастливым, здоровым, крепким будучи, ловким, с внешностью молодого, мудрым будучи, чтобы ты долго жил желаю!’;

– синонимы: *Онакан-да, ичикэн-дэ бисэкэн, дыли эвурчиникэн, дүлэски гиркали.* ‘Как бы, каково бы ни было, голову подняв, вперед иди’; *Хэвки аю, ноду нюнэттэн, тэббэня хануалай даяникан дысуттэн, одядан, эгден аявам эмүдэн.* ‘Путь бог на хорошее, красивое указывает, в мягкой ладони спрятав, защищает, оберегает, большую любовь принесет’.

При составлении поздравительных текстов авторами используются традиционные для эвенского народа образы. Частотными являются различные выражения с лексемой *нөлтэн* ‘солнце’, и это неудивительно, для жителей Крайнего Севера солнце является символом света, силы, тепла, жизни: *Эрэгэр нөлтэн хявуттан* ‘Пусть всегда солнце светит’; *Хин хотармус нөлтэн хявуттан* ‘Твою дорогу пусть солнце освещает’. *Чулбаня нянин, нямси нөлтэн эрэли бидэн!* ‘Голубое небо, теплое солнце вокруг пусть будет!’.

Особое место в культуре эвенов занимают представления об олене. Эвены издревле занимались оленеводством. Олень является основой, образом жизни, с ним тесно связана материальная и духовная культура. В поздравлениях олень ассоциируется с гармонией, благополучием, процветанием: *Эрэгэр оралсан бидиүвэн* ‘Пусть всегда будут [у вас] олени’. *Орар хоялбадатан, кунал исүдэтэн,*

абгарал-да ху бидэсэн! ‘Пусть олени множатся, дети растут, и здоровыми вы будьте!’.

В поздравительных текстах отмечается активное использование специальных выражений, тяготеющих к речевым формулам, например, с глаголом в форме побудительного залога *били* ‘будь’: *Несэлкэн били, аич били, абгар били* ‘Счастливым будь, благополучно будь, здоровым будь’; *Эди ок-та набуткараар* ‘Никогда не печалься’ и др.

Заключение

Таким образом, посредством цифровых технологий создается новая языковая среда эвенского языка, в сфере которой прослеживаются последние тенденции письменной речи. Одним из активно функционирующих является жанр *поздравление*. Современное эвенское поздравление формируется на основе калькирования из русского языка структуры и различных выражений. Основными смысловыми доминантами поздравлений являются благополучие, здоровье, счастье. Образность текстам придает использование олицетворений, метафор, лексических повторов, синонимов. Национальную специфику поздравлений создает употребление традиционных образов солнца и оленя.

В речевом жанре *поздравление* отмечаются активизация лексем пассивного словарного фонда, функционирование единиц подвергшихся расширению лексических значений слов, формирование неологизмов, речевых формул.

Тексты поздравлений раскрывают речевой портрет современного носителя эвенского языка. Прекрасное владение языком позволяет составлять полные и развернутые поздравления, создавать и использовать средства выразительности и образы. Носители с базовым и средним уровнем владения языком чаще всего создают краткие поздравления, при составлении полных поздравлений используют речевые формулы. В текстах носителей базового уровня используются заимствования.

В большинстве своем поздравления полностью составляются на родном эвенском языке. Носители стремятся создавать оригинальные тексты, используя символы и образы традиционной культуры. Таким образом, жанр *поздравление* способствует сохранению, популяризации, развитию языка.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. 424 с.
2. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 88–98.
3. Шмелева Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 19 с.
4. Сухотерина Т.П. Гипержанр естественной письменной речи «Поздравление» как явление фатической коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 396–398.
5. Дуткин Х.И. Эвенский фольклор. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996.

6. Роббек В.А. Эвенско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2005.
7. Косорукова А.А. Этика мессенджеров: проблемы эпистолярного общения в контексте развития информационных технологий // Гуманитарный вестник. 2018. Вып. 9 (71). С. 1–10.
8. Красноперова Ю.В. О понятии «речевой жанр» в современной лингвистике // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7894> (дата обращения: 18.02.2024).
9. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–169.
10. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе : семантический, прагматический, грамматический анализ. Санкт-Петербург : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
11. Цинь Пань Пань. Лексико-семантические и стилистические доминанты пожеланий в речевом жанре «поздравление» в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 177–182.
12. Цховребова Б.Ф. Структурно-функциональные характеристики речевых формул пожелания: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Владикавказ, 2002. 21 с.
13. Чжан Хао. Реализация речевого акта поздравление в русской речи в ситуации праздника // Фундаментальная наука ВУЗам. Языкознание. 2019. № 2. С. 411–417.
14. Ярцева О.А. Средства реализации речевого акта «пожелание/поздравление» (Психолингвистическое исследование на материале русского, немецкого, испанского и итальянского языков) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 119–124.

References

1. Bakhtin, M.M. 1979. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo publ. Print. (In Russ.)
2. Shmeleva, T.V. 1997. “Model of speech genre.” In *Genres of speech*, issue 1, pp. 88–98.
3. Shmeleva, T.V. 1999. *Etiquette genres of Russian speech: gratitude, apology, congratulation, condolence*. Krasnoyarsk. Print. (In Russ.)
4. Sukhoterina, T.P. 2015. “Hypergenre of natural written speech “Congratulations” as a phenomenon of phatic communication.” *The world of science, culture, and education*, vol. 2, no. 51, pp. 396–398. Print. (In Russ.)
5. Dutkin, H.I. 1996. *Even folklore*. Yakutsk: YaSU publ. Print. (In Russ.)
6. Robbek, V.A. 2005. *Even-Russian Dictionary*. Novosibirsk: Nauka publ. Print. Print. (In Russ.)
7. Kosorukova, A.A. 2018. “Ethics of messengers: problems of epistolary communication in the context of information technology development.” *Gumanitarnyj vestnik*, vol. 9, no. 71, pp. 1–10. Print. (In Russ.)
8. Krasnoperova, Y.V. 2012. “About the concept of “speech genre” in modern linguistics”. *Modern Problems of Science and Education*, no. 6. 18 Feb 2024, <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7894>.
9. Searle, J. 1986. “What is a speech act?”. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, issue 17, pp. 151–169. Print. (In Russ.)
10. Trofimova, N.A. 2008. *Expressive speech acts in dialogue discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis*. St. Petersburg: VVM publ. Print. (In Russ.)
11. Qin, Pan Pan. 2018. “Lexico-semantic and stylistic dominants of wishes in the speech genre “congratulation” in Russian and Chinese languages.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6 (84), pp. 177–182. Print. (In Russ.)
12. Tskhovrebova, B.F. 2002. *Structural-functional characteristics of speech formulas of a wish*. Vladikavkaz. Print. (In Russ.)
13. Zhang, Hao. 2019. “Realization of speech act congratulation in Russian speech in a holiday situation.” *Fundamental'naja nauka VUZam. Jazykoznanie*, no. 2, pp. 411–417. Print. (In Russ.)

14. Yartseva, O.A. “Means of realization of the speech act ‘wish/congratulation’ (Psycholinguistic study on the material of Russian, German, Spanish and Italian languages).” *Vestnik VGU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 119–124. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Нестерова Елена Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), 677007, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1. ORCID: 0000-0001-5130-706X. SPIN-код: 8214-0039. E-mail: elenanesterova-2010@mail.ru

Bio note:

Elena V. Nesterova is a PhD in Philology, Senior Researcher of the Department of Northern Philology, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRNIPP SB RAS), 1 Petrovskogo St., Yakutsk, 677015, Russian Federation, Republic of Sakha (Yakutia). ORCID: 0000-0001-5130-706X. SPIN-code: 8214-0039. E-mail: elenanesterova-2010@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-668-682

EDN: DIGGLG

Научная статья / Research article

Русский язык в пространстве культуры стран бывшего СССР

С.Ю. Камышева[✉], А.А. Филиппова^{id}

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,

Москва, Российская Федерация

✉ skamysheva@yandex.ru

Аннотация. В рамках гуманитарной политики Российской Федерации предписывается активное продвижение принципа многоязычия в деятельности международных универсальных и региональных организаций, включая сохранение и расширение использования русского языка. В течение трех лет Центр языковой политики и международного образования Института русского языка имени А.С. Пушкина проводит авторский научный эксперимент, представляющий собой комплексное исследование, направленное на определение рейтинга русского языка в странах дальнего и ближнего зарубежья. В 2023 г. вышел в свет третий по счету «Индекс положения русского языка в мире», посвященный Году русского языка в СНГ. В нем не только собраны и проанализированы актуальные данные в сравнении с предыдущими выпусками 2020 и 2022 гг., но и введены новые параметры оценки положения русского языка за рубежом. Среди последних параметр «Русский язык в пространстве культуры», призванный отразить степень активности функционирования русского языка на постсоветском пространстве в таких социальных институтах, как библиотеки, музеи и театры, проследить интеграционные процессы в гуманитарной сфере в странах бывшего СССР, определить системы взаимодействия в названных областях гуманитарного знания. Востребованность тематики данного проекта в целом неоднократно подтверждалась государственными и общественными организациями России и других стран мира.

Ключевые слова: языковая политика, индекс, устойчивость, параметр, культура, театр, музей, библиотека, исчисляемость, информационный инструмент

История статьи: поступила в редакцию 18.02.2024; принята к печати 05.10.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Камышева С.Ю., Филиппова А.А. Русский язык в пространстве культуры стран бывшего СССР // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 668–682. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-668-682>

Russian Language in the Space of Culture in the Former USSR Countries

Svetlana Yu. Kamysheva^{ORCID}, Albina A. Filippova^{ORCID}

Pushkin State Russian Language Institute, *Moscow, Russian Federation*
✉ skamysheva@yandex.ru

Abstract. The humanitarian policy of the Russian Federation prescribes active promotion of the principle of multilingualism in the activities of international universal and regional organizations, including the preservation and expansion of the use of the Russian language. For three years, the Centre for Language Policy and International Education of the Pushkin Institute of Russian Language has been conducting a scientific experiment under copyright, which is complex research aimed at determining the rating of the Russian language in countries near and far. In 2023, the third edition of “The Index of the Position of the Russian Language in the World,” dedicated to the Year of the Russian Language in the CIS, was published. It not only collects and analyses relevant data compared to the previous years, 2020 and 2022, but also introduces new parameters for assessing the position of the Russian language abroad. Among the latter, there is the parameter “Russian language in the space of culture”, designed to reflect the degree of activity of the Russian language in the post-Soviet space in such social institutions as libraries, museums, and theatres, trace the integration processes in the humanitarian sphere in the countries of the former USSR, determine the systems of interaction in these areas of humanitarian knowledge. The demand for the theme of this project overall has been repeatedly confirmed by state and public organizations in Russia and other countries around the world.

Key words: language policy, index, stability, parameter, culture, theatre, museum, library, calculability, information tool

Article history: received 18.02. 2024; accepted 05.10.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Kamysheva, S.Yu, and A.A. Filippova. 2024. “Russian Language in the Space of Culture in the Former USSR Countries.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 668–682. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-668-682>

Введение

В рамках гуманитарной политики Российской Федерации предписывается активное продвижение принципа многоязычия в деятельности международных универсальных и региональных организаций, включая сохранение и расширение использования русского языка¹.

Начиная с 2020 г. Центр языковой политики и международного образования Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина проводит научный эксперимент, представляющий собой комплексное исследова-

¹ Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10. 2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>

ние, направленное на определение рейтинга русского языка в странах дальнего и ближнего зарубежья. В 2023 г. вышел в свет третий по счету «Индекс положения русского языка в мире», посвященный Году русского языка в СНГ [1–5]. Выпуск «Индекса-2023» значительно отличается от двух предыдущих: в нем не только собраны и проанализированы актуальные данные в сравнении с предыдущими Индексами — 2020 и 2022, но и введены новые параметры оценки индекса устойчивости русского языка на постсоветском пространстве, в том числе «Русский язык в пространстве культуры».

Цель исследования — анализ параметра «Русский язык в пространстве культуры» [1. С. 53–61], призванный отразить степень активности функционирования русского языка на постсоветском пространстве в таких социальных институтах, как библиотеки, музеи и театры, проследить интеграционные процессы в гуманитарной сфере в странах бывшего СССР, определить системы взаимодействия в названных областях гуманитарного знания.

В основе методики мониторинга лежит ряд принципов:

- 1) сбор данных проводится по наиболее значимым параметрам;
- 2) все параметры исчисляемы, то есть выражаются в конкретных числовых значениях;
- 3) по результатам анализа значения всех параметров суммируются в интегральный индекс — Индекс устойчивости русского языка на постсоветском пространстве.

Обсуждение и результаты

В науке неоднократно подчеркивалась мысль, что только те языки достигли в свое время действительно мирового значения и получили универсальную распространенность, которые «могли служить и служили рупором передовой культуры, инструментом, с помощью которого изучавшие его или владеющие им люди приобщались к этой культуре, черпали из ее духовных богатств» [6. С. 6]. История международного распространения русского языка развивалась «по мере того, как рос общечеловеческий интерес к России, по мере того как она приобретала авторитет», «одним из решающих факторов, обеспечивающих языку широкую распространенность, является, несомненно, то, что он представляет собой орудие привлекательной новой мысли и культуры» [7. С. 4].

Судьба русского языка в истории XX–XXI вв. связана с крупнейшими политическими событиями столетия. Революция 1917 г. и последующее образование СССР, формирование послевоенного «социалистического лагеря», затем распад Советского Союза, который президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века», наконец, новейшие планы по реинтеграции постсоветского пространства — всё это напрямую, иногда положи-

тельно, иногда отрицательно, сказывалось и сказывается на судьбах русского языка в Евразии и во всем мире»².

В сформировавшейся к настоящему времени новой картине мира в пространстве бывшего СССР отражаются все сферы человеческой жизни, а сознание людей все больше характеризуется национальной идентификацией и глобализацией: эти процессы развиваются одновременно и взаимодействуют друг с другом и, как результат, «перед гражданским обществом остро встала проблема сохранения русскоязычного пространства и в ближнем, и в дальнем зарубежье» [8. С. 534]. «Позиции русского языка в мировом сообществе являются важнейшим фактором обеспечения государственных интересов и государственной безопасности: в настоящее время русский язык обеспечивает жизнедеятельность почти тридцати миллионов ближнего зарубежья и является сильнейшим интегрирующим фактором на постсоветском пространстве. В то же время кризис, возникающий на стыке интересов космополитического образа жизни и усиливающегося национального самосознания, находит свое отражение в культурно-языковой ситуации» [Там же].

Под влиянием перемен, произошедших на постсоветском пространстве, началось формирование новых нормативно-правовых основ деятельности и принципов управления в области культуры, которые определяли место культуры в том или ином государстве, предусматривали гарантии ее развития в виде нормативов, в том числе в области функционирования русского языка. Обширный массив библиографических источников дает возможность констатировать, что в каждой из стран постсоветского пространства появились научные исследования, отражающие историю, современное состояние и перспективы развития вышеназванных институтов культуры [9. С. 333–338].

Интеграционные процессы в гуманитарной сфере на постсоветском пространстве (в первую очередь в странах СНГ) привели к созданию различных систем взаимодействия в области библиотечного, театрального и музейного дела. Значительную роль в сотрудничестве названных социальных институтов в настоящее время играют базовые организации, призванные рассматривать, изучать, анализировать проблемные вопросы и подготовку предложений в области сотрудничества. В их задачи входит создание условий для обмена положительным опытом и стажировок специалистов, формирование соответствующих рабочих групп, они имеют право представлять в соответствующие органы отраслевого сотрудничества СНГ рекомендации и проекты документов, предложения о деятельности базовых организаций и механизмах финансирования различных профильных программ. Все эти виды деятельности осуществляются при поддержке Совета по культурному сотрудничеству государств — участников СНГ с участием других заинтересованных организаций.

² Косачев К. Россотрудничество как инструмент «мягкой силы». URL: // https://bfro.be/ru/russkiy-yazik-news.html?cmp_id=108&news_id=5334 (дата обращения: 21.02.2024).

В области гуманитарного взаимодействия в пространстве культуры основными ценностями явились исторически сложившиеся отношения народов, постоянное внимание к взаимному духовному обогащению, культурному и научному обмену. До настоящего времени в большинстве стран бывшего СССР данные взгляды на осуществление такого рода деятельности сохраняются, так же как и взаимная потребность в сотрудничестве [9; 10].

Большую роль в интеграционной деятельности библиотек, музеев и театров на постсоветском пространстве играет русский язык, который является рабочим языком Содружества Независимых Государств и служит воплощению гуманитарной миссии, стратегии взаимного развития и консолидации. Таким образом, в основе сотрудничества большинства социокультурных институтов на постсоветском пространстве лежат принципы исторической преемственности культурных ценностей и сохранения единых форм и систем предшествующего периода.

В то же время различная по своим формам политика государств в отношении русского языка внутри страны — государственный (например, Белоруссия), официальный наряду с государственным (например, Казахстан), отказ от его использования, вплоть до полного исключения в законодательном порядке (Украина) — оказывает значительное, но не всегда однозначное влияние на его использование.

Показатель «Библиотеки» в рамках параметра «Русский язык в пространстве культуры»

Показатель «Библиотеки» в рамках параметра «Русский язык в пространстве культуры» в «Индексе-2023» построен на сравнительном анализе данных за 2005 г. и 2021/2022 гг. по количеству книг на русском языке и их доли в общем количестве книг в национальных библиотеках постсоветского пространства.

Национальные библиотеки в любой стране представляют собой общенациональные/государственные книгохранилища наиболее полного собрания отечественных и научно значимых зарубежных документов, обеспечивают безопасность и сохранность фондов; играют роль государственных центров научно-исследовательской деятельности в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения; координируют краеведческую и научно-методическую работу библиотек страны; являются центрами международного книгообмена и межбиблиотечного абонемента, выполняют функцию информационных центров по культуре и искусству [11; 12].

Следуя мировым тенденциям, сегодня библиотеки уделяют большое внимание не только просветительским функциям, но и информационным. В связи с этим во всех странах постсоветского пространства активно ведется работа по созданию и расширению компьютерных библиотечных сетей.

По данным 2005 г., в международную библиотечную систему стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, входили национальные библиотеки всех бывших республик, за исключением Эстонии, Литвы и Латвии³. Полученные в ходе исследования результаты дали возможность констатировать, что в 2005 г. доля книг на русском языке во всех национальных библиотеках была очень значительна, она является таковой до настоящего времени и составляет от 70 до 90 %.

Эти данные позволили определить несколько групп с учетом динамических изменений. В первую группу вошли национальные библиотеки, в которых наблюдаются рост доли русскоязычных книг в главных книгохранилищах того или иного государства или неизменность этой доли (увеличение наблюдается в Узбекистане, Таджикистане, Белоруссии, Абхазии), вторую группу — соответственно страны, в которых эта доля незначительно, но падает (Киргизия, Молдова).

Отметим, что Абхазия до настоящего времени сохраняет систему учета библиотечных фондов, соответствующую стандартам стран СНГ, несмотря на то, что официально не входит в межбиблиотечную систему СНГ, а полученные данные по Республике Южная Осетия не дали возможности уточнить состав библиотечного фонда по языкам. Особо подчеркнем, что картина взаимодействия национальных библиотек изменилась, и в настоящее время Грузия и Украина больше не предоставляют сведений о книгах, хранящихся в фондах названных учреждений. В связи с этим в «Индекс — 2023» вошла только начальная информация (2005 г.) и информация о количестве книг в национальной библиотеке Грузии (2022 г.), которая позволяет наглядно показать уменьшение общего количества книг в Национальной библиотеке Грузии по состоянию на 2021/2022 гг. (с 7,5 млн ед. хр. до 4,7 млн ед. хр.).

Подобную ситуацию с общим количеством книг удалось проследить и в Литве: в 2006 г. собрание библиотеки состояло из 6,9 млн ед. хр., а на начало 2019 г. фонд библиотеки составлял около 6,4 млн. ед. хр., в 2021/2022 гг. эта тенденция сохранялась.

Важно подчеркнуть, что уменьшение доли русскоязычных книг в библиотечных фондах нельзя связывать только с негативным отношением к русскому языку. Есть и другие причины: ветхость, повторные (избыточные) экземпляры, устаревший контент (в том числе связанный с изменением общественных ценностей и интересов), экономическая нецелесообразность пользования книгами в печатном виде и др.

Огромное значение сотрудничеству с библиотечным сообществом стран СНГ придает Российская государственная библиотека (РГБ) как базовая организация государств — участников Содружества Независимых Государств. Осно-

³ Национальные библиотеки государств — участников Содружества Независимых Государств: информационно-справочное издание / сост. и авт. аналитического обзора Н.П. Игунова. М., 2005.

вываясь на принципах всеобщего доступа к информации всех категорий пользователей в условиях языкового и культурного разнообразия стран СНГ было разработано немало международных проектов, среди которых мегапроект «КУПОЛА Содружества: библиотеки», содержащий такие особо важные компоненты, как виртуальные читальные залы электронной библиотеки диссертаций, центры русской книги, создание единого информационного портала национальных библиотек СНГ, обмен профессиональным опытом (Межгосударственная программа «Купола Содружества: библиотеки»)⁴.

Проект «Виртуальные читальные залы электронной библиотеки диссертаций» предусматривает приобретение и аккумуляцию разнообразных электронных ресурсов и является гарантом доступа к полной и достоверной информации. На сегодняшний момент виртуальные читальные залы электронной библиотеки диссертаций при финансовой поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ открыты почти во всех национальных библиотеках стран Содружества⁵.

Продолжается работа по комплектованию Центров русской книги на базе национальных библиотек государств — участников СНГ изданиями на русском языке, но это направление пока не получает серьезного развития ввиду барьеров, связанных с законодательствами стран СНГ, таможенных и почтовых расходов и др.

Показатель «Театры» в рамках параметра «Русский язык в пространстве культуры»

Вторым показателем параметра «Русский язык в пространстве культуры» в «Индексе — 2023» является группа «Театры». Общеизвестно, что русский театр — одно из самых востребованных и всегда идущих «с веком наравне» видов искусства, он имеет давние традиции, его авторитет признан во всем мире, а в странах, представленных в исследовании, знакомство с русским театром началось еще со времен дореволюционной России, что, в свою очередь, дало толчок к зарождению и развитию национальных театров с европейскими традициями и репертуаром [13; 14].

В ходе исследования авторами были получены и проанализированы данные о 280 государственных и 92 любительских/студенческих театрах в 16 государствах. В это число не вошли сведения о независимых театральных командах, которые, как показали наблюдения, принимают активное участие в театральной жизни каждой из бывших республик СССР.

⁴ Купола Содружества. URL: <https://bae.rsl.ru/programs/kupola-sodrujestva> (дата обращения: 22.02.2024).

⁵ Виртуальные читальные залы Российской государственной библиотеки в 2022 году. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/proekt-virtualnyie-chitalnyie-zalyi-rossijskoj-gosudarstvennoj-biblioteki-v-2022-godu> (дата обращения: 23.02.2024).

Функционирование русского языка в театральной сфере постсоветского пространства в 2021–2022 гг. оказалось возможным оценить по критериям, позволяющим констатировать следующее.

– На постсоветском пространстве действует 65 театров, в которых подавляющее большинство спектаклей идет на русском языке и работают сайты с русскоязычной версией.

– 26 театров имеют в своем названии слово «русский».

– Лидерами по функционированию русского языка в театрах (национальных, областных, муниципальных, любительских и др.) являются Республики Белоруссия, Казахстан и Таджикистан. В национальных драматических театрах этих республик имеются версии сайтов на русском языке и идут постановки на русском языке, в Казахстане функционирует 11 театров, имеющих в официальном названии слово «русский», в Белоруссии практически в каждом из 28 государственных театров публике предлагают спектакли на языке Пушкина, Островского, Чехова, в Таджикистане действует два театра, в официальном названии которых присутствует обозначение «русский», многие областные и районные театры ставят спектакли на русском языке.

– Стабильной остается ситуация с распространенностью русского языка в Узбекистане, Киргизии и Абхазии: в каждой республике работает театр, с обозначением «русский» в официальном названии, пьесы на русском языке активно включаются в репертуар ведущих, областных и муниципальных театров, создана сеть любительских и студенческих театров, позиционирующих себя не только в стране, но и в международном масштабе. В то же время сайты национальных театров драмы Киргизии и Узбекистана не имеют русской версии.

– В ходе исследования выявлено, что в настоящее время национальные (ведущие) драматические театры Молдовы, Армении, Азербайджана, Туркменистана не имеют версий сайтов на русском языке, постановки в национальных театрах драмы идут только на государственных языках. Тем не менее каждое государство имеет русский театр (в Молдове три театра, представляющих русскоязычный репертуар), а мониторинг анонсов в театрах городского, областного и муниципального подчинения дает возможность констатировать присутствие в их анонсах постановок на русском языке как для взрослой, так и для детской аудитории; в названных республиках наблюдается развитие сети русскоязычных театров и студий при школах и вузах (например, молодежный театр «Артист» в Туркменистане, театральная студенческая студия в Славянском университете Молдавии и др.).

– В театральной сфере Грузии и стран Балтии наблюдается постепенный или повсеместный отказ от русскоязычного репертуара (кроме официальных русских национальных театров), вводятся распоряжения об исключении слова «русский» из официальных названий и др. В то же время в 2021–2022 гг. и даже в начале 2023 г. в этих странах активно анонсировались детские спектакли

на русском языке, в обычном режиме работали русские театры. Здесь тоже наблюдается положительная динамика в развитии любительских театров и студий с русскоязычным репертуаром. На северо-востоке Эстонии такие театры существуют в Нарве, Силламяэ, Кивиыли. В марте 2022 г. по инициативе местных жителей был создан любительский театр «Театральная палата» в Ида-Вирумаа.

– После принятия на Украине Закона от 25.04.2019 г. «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» в 2021–2022 гг. функционирование русского языка в театральной среде данного государства значительно сократилось.

Базовой организацией государств — участников СНГ по сотрудничеству в области музыкально-театрального дела является государственное учреждение «Гаджикский государственный академический театр оперы и балета имени Садриддина Айни». В 2022 г. был проведен круглый стол, посвященный проблемам русских театров, связанных с финансированием новых постановок, приобретением современного оборудования и технического оснащения, решением кадровых вопросов. Эти задачи планомерно решаются Министерством культуры Российской Федерации.

Показатель «Музеи» в рамках параметра «Русский язык в пространстве культуры»

Среди социокультурных институтов одно из ведущих мест занимают музеи, выполняя такие интегральные функции, как хранение культурных ценностей и исторической памяти народа, экспонирование коллекций, воспитание и обучение, содействие развитию науки, предоставление возможностей эстетического наслаждения. В период смены ценностей и приоритетов на рубеже XX–XXI вв. музеи стран постсоветского пространства явились важнейшими духовными центрами и активными участниками процесса формирования открытого общества. В настоящее время их рассматривают как важное связующее звено между странами и городами, расширяется зона ответственности музеев, всё чаще предпринимаются попытки оценить «мягкую силу» этих учреждений культуры⁶.

Музеи представляют собой интегративную и качественно новую сферу для внедрения инновационных научных технологий, являются важными участниками разнообразных комплексов мероприятий, в том числе по продвижению русского языка за пределами России, а также в работе по поддержке иностранных граждан и мигрантов в Российской Федерации. Представляется важным отметить, что исторические и современные процессы, связанные с интеграцией

⁶ Косачев К. Россотрудничество как инструмент «мягкой силы». URL: // https://bfro.be/ru/russskiy-yazik-news.html?cmp_id=108&news_id=5334 (дата обращения: 25.02.2024).

российской культуры через музейные ценности в евразийское пространство, имеют длительную историю, а периоды становления и развития музейного строительства в странах СНГ совпадают в общих чертах (исключая точные даты появления первых музеев и формирования разветвленной музейной сети, тематику музеев и, конечно, их национальную самобытность, колорит).

Третий показатель «Индекса — 2023» — «Музеи» в параметре «Русский язык в пространстве культуры» отразил исследование музейной сети 16 стран, включающей более 2000 музеев, галерей и выставочных залов различной подчиненности по пяти критериям и дал возможность сделать следующие выводы.

– В семи странах (Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Абхазия, Южная Осетия, Узбекистан, Киргизия) русский язык активно функционирует в музейной деятельности как в письменной (аннотации, этикетаж и др.), так и в устной форме (экскурсии, лекции), национальные музеи и музеи другой подчиненности и принадлежности имеют версии сайтов на русском языке, в книгах отзывов и сети Интернет присутствуют многочисленные отклики о качественных русскоязычных музейных экскурсиях. В большинстве музеев названных государств любое текстовое сопровождение дается либо на трех языках (государственный, русский, английский), либо на двух (государственный и русский), экскурсии на русском языке предоставляются не только обзорные, но и тематические, то же самое можно сказать и о других музейных программах.

– Вторую позицию в «Индексе — 2023» заняли Туркменистан и Армения, где наблюдается неравномерность в использовании русскоязычного контента в ведущих, в областных и муниципальных учреждениях музейного типа. Приведем примеры из опроса национальных музеев Армении: «На данный момент галерея экспонирует следующие выставки: „Армянский импрессионизм“, „Статуя рабочего“, работы скульптора Акопа Гюрджяна. Постоянная экспозиция недоступна. Только последняя экспозиция не имеет таблички и аннотации на русском. Предоставить экскурсовода на русском языке возможность имеется, необходимо заранее забронировать, ответив на письмо/прозвонив: „В нашем экспозиционном зале этикеток и текстов на русском языке нет, но у нас есть гид, который с вами на русском может провести экскурсию“».

– Отсутствие аннотаций, пояснительных текстов и этикеток на русском языке в национальных (ведущих, головных) музеях Азербайджана и Эстонии, так же как и уменьшение количества областных и муниципальных музеев, использующих русский язык в данном критерии, отодвинули эти государства на третью позицию. В качестве примеров приведем ответы из национальных музеев Азербайджана: «В экспозиции нашего музея есть этикетки на государственном — азербайджанском и международном — английском языках. Вы можете заказать экскурсию, а также в музее доступны аудиогиды на русском языке»; «Сопроводительные тексты и этикетки только на азербайджанском. Но экскурсии у нас на пяти языках (азербайджанский, английский,

русский, арабский, персидский) в обязательном порядке, это включено в стоимость билета, то есть отдельно за экскурсию плата не взимается».

– На четвертой позиции — Республика Молдова: музеи некоторых регионов страны часто используют русский язык в музейной практике онлайн и офлайн, а из ведущих музеев были получены ответы следующего содержания: «К сожалению, этикетки только на румынском и английском языке, но вы можете взять экскурсию на русском языке»; «Для жителей Украины каждое воскресенье в 11:00 бесплатная экскурсия на русском языке. В основной экспозиции подписи к экспонатам на трех языках: русском, румынском и английском. На временных выставках только на румынском языке. Экскурсию нужно заказывать заранее по номеру телефона. Русскоязычный гид работает понедельник, среда, четверг, суббота, воскресенье. Будем рады вас видеть!»; «В нашем экспозиционном зале этикеток и текстов на русском языке нет, но у нас есть гид, который с вами на русском может провести экскурсию».

– В Грузии, Литве, Латвии особенно отчетлива тенденция к активному сокращению использования русского языка в музейной сфере, но тематическая направленность некоторых музеев, географическая, историко-культурная и коммерческая составляющая современных музейных практик все-таки требует его использования при создании сайтов, оформлении экспозиционно-выставочного пространства и предоставлении экскурсионного обслуживания (музей-усадьба князей Чавчавадзе в Цинандали, Нарвский замок, музей «Еврей в Латвии», в которых работает русскоязычная версия сайта, а у работников музея можно заказать не только экскурсию на русском языке, но и получить папку с описанием экспонатов на русском языке).

– Услуга «Музейная экскурсия на русском языке» в 2021–2022 гг. предоставлялась во всех 16 странах, что дало возможность выявить функционирование русского языка в музейном пространстве Украины (последняя позиция в рейтинге).

В виртуальном варианте русскоязычные версии национальных музеев Белоруссии, Армении, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Армении, Туркменистана, Молдовы размещены на сайте Исполкома СНГ⁷.

В качестве базовой организации государств — участников СНГ по направлению «Музейное дело» выступает государственное учреждение «Национальный историко-культурный музей-заповедник „Несвиж“» (Белоруссия), которое имеет большой опыт в организации научной, методической, выставочной, экспозиционной и реставрационной деятельности. Давние и прочные зарубежные контакты музея-заповедника позволяют находить и реализовывать разнообразные международные проекты, что и стало основой для успешной деятельности музея в названном качестве.

⁷ Виртуальные музеи стран СНГ. URL: [//https://cis.minsk.by/museums](https://cis.minsk.by/museums) (дата обращения: 27.02.2024).

Заключение

Результаты мониторинга, полученные в ходе исследования функционирования русского языка в пространстве культуры на постсоветском пространстве, и их тщательный анализ предоставляют возможность сделать следующие выводы.

– В число лидеров по использованию русского языка в социокультурных институтах вошли Белоруссия, Казахстан и Таджикистан; первенство Белоруссии, выявленное в параметре «Индекса — 2023», подтвердили исследования белорусских ученых, констатирующих, что «подавляющее число библиотек, клубов и музеев используют русский язык» [15. С. 11].

– Русский язык продолжает активно использоваться в театрах, музеях и библиотеках Киргизии, Узбекистана, Абхазии и Туркменистана.

– Достаточно широко русский язык продолжает функционировать в Армении, Молдове, Южной Осетии (последняя вошла в данную группу из-за отсутствия данных за 2021–2022 гг. по показателю «Библиотеки»), Азербайджане.

– В отдельную группу выделяются страны, в которых использование русского языка на означенный в индексе период в официальных учреждениях культуры приветствовалось всё меньше (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Украина), но ни в одной из этих стран не наблюдалось полного отсутствия русскоязычного контента в библиотечной, музейной или театральной сферах деятельности.

По оценкам экспертов, «подготовленный Индекс является объективным высоко информативным инструментом для осуществления внешней и внутренней языковой политики в Российской Федерации» [16. С. 91]. Востребованность данного исследования в целом неоднократно подтверждалась государственными и общественными организациями многих стран мира; «Индекс» постоянно цитируется действующими представителями субъектов языковой политики как Российской Федерации, так и других стран СНГ.

Список литературы

1. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3 / авт.-сост. А.Л. Арефьев, В.А. Жильцов, С.Ю. Камышева, Т.В. Нестерова, А.А. Филиппова; под ред. С.Ю. Камышевой. Москва : Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2023. 70 [2] с.
2. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 2 / А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева и др.; под ред. М.А. Осадчего. Москва : Гос-ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. 60 с.
3. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / А.Л. Арефьев, В.А. Жильцов, С.Ю. Камышева и др.; под ред. М.А. Осадчего. Москва : ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. 34 [2] с.

4. Камышева С.Ю. Индекс положения русского языка в мире; к году русского языка в странах СНГ // Русский язык за рубежом. 2023. № 4. С. 86–90.
5. Камышева С.Ю. Об объективных инструментах оценки устойчивости русского языка в мире и в странах Содружества Независимых Государств // Международный научный конгресс «Русский язык в странах СНГ : положение, функционирование, коммуникация» (1–3 ноября 2022 года) : сборник материалов : в 3 частях. Ч. 1: Русский язык в образовании стран СНГ / С.Ю. Камышева (отв. ред.). Москва : ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 7–9.
6. Алексеев М.П. Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 3–14.
7. Костомаров В.Г., Григорьева Л.Н., Хруслов Г.В. Функционирование русского языка: итоги, состояние, перспективы. Пленарный доклад // VII Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания». М., 1990.
8. Матасова Ю.А. Русский язык как выражение культурной и духовной общности народов России, государственный язык Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 533–535.
9. Филиппова А.А. Музеи стран СНГ как форма евразийской интеграции // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. № 1(25). С. 333–338.
10. Фокин В.И., Эльц Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. Т. 18. № 4. С. 865–882. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882>
11. Изумнова Н.П. Евразийское библиотечное пространство: теория и практика развития: автореф. дис. ... д-ра педагогических наук. М., 2009. 42 с.
12. Изумнова Н.П. Общее библиотечное пространство СНГ в контексте гуманитарного сотрудничества // Журнал «Библиотекословедение». 2021. Т.70. № 4. С. 343–351.
13. Саркисян Н.С. Значение русского языка на театральных перекрестках Армении : восточно-армянский театр XIX века // II Международный конгресс «Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Алма-Ата, 26–28 октября 2021 г. : сборник тезисов / сост. и отв. ред. С.Ю. Камышева. М., 2021. С. 274–275.
14. Хуррамова Б.К. Таджикская история глазами русского режиссера // II Международный конгресс «Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Алма-Ата, 26–28 октября 2021 г. : сборник тезисов / сост. и отв. ред. С.Ю. Камышева. М., 2021. С. 272–273.
15. Маслова В.А. Функционирование русского языка в Республике Беларусь: проблемы и пути их решения // Международный научный конгресс «Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация» (1–3 ноября 2022 года) : сборник материалов : в 3 частях. Ч. I: Русский язык в образовании стран СНГ / С.Ю. Камышева (отв. ред.) М., 2022. С. 10–12.
16. Карасик В.И. Индекс положения русского языка (рецензия) // Русский язык за рубежом. 2023. № 4. С. 91–92.

References

1. Aref'ev, A.L., Zhil'tsov, V.A., Kamyshева, S.Y., Nesterova, T.V., and A.A. Filippova. 2023. *Index of the Russian language position in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (SU-Index)*. Issue 3, edited by S.Y. Kamyshева. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. Print. (In Russ.).
2. Aref'ev, A.L., Golub', A.R., and S.Y. Kamyshева. 2022. *Index of the Russian language position in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (SU-Index)*. Issue 2, edited by M.A. Osadchiy. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. Print. (In Russ.).

3. Aref'ev, A.L., Zhil'tsov, V.A., and S.Y. Kamysheva. 2020. *Index of the Russian language position in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (SU-Index)*. Edited by M.A. Osadchiy. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. Print. (In Russ.).
4. Kamysheva, S.Y. 2023. "Russian language index in the world — 2023: by the year of the Russian language in the CIS countries." *Russian language abroad*, no 4, pp. 86–90. Print. (In Russ.)
5. Kamysheva, S.Yu. 2022. "On objective tools for assessing the sustainability of the Russian language in the world and in the Commonwealth of Independent States." *International Scientific Congress "Russian language in the CIS countries: situation, functioning, communication" Proceedings. (1–3 November 2022)*. Part I. Russian language in education in the CIS countries, pp. 7–9. Print. (In Russ.)
6. Alekseev, M.P. 1984. "Russian language in the world cultural use." *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, pp. 3–14. Print. (In Russ.)
7. Kostomarov, V.G., Grigorieva, L.N., and G.V. Khruslov. 1990. "Functioning of the Russian language: results, state, prospects." *Plenary report. In VII International Congress of teachers of Russian Language and Literature "Russian language and literature in the communication of the peoples of the world: problems of functioning and teaching" Proceedings*. Print. (In Russ.)
8. Matasova, Y.A. 2017. "Russian language as an expression of cultural and spiritual community of the peoples of Russia, the state language of the Russian Federation." *Young Scientist*, no. 1, pp. 533–535. Print. (In Russ.)
9. Filippova, A.A. 2023. "Museums of the CIS countries as a form of Eurasian integration." At the intersection of languages and cultures. *Actual questions of humanitarian knowledge*, no. 1, pp. 333–338. Print. (In Russ.).
10. Fokin, V.I., Eltz, E.E. 2019. "Museums in the cultural diplomacy of Russia and China." *Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia*, vol. 18, no. 4, pp. 865–882. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882>. (In Russ.).
11. Igumnova, N.P. 2009. *Eurasian library space: theory and practice of development*". Dis. Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
12. Igumnova, N.P. 2021. "Common library space of the CIS in the context of humanitarian cooperation." *Library Science*, vol. 70, no. 4. pp. 343–351. Print. (In Russ.).
13. Sarkisyan, N.S. 2021. "The importance of the Russian language at the theatrical crossroads of Armenia: Eastern Armenian theatre of the XIX century." *II International Congress "Language Policy of the Commonwealth of Independent States (CIS)" Proceedings. Alma-Ata, 26–28 October 2021*, pp. 272–273. Print. (In Russ.).
14. Khurramova, B.K. 2021. "Tajik history through the eyes of a Russian film director." *II International Congress "Language Policy of the Commonwealth of Independent States (CIS)" Proceedings. Alma-Ata, 26–28 October 2021*, pp. 272–273. Print. (In Russ.).
15. Maslova, V.A. 2022. "Functioning of the Russian language in the Republic of Belarus: problems and ways of their solution." *International Scientific Congress "Russian language in the CIS countries: situation, functioning, communication" Proceedings. (1–3 November 2022). Collection of materials*. Part I. Russian language in education in the CIS countries, pp. 10–12. Print. (In Russ.).
16. Karasik, V.I. 2023. "Index of Russian language position in the world (review)." *Russian language abroad*, no. 4, pp. 91–92. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Камышева Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра языковой политики и международного образования, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. ORCID: 0000-0002-8697-015X. eLibrary SPIN-код: 9141-9386. E-mail: skamysheva@yandex.ru

Филиппова Альбина Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра языковой политики и международного образования, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. ORCID: 0009-0009-9832-5180. E-mail: alla.nauka@mail.ru

Bio notes:

Svetlana Yu. Kamysheva is PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Centre for Language Policy and International Education, Pushkin State Russian Language Institute, 6 St. Academician Volgin, Moscow, 117485, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8697-015X. eLibrary SPIN-code: 9141-9386. E-mail: skamysheva@yandex.ru

Albina A. Filippova is PhD in Philology, Researcher of the Centre for Language Policy and International Education, Pushkin State Russian Language Institute, 6 St. Academician Volgin, Moscow, 117485, Russian Federation. ORCID: 0009-0009-9832-5180. E-mail: alla.nauka@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-683-699

EDN: DLRXVS

Научная статья / Research article

В «приглушенном» свете этничности. Поэзия мари Геннадия Сабанцева-Ояра

А.А. Арзамазов^{ORCID}

Казанский научный центр Российской академии наук, *Казань, Российская Федерация*;
Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ arzami@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены художественные особенности поэтического творчества одного из наиболее ярких представителей современной марийской литературы — Геннадия Ояра. Стихотворения поэта, вошедшие в сборник «Вспохохи сердца», проанализированы в контексте реалий становления и развития словесности мари, с учетом стадийно-типологической специфики финно-угорских литератур России. Исследован мотивно-образный кластер произведений Геннадия Ояра, сделан вывод о том, что его творческие высказывания отличаются глубинным философским началом, художественной актуализацией универсальных общечеловеческих тем. Установлено, что поэт в своих стихотворениях «пропускает» целый ряд важных с точки зрения реализации собственной творческой концепции перспективных стратегий — так, речь может идти лишь о низкой степени присутствия в образно-символической системе Ояра фольклорно-мифологической компоненты, восходящей к традиционным верованиям мари. При этом выявлено, что Геннадий Ояр в своей поэзии большое внимание уделяет процессу возвращения исторической правды марийцев, без которой невозможно подлинное конструирование этногуманитарной интеллектуальной реальности. Также затронуты этнически релевантные темы, персонажи (судьба родного языка, национальной интеллигенции, трагедия поэта и актера Йывана Кырли). Дана оценка качеству художественного перевода текстов Геннадия Ояра на русский язык. Подчеркивается, что его творчество корреспондирует с основными тенденциями развития марийской литературы рубежа XX–XXI столетий.

Ключевые слова: Г. Ояр, литература народов РФ, поэзия мари, художественные особенности, мотивно-образный комплекс, этническая идентичность, художественный перевод

История статьи: поступила в редакцию 03.07.2024; принята к печати 11.10.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Арзамазов А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Арзамазов А.А. В «приглушенном» свете этничности. Поэзия мари Геннадия Сабанцева-Ояра // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 683–699. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-683-699>

In the “Dim” Light of Ethnicity. Poetry of Mari Gennady Sabantsev-Oyar

Aleksey A. Arzamazov^{ORCID}

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, *Kazan, Russian Federation*;
RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ arzami@rambler.ru

Abstract. The study discusses the artistic features of the poetic work of Gennady Oyar, who is one of the most prominent representatives of modern Mari literature. The poems included in the collection “Flashes of the Heart” are analyzed in the context of the realities of the formation and development of Mari literature, taking into account the stage-typological specificity of the Finno-Ugric literatures of Russia. The motive-figurative cluster of Gennady Oyar’s works is examined, and the conclusion is drawn that his creative statements are deeply philosophical, actualizing universal human themes. It has been established that the poet in his poems “misses” a number of promising strategies that are important from the point of view of the implementation of his own creative concept, so the folklore and mythological component, going back to the traditional beliefs of the Mari, is poorly represented in Oyar’s figurative and symbolic system. At the same time, it was revealed that Gennady Oyar in his poetry pays great attention to the process of returning the historical truth of the Mari, without which the truthful construction of ethno-humanitarian intellectual reality is impossible. The work examines ethnically relevant topics and characters (the fate of the native language, the national intelligentsia, the tragedy of the poet and actor Yyvan Kyrli). The quality of the literary translation of Gennady Oyar’s texts into Russian is assessed. It is emphasized that his work corresponds with the main trends in the development of Mari literature at the turn of the 20th — 21st centuries.

Key words: G. Oyar, literature of the peoples of the Russian Federation, Mari poetry, artistic features, motif-figurative complex, ethnic identity, literary translation

Article history: received 03.07.2024; accepted 11.10.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Arzamazov, A.A. 2024. “In the “Dim” Light of Ethnicity. Poetry of Mari Gennady Sabantsev-Oyar.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 683–699. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-683-699>

Введение

Одно из приоритетных направлений отечественной гуманитаристики — исследование духовной культуры народов России, являющей собой уникальное цивилизационное пространство. Среди актуальных для научного рассмотрения больших тем, сложных проблем — языковые особенности, этническая специфика, реалии развития национальных литератур РФ. Разнообразный материал, основу которого составляют как работающие механизмы фольклорно-мифологической памяти, так и индивидуально-авторское стремление к эпатажной постмодернистской действительности, — представляет значительный

интерес с точки зрения новых возможностей теоретического моделирования. Этнокультурная составляющая литературы как многомерный феномен, совокупность символически кодифицированных проявлений этноса до сих пор теоретически не осмыслена, содержательно не раскрыта. Вместе с тем современная литература народов России продолжает исследоваться в различных проблемно-тематических контекстах. За последние годы появились знаковые работы, в целом проявившие богатство и глубину этнохудожественного мировоззрения носителей разных языков, представителей разных литературных традиций. Именно к этим исследованиям в той или иной степени обращена данная статья [1–12].

В нашем случае в орбиту прочтения попадает одна из самобытных финно-угорских литератур, которую олицетворяет творчество современного марийского поэта Геннадия Ояра.

Следует подчеркнуть, что марийская литература несколько в меньшей степени, чем другие литературы народов Поволжья и Урала, «приоткрыта» русскоязычному читателю. Особенно малоизвестен ее современный пласт. Если отдельные произведения, книги марийских классиков советской эпохи были переведены на русский язык, изредка издавались, но достаточно большими тиражами, то писатели среднего и молодого поколения узнаваемы, читаемы в узком кругу своих.

Аналитическая попытка заглянуть в прошлое и настоящее марийской словесности для нас одна из наиболее сложных. И дело не только в недостаточном владении, в отличие от других финно-угорских языков, марийским-луговым (мы старались смотреть первоисточники, нередко противопоставляя их русским переводам), но и в ощущении закрытости ментальности мари. И в этом смысле литература «преломляет» стратегии поведения, траектории внутреннего самораскрытия (самозакрытия?) этноса. При всей внешней «как бы» открытости, наивной искренности, кажущейся легкости взаимодействия почти сразу осознаешь, что есть границы, которые не перейти. Особенно это непреодолимое расстояние проявляет себя, когда пытаешься проникнуть в духовные, личные измерения жизни. По всей вероятности, такова феноменология литературы мари: видимость ее простоты, художественной ясности, сюжетной прямолинейности, образно-символической прозрачности более чем обманчива. Исследователь не из этноса не поймет, не увидит многого. Но вместе с тем взгляд со стороны, извне тоже может быть полезным, аналитически плодотворным, приглашающим к взаимообогащающей полемике.

Обсуждение

Творческий путь известного современного марийского поэта Геннадия - Сабанцева-Ояра (1958) не был тернистым — поэту повезло с признанием. Родившийся в семье крестьянина Г. Сабанцев-Ояр получил высшее филологи-

ческое образование (марийский язык и литература). Его профессиональное восхождение проходило достаточно гладко — переводчик в районной газете, редакторская работа в журнале «Пачемыш» («Оса»), газетах «Ямде лий» («Будь годов») и «Кугарня» («Пятница»), опыт работы редактором в телерадиокомпании и в СМИ на Чукотке. Еще в советские годы подающего большие надежды молодого марийского писателя продвигали в Москве, активно печатали в Йошкар-Оле. Регулярно издавали на марийском и на русском новые книги стихов. В 2015 г. Г. Ояр становится народным поэтом Марий Эл, в 2018 г. за сборник «Жизневорот» удостоивается государственной премии имени С.Г. Чавайна. Внешнее отсутствие «острых углов» в его биографии контрастирует с полными трагической несправедливости судьбами национальных писателей предшествующих поколений. История с большим опозданием исправляет свои ошибки.

Геннадий Ояр принадлежит к поколению писателей, родившихся в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В литературах народов Поволжья и Урала представители этой генерации занимают особое место. Они ворвались в литературу сразу после перестройки, оказались в творчески притягательной ситуации, когда можно всё. Сумели не только остановить «соцреалистический натиск», но и предложить свои художественные конструкты. Г. Ояр, в отличие, например, от удмуртских поэтов-сверстников (П. Захарова, В. Шибанова, Рафита Мина и др.), не ушел с головой в этнофутуристические экзерсисы, смелые поэтические эксперименты. В своих стихотворениях он придерживался проверенных правил игры, опирался на традиции предшественников. Вероятно, поэтому Г. Ояр более понимаем, читаем широкой публикой, чем эпатазирующие консервативного реципиента удмуртские этнофутуристы.

Интерпретируемая книга «Всполохи сердца»² выделяется на фоне многих других поэтических сборников марийских авторов продуманностью структуры, тематической последовательностью текстов. Однако Г. Ояр освобождает свои стихи от внешних «границ» — они не подчинены обозначенному изначально общему знаменателю в виде цикла, отдельного раздела книги. Одна тема гармонично переходит в другую, нет исследовательского ощущения содержательных «разрывов», «пустоты».

Один из инвариантных в поэтической системе Геннадия Ояра тематических комплексов — ход времени, осознание / ощущение быстротечности жизни. В книге «Всполохи сердца» значительная часть стихотворений отражает сложный экзистенциально-психологический опыт человека «переходного возраста». Ему кажется, что близится финал, совсем близко — смерть. Подобная установка меняет отношение к повседневности: лирический субъект начинает осознавать ценность каждого мгновения, становится жадным до впечатлений, эмоций.

² Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи. Йошкар-Ола: Марий журнал, 2014. 200 с.

Геннадий Ояр постоянно сетует на то, что время уходит, дни пролетают: *«Ну вот — ушел, пропал, растаял / Насущный день — исчез как сон, — / А ведь лишь утром, вырастая, / Был только мне он посвящен / Со всеми алыми цветами, / С зеленой краской свежих трав... / Одна гнетет меня досада — / Ушел, пропал, растаял день»*³ (перевод Г. Смирнова).

Лирический герой Г. Ояра пребывает в напряженном состоянии сомнения — ему представляется, что жизнь проживается зря — всё суета, всё не то. В каждом «движении» мерещится пустота, видится бессмысленная праздность: *«Пчелиным жалом вдруг пронзит / Твое сознание мысль, / Что жизнь вокруг тебя бежит... / Что мог свершить еще вчера, / Увы, не совершил, — / И значит, тратил силы зря, / Инертно, праздно жил... / Но всё не видишь ты, / Что быстротечна наша жизнь, / А дни твои — пусты...»*⁴ (перевод Г. Смирнова).

Одна из проекций темы времени — поэтизация межсезонья. В тексте «Уже не зима, но весны нет в помине» автора тревожит нарушение природных биоритмов. Оттепель зимой, метели весной воспринимаются сквозь призму непредсказуемости существования. Человеку ни в чем нельзя быть уверенным. Всё хрупко и зыбко: *«Зима на дворе — всюду слякоть и сырость, / Сады зацветают — метель заметет. / Какой же провидец, скажите на милость, / Прогноз угадает, про жизнь не совет?»*⁵ (перевод Г. Смирнова).

В рассматриваемой книге Геннадия Ояра большое количество стихотворений являет собой так называемую пейзажную лирику, в основе которой мотивно-образный комплекс «времени года». При этом природа, природные явления ожидаемо сопряжены с духовно-чувственным измерением человека, изобразительный компонент обычно вторичен, и, напротив, на первый план выходит повествовательно-содержательное начало.

Осень у Г. Ояра — время рефлексии. В целом ряде стихотворений лирический субъект пытается разобраться в себе, возвращается к прошлому, радуется временному «очистительному» одиночеству, вновь его угнетает, обескураживает скорость жизни. Стихи, обращенные к осени, чаще объемные, «многословные». Автор в них совмещает образно-описательный план с философско-психологическими сюжетами. Осенние стихи в творчестве марийского поэта, как правило, диалогичны. В текст регулярно вводится «Ты»-субъект, за которым стоят разные лица, персонажи — возлюбленная, друг, читатель, сам писатель.

В «осенних» стихотворениях использованы неожиданные образные ряды, усиливающие психологический контекст произведения: *«Да, бывает с нами (я такое видел): / Вдруг твоё пространство сузится до ветки... / Но в душе погаснет уголек обиды — / Мы уже большие, мы уже не детки...»*⁶ (перевод Г. Смирнова).

³ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи. Йошкар-Ола: Марий журнал, 2014. С. 14.

⁴ Там же. С. 16–17.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 26.

Ключевой символ осени в лирике Г. Ояра — опадающие листья, обещающие лирическому герою расставание и ожидание.

Своеобразный символический диапазон у зимы. Это время года освобождает лирического субъекта от тяжести «летних» любовных противоречий, всё более набирающих экзистенциальную значимость разочарований, заблуждений в себе и других. Зимой возникает непреодолимое расстояние между мужчиной и женщиной, что однако не вызывает больше страха одиночества, парализующего эмоционального напряжения: «...*Моя боль и отрада! / Не увидимся мы / Посреди снегопада, / Посредине зимы. / Я спокоен, не взвинчен, / Знать желая о том: / С кем ты делишься нынче / Задушевным теплом?*»⁷ (перевод Г. Смирнова).

Снег, снегопад обещают спасительное очищение, успокоение, замирание сложной внутренней жизни. Зимой всё проще и понятнее.

Стихотворения о весне «Предвесеннее»⁸, «Весеннее»⁹, «Зеленое пламя весны»¹⁰ менее интересны, разнообразны sub specie представленных экзистенциально-психологических контекстов, образной символики. Эти тексты созерцательные, пейзажные, в них преобладают однотипные положительные эмоции, связанные с пробуждением, преображением природы родной земли.

У Геннадия Ояра сложные отношения с советской эпохой. Его наиболее эмоционально насыщенные, экспрессивные тексты о двуличной природе социалистического мироустройства, отсутствии правды, вакууме жизни в СССР. «Пробудившееся» сознание ужасается обыкновениям недавнего прошлого — как мог человек так жить: «*Всем миром строили «коммуну»... / Но три столба — хоть в дом неси — / Стоят и днем и в свете лунном: / Не верь!.. Не бойся!.. Не проси!.. / Кто скажет людям — что за время? / И кто ответит — что за век? / Вожжи плюют холопам в темя, / Унижен гордый человек... / Мы всё приемлем с желчным вкусом / Что толку призрак обвинять...*»¹¹ (перевод Г. Смирнова).

Лирический герой обижен, разочарован, растерян. Он еще не в силах отпустить свою советскую часть жизни, решительно перечеркнутую новым временем. От него уже ничего не зависит, его мировоззрение становится всё более апокалиптическим. Подобранные рифмы происходящему — горечь, пустота, бездна: «*Всё глубже бездна. Зов не слышен. / Рука встречает пустоту. / И кровь стучит в ушах и душист, / И горечь терпкая во рту...*»¹² (перевод Г. Смирнова).

В стихотворении «На мездурском кладбище» поэт затрагивает тему сталинских репрессий. В 1937–1938 гг. в упомянутом месте происходили массовые расстрелы невинных людей. Данное произведение Г. Ояра — одно из

⁷ Ояр-Сабанцев Г. Вспохои сердца: стихи... Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 123–124.

¹² Там же. С. 123.

поэтически ярких и знаковых обращений в марийской литературе к еще недавно запретным сюжетам, один из заслуживающих внимания индивидуально-авторских опытов создания художественного дискурса памяти о трагедии тоталитаризма. В тексте отменяются физические законы времени, прошлое «наступает» на настоящее, живое и мертвое неразличимы. В произведениях трагического звучания нередко на первый план выходят физиоментальные свойства переживающего индивидуума, получает усиление визуальный компонент. Пространство, действия лирических субъектов становятся кинематографически выразительными, сверхслышимыми. Обоняние обостряется, повсюду — новые запахи: *«В мездурской чаше лижет пламя свеч / Прогорклый воздух, запах Иван-чая... / А рядом тень — не сдвинуть, не отвлечь — / Нависла. Каждый шорох отмечает. / Как будто черный полог всех накрыл, / Могла бы если — всех бы подтолкнула / В сырые жерла вырытых могил. / Вот выстрел слышу. Вьется дым из дула... / Стою, оглохший. Пламя свеч дрожит. / Зловеще тень бормочет, отступая. / Малец к руке старушки как пришит, / На свет неяркий смотрит не мигая...»*¹³ (перевод Г. Смирнова).

Такое «мультипликативное» ощущение хронотопа лирическим героем обусловлено в том числе этномифологическими представлениями, набором устойчивых психологических «кодов» восприятия, реагирования. Кладбище — место сакральное, топос соприкосновения миров — здесь человек особенно уязвим. Любые внешние знаки этноформ прочитываются с большим вниманием, осторожностью. Кроме того, места массовой гибели людей всегда оказывают значительное эмоциональное давление. Это территория смерти, сознание выделяет любое проявление другого, необыкновенного.

Мотивно-тематический комплекс смерти в поэтическом творчестве Г. Ояра представлен достаточно широко. Неоднократно встречается образ могилы. Это может быть одинокая могила (см.: одноименное стихотворение)¹⁴, мимо которой нельзя пройти. Лирический герой погружается в печальные размышления, пересматривает события собственной жизни, гадает, кто и почему похоронен столь странным образом. Стихотворно обыгрываемый сюжетно-ситуативный контекст, по всей вероятности, восходит к образцам классической русской поэзии, романтизирующей раннюю смерть, заброшенные могилы, одинокие захоронения. В стихотворении «На могиле поэта» лирический герой приходит на могилу Валентина Колумба, рассуждает о высоком назначении поэзии и экзистенциальной незащищенности поэта. В презентуемом топосе смерти вновь о себе заявляет природный космос: *«И там он, и здесь — моросит — / Дождь с пылью с надгробий стекает. / И ветер целует цветы... / Расступятся вновь предо мной / Сирени кусты и деревья, / Наверное, знают они: / Всё братство поэтов со мной... / Нам слушать серебряный звук, / Что дождик рассыпал*

¹³ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 129.

¹⁴ Там же. С. 108.

над нами, / И шелест листвы молодой / Услышит могильная тьма. / И ветер подует в лицо, / Касаясь прохладно устами...»¹⁵ (перевод Г. Смирнова).

С темой смерти контекстуально сопряжен и ряд мифологических представлений, раскрывающихся в произведениях Г. Ояра. Это в первую очередь представления о душе и судьбе. Так, ассоциирование души умершего с бабочкой свойственно многим финно-угорским народам. Ояр поэтически актуализирует данное распространенное фольклорно-мифологическое образное отождествление: *«Заживем, тоску-печаль не зная... / Бабочка забьется о стекло — / Чью же душу из святого рая / В мир наш беспокойный занесло?»¹⁶ (перевод М. Василевской).*

Некоторые представления о душе имеют явные христианские корни. И в данном случае это могут быть не только религиозные установки автора, но и осознанное / бессознательное художественное снижение исходных мифологических контекстов со стороны переводчика, стремящегося «упаковать» текст в более привычные символы и смыслы. В стихотворении «Глядя на проплывающие облака» лирический герой предполагает, что его душа окажется на небе, среди облаков. Ее встретят ангелы: *«Тучи по синему небу охатками / Медленно вдаль над землею плывут. / Душу мою, неостывшую, жаркую, — / Знаю — с собою однажды возьмут. / Ангелы неба, послушные Богу, / Встретят ее, как встречали отцов. / Не был я ангелом в жизни от роду — / Вправе ли ждать отпущенья грехов?»¹⁷ (перевод М. Василевской).*

Постулируемое ожидание отпущения грехов – христианская «вершина» этого текста. Для языческих верований, картины мира марийской традиционной культуры подобные воззрения не характерны. Ангелы, к слову, встречаются и в других стихотворениях Г. Ояра (см.: *«Сойти с полдороги к безбрежью, к безлюдью? — / Мой ангел, услышь и храни!..»¹⁸*).

Регулярно в своих произведениях автор обращается к мифологеме судьбы, выдвигая генетически пограничные образно-ассоциативные конструкты. В тексте «Два берега»¹⁹ вводится понятие реки-судьбы, по которой плывет человек. Очевидна изначально сильная мифологическая позиция реки, в представлении многих (не только финно-угорских) народов связывающей этот и тот миры, воспринимающей как граница между живым и мертвым.

С понятием судьбы в одном из стихотворений Г. Ояра сопряжен образ коня:

*Я коня судьбы надежно
К дальней скачке подковал!..²⁰
(перевод Г. Ояра)*

¹⁵ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 130–131.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 114.

¹⁹ Там же. С. 116.

²⁰ Там же. С. 118.

Лирический герой таким образом подчеркивает, что он хозяин своей судьбы. Он не соглашается с мировоззренческими постулатами своих предков о том, что всё изначально предрешиено. Напротив, человек сам определяет свой путь, прокладывает дорогу жизни. Распространенность символа коня в марийской литературе, по-видимому, может объясняться многовековыми контактами марийцев с тюркскими народами, воздействием тюркских этнокультур на финно-угорские.

В целом мифологический пласт в поэзии Г. Ояра при всей его художественной привлекательности не получает возможного разнопланового раскрытия, проявляется эпизодически. Речь может идти о редуцированных редких мифологических подтекстах того или иного мотива, образа, коммуникативного «жеста» лирического субъекта.

Одно из центральных тематических измерений поэзии Геннадия Ояра — в широком смысле марийский мир, марийская идентичность. Поэту очень важно отметить свою этническую принадлежность, в лучшем свете перед читателем представить марийский народ. Несколько текстов из обозначенного мотивно-тематического комплекса обращены к знаменитым марийцам (поэтам, композиторам). Г. Ояр, таким образом, как бы обозначает «гуманитарное поле» своего народа, создает свою духовную иерархию. Эти стихи-посвящения «великим-своим», друг за другом появляются в национальной литературе после перестройки, в 1990-е гг., когда возникла острая потребность в конструировании собственного интеллектуального тезауруса. В стихотворении «Мустафа-Кырля» поэт вспоминает Йывана Кырлю (1909–1943) — марийского поэта и актера, человека трагической судьбы, «блеснувшего» в роли Мустафы в первом легендарном советском звуковом фильме «Путевка в жизнь» и сгинувшего в сталинских лагерях. Рассматриваемое произведение — редкий для марийской литературы пример диалога искусств, интерферирования двух различных знаковых систем: воспроизводятся отдельные эпизоды упомянутого фильма, герой-Мустафа в поэтическом «кадре» поет марийскую народную песню. При этом обозначены трагический фон эпохи (1930-е гг.), приближающийся личный апокалипсис самого Кырли: *«Это Мустафа сквозь годы / Мчится к нам, спешит — поет, / Словно чуя — у свободы / Дверь захлопнется вот-вот! / Но кому негодной стала / Эта песнь, что даль, светла? — / Рельсы кончились. Устало / Песнь, как сердце, замерла: / «Ой, куница как играет / В тишине густых лесов! / Ой, клубника зацветает / В зеленях родных лугов!..»*²¹ (перевод Г. Смирнова).

В стихотворении «Два певца» представлены сцены творческого общения двух выдающихся деятелей марийской культуры — композитора И. Ключникова-Палантая (1886–1926) и родоначальника марийской литературы, поэта С. Чавайна (1888–1937). Примечательно «участие» природы, которая голубыми

²¹ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 132–133.

небесами и сияющим солнцем показывает свое расположение: *«Два сына марийского края степенно / Беседу ведут. А вокруг ни души. / Лишь солнце сияет над облаком пенным... / Смолкают. Становятся рядом. Их взоры / Куда-то в далекое обращены. / Над ними небес голубые просторы...»*²² (перевод Г. Смирнова).

Другой текст²³, адресованный марийскому писателю Миклаю Казакову (1918–1989), по своей природе более пафосный, риторически акцентированный. Автор воздаст должное классику национальной словесности, называет его наследником Чавайна, подчеркивает значимость его роли в художественном «возвышении» марийского языка.

Родному языку Г. Ояр посвящает стихотворение. Национальный поэт, для которого язык предков — основа основ, изначально понимает / предчувствует, что произведение на эту тему будет «программным», этически беспроязненным, его непременно занесут на страницы школьных учебников. Г. Ояр, большой знаток татарской литературы, в написании своего текста, по-видимому, ориентировался и на два культовых стихотворения татарской и башкирской литератур — «Туган тел» («Родной язык») Габдуллы Тукая и «Татар теле» («Татарский язык») Назара Наджми. Произведение «Мой марийский язык» Ояра привлекает внимание наличием поэтически оригинального индивидуально-авторского ощущения своего языка: *«Шумят слова — деревья вековые, / И вижу я цветущие поля... / Родной язык — пчелиная царица, / Пчелиный рой вокруг тебя — народ...»*²⁴ (перевод М. Василевской).

Г. Ояр останавливается и на острой социальной проблеме нежелания марийцев говорить на родном языке. Автор не приемлет языкового беспамятства, языковой, культурной безответственности: *«Родной язык, из наших души ты вырос, / Но есть еще несчастные пока: / Стыдятся, что на свете появились? / Стыдятся слов родного языка?»*²⁵ (перевод М. Василевской).

Ассоциативная цепочка «рождение — жизнь — язык — этнос — культура» является для марийского поэта аксиомой.

Одно из поэтических преломлений темы этнической идентичности — мотив встречи марийцев на чужбине. Родина для лирического героя — не пространственная категория, а прежде всего — духовная, эмоциональная, языковая «работающая» действительность. Внезапное пересечение с соплеменником вдалеке от дома приводит к пробуждению этнического самосознания, обостряет чувство родины, тоски по ней. Рассматриваемый мотив, к слову, в большей степени характерен для национальных литератур советского периода, отражающих перемещение субъекта в поисках себя и своего по великой стране. Неожиданные встречи марийцев как ситуация проявления этнической

²² Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 134.

²³ Там же. С. 135.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Там же. С. 126.

самоидентификации имеют место в проанализированных выше стихах Валентина Колумба. Г. Ояр, развивая художественное ощущение родства, делает акцент на языке: «*Как соседи на родине — больше! — / Как родня, будем встречу беречь... / Нет звучнее, блаженнее — боже! — / Чем марийская мягкая речь...*»²⁶ (перевод Г. Пирогова).

Язык для марийского этнофора — главный «код» этнической принадлежности, важнейшая духовная ценность, культурный ресурс. К сожалению, такая точка зрения среди молодого поколения марийцев становится всё менее распространенной.

Другая концептуальная марийская ментальная черта, этнокультурная парадигма — родственно-бережное отношение к природе. В стихотворении Г. Ояра «Нам завещано» «прописаны» эти этноэкологические обыкновения, регулирующие взаимоотношения человека с окружающим миром: «*Березняк, и дубрава, и роща... / Наш язык от древесных ветвей. / На природу мариец не ропщет — / Поклоняется, молится ей. / Не бранил ни травы, ни листочка, / И озерам в лицо не плевал, / Только черпал и пил по глоточку, / Только жажду в жару утолял. / Не о прозвищах речь, если имя — / Чимари, — значит, в помыслах чист. / На рубашке — луга, а под ними / Бьется сердце, как трепетный лист. / И подобно водице в ладонях, / Всё грядущее в наших руках. / Мы и капли ее не уроним, / Чтобы свет серебрился в очах...*»²⁷ (перевод Г. Смирнова).

В тексте автор оперирует сложным концептом марийского мировоззрения **чимари**, при помощи которого обозначают «чистых» марийцев, придерживающихся традиционных верований.

Геннадия Ояра с уверенностью можно назвать поэтом-лириком, тонким психологом, умеющим достоверно писать о любви. Любовные тексты у него в большей степени пронизаны печалью, болью утраты, в них воспроизводятся сюжеты из прошлого. Нельзя не отметить размеры таких стихотворений — мемуаристские нарративы требуют значительного текстового простора. Кроме того, устройство произведений рассматриваемой тематики у Г. Ояра не кажется простым: взаимоналожение времен, топосов, реальное и фикциональное взаимодействие субъектов любовной коммуникации, неоднозначность эмоций и оценок авторского «Я». Любовь, представленная в стихах Ояра, созерцается-вспоминается сквозь годы одиночества. Она обычно удалена от момента настоящего. В тексте «Фото на память» фотография переносит лирического героя в один из далеких майских дней, ассоциирующихся с хрупкостью личного счастья, ощущением эмоционального, экзистенциального пика любви, с предчувствием смертеподобной разлуки. В произведении «срабатывает» мифология мая, месяца «переходного», мистического, обостряющего чувства, реакции, дарящего влюбленным надежду на вечность единения: «*Тот май, его*

²⁶ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... Там же. С. 138.

²⁷ Там же. С. 125.

*грозы и грезы / В моей неизбывны судьбе! / Стоишь, прислонившись к березе, / А может — береза к тебе...»*²⁸ (перевод Г. Смирнова).

Частично цитируемое стихотворение, по всей вероятности, сюжетно, на образно-ассоциативном уровне перекликается с известным стихотворением татарского поэта Роберта Миннуллина «Ак каеннар арасына» («Между белых берез»), которое стало популярной песней. Геннадий Ояр дружил с Р. Миннуллиным, хорошо знал его творчество, переводил его тексты на марийский язык.

Выразительный образец «напряженной» любовной лирики Г. Ояра — стихотворение «Неужели ничто не встревожит наших душ?», «оркестрованное» устойчивыми мелодраматическими мотивами, штампами: «своя» любимая становится чужой женой, забытое в действительности оказывается обжигающе-живым, параллельные дороги судеб пересекаются, время, вопреки ожиданию, не лечит. Любовное чувство сравнивается с песней, музыкой: «*Ворошу в своей памяти сколы, / И ищу себя в прошлой стране, / Где душою мелодия правит, / Струны дальние близко звучат. / Ничего уж теперь не исправить — / Песня та не вернется назад...»*²⁹ (перевод Г. Смирнова).

Любовь у Геннадия Ояра «рифмуется» с несвоевременностью, опозданием: «*Молодого или старого / Будто пламя обожжет / От вопроса запоздалого: / Где же, счастье ты мое?»*³⁰ (перевод М. Василевской).

Любовь, счастье в восприятии лирического героя — кратковременные / недостижимые состояния. Состояние «после любви», напротив, длится годами.

Мифологическая сила приписывается слову любимой:

*Только словом одним
Ты могла обратить
Землю в рай или ад...»*³¹

(Перевод Г. Смирнова)

Вероятно, такое «преувеличение» — не только художественно эффектный риторический прием, но и проявление сакрального отношения к слову, языку, характерное для финно-угорских культур.

Стихи Г. Ояра представляют интерес и в психологическом аспекте. Последовательно прослеживается стремление лирического субъекта уйти от ответственности большой любви. Ему нужны «вспышки», пламя. Послелюбовное томление, «тление» удобны в творческом смысле, вдохновляют на написание стихов.

Часть стихотворений, посвященных любовной теме, написаны с позиции «Мы», которая в поэтическом дискурсе Ояра регулярно противопоставляется

²⁸ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... Там же. С. 74.

²⁹ Там же. С. 75.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. С. 79.

«Я»-высказываниям. Геннадий Ояр — поэт подчас скрытых противоречий. Его авторская психология характеризуется различного рода «колебаниями»: от чрезмерной финно-угорской робости, стеснительности, растворения в чужом мнении до пафосно-менторского предъявления своего жизненного опыта, абсолютной уверенности в своей правоте, уникальности личной философии.

Пожалуй, наиболее слабые тексты Г. Ояра — о «прозрачности» существования, о высоких неоспоримых смыслах бытия. Экзистенциальные выводы данного проблемно-тематического блока стихотворений нельзя назвать оригинальными. Способы их поэтического представления далеки от «нестандартов» художественного своеобразия:

*Только годы вот спешно уходят.
И по жизни выходит лишь так:
Устремленный лишь счастье находит...³²*
(Перевод Г. Смирнова)

*Я, прошедший жизни половину,
Говорю юнцам, смиряя пыл:
Будет легче зрелому мужчине,
Если смелым в молодости был...³³*
(Перевод Г. Смирнова)

*Жизнь-судьба нам займы не дается,
И нужды нет ее возвращать.
Надо жить. Но не так, как придется...³⁴*
(Перевод Г. Смирнова)

Как и старший коллега Валентин Колумб, Геннадий Ояр серию стихотворений посвящает теме песни, музыки. В текстах «Песня как птица»³⁵, «Родная песня»³⁶, «Как славно выводит мелодию дева»³⁷, «Народная песня»³⁸ не просто подчеркивается важная роль песни, музыки в жизни человека, им приписывается целый ряд свойств. На вершине музыкальной иерархии у Г. Ояра — народная песня, которая «боль твоя и сила, / голос сердца, нежность души»³⁹. В песнях нет временных границ, прошлое с легкостью возвращается в настоящее:

³² Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 99.

³³ Там же. С. 98.

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Там же. С. 69.

³⁶ Там же. С. 70.

³⁷ Там же. С. 71.

³⁸ Там же. С. 72–73.

³⁹ Там же. С. 72.

*Я люблю один с биением сердца,
Словно в гости, песню приглашать,
Время вспять вернется, стукнет в дверце —
Начинаешь прошлое листать...⁴⁰*

(Перевод Г. Смирнова)

Для марийского поэта песня — средоточие народной мудрости, в каждом слове — веками отточенные обыкновения жизни. Песня преподносится как уникальный аксиологический ресурс марийского этноса. Песня в поэзии Г. Ояра прочно связана с женским миром. Именно в женском исполнении песня обретает душевную высоту, мягкую преобразующую человека силу. Песня дает почувствовать географическую протяженность марийской цивилизации:

*В моркинской стороне иль на Урале,
На Белой иль на Волге — там и тут —
О, как мне нежно голоса звучали:
В селе марийском девушки поют...⁴¹*

(Перевод Г. Смирнова)

Еще одно выразительное образное определение песни — птица, ассоциирующаяся со свободой, небом, женщиной.

В цепочке поэтических образов Г. Ояра видное место занимают звери и птицы. Такие животные сопоставляются с людьми. Так, тигр и человек⁴², согласно авторским убеждениям, не должны жить в золотой клетке, напротив, должны оставаться свободными, самими собой. Образ волка⁴³ обыгрывается автором в связи с поговоркой «человек человеку волк». Ояр категорически не согласен с таким утверждением, он отказывается становиться волком. Его жизненное кредо — дружба и любовь. В творчестве марийского поэта регулярно звучат пацифистские интонации, дискурс ярости, сопротивления, несогласия, противостояния встречаются реже.

Образ жаворонка — один из востребованных финно-угорской и тюркской поэтическими традициями (см.: стихотворение удмуртского поэта и этнографа Омеля Лади «Марлы кырза тюрагай» («Отчего поет жаворонок»), в котором лирический герой также пытается разгадать таинственные послы пения птицы). В стихотворении Г. Ояра «Жаворонок. На родине» жаворонок вписан в ностальгический контекст, символизирует социальное неблагополучие родной земли. Птица не поет, а словно оплакивает заросшие, заброшенные поля малой родины: *«Там колокольчиком с небес / Лилась к нам жаворонок песнь — /*

⁴⁰ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 72.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² Там же. С. 121–122.

⁴³ Там же. С. 119.

Хвала крестьянскому житью, / Хвала богатому жнивью. / О чем поет сегодня он? / Похожа песнь его на стон. / Летая в небесах кругом, / Уже не хвалит поле он. / Рожь да пшеница не растут — / Стеной кустарники встают. / И жаворонок не поет — / Своим рыданьем сердце рвет...»⁴⁴ (перевод М. Василевской).

В книгу Г. Ояра «Всполохи сердца» вошли и автопереводы, представляющие читателю «Чукотский цикл»⁴⁵. Марийский поэт жил и работал на Чукотке, встреча с которой переросла в развернутые художественные впечатления. Цикл состоит из 24 стихотворений, передающих подробности своей чукотской жизни. Ояр при этом далеко не всегда придерживается упрощенной установки «Пою о том, что вижу». Он с переменным успехом стремится уловить / поэтически выразить метафизику этой древней земли. Чукотский цикл, бесспорно, требует специального рассмотрения. Нам же важно подчеркнуть, что Г. Ояр не замыкается только на знакомых топосах, понятных пространственных мирах, он не боится осваивать другие ландшафты, творчески соприкасаться с чужими далекими этнокультурами. Геннадий Ояр — один из множества национальных писателей (как и марийский классик Валентин Колумб), которых привлекали Крайний Север и Дальний Восток, кто обратился к тревелогу, тем самым обновляя жанрово-стилевую реальность своей литературы.

Одним из заметных опытов циклизации в творчестве Г. Ояра представляется поэтический венок «Год любви»⁴⁶. В его основе — «месячная» модель времени, месячный отсчет жизни. Год любви в цикле начинается с апреля и заканчивается мартом. Очевидны смещение темпоральных границ, нарушение физических законов природы при помощи субъективных человеческих представлений, желаний. Каждое стихотворение цикла обращено к конкретному месяцу, включает в себя как импрессионистические зарисовки, так и размышления автора о прожитом и проживаемом, радостях и печалях большой жизни. С точки зрения содержания, критериев художественной ценности венков нельзя отнести к литературным удачам автора. Русскоязычный перевод кажется тяжелым и пафосным, многословно-повествовательным. Последовательно прослеживается привязанность текстов к определенным формальным требованиям. Г. Ояру непросто даются конструирование «крупных» поэтических форм, последовательно-связанное развертывание концептуальных сюжетов.

Заключение

Геннадий Сабанцев-Ояр — один из наиболее показательных современных марийских авторов — поэт умеренных «художественных температур». Характеристической чертой его поэзии можно считать традиционно-предсказуемый выбор тем, контекстов для лирического осмысления в 1990–2010-е гг. — жизнь

⁴⁴ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 106.

⁴⁵ Там же. С. 154–185.

⁴⁶ Там же. С. 141–153.

человека и природы, жизнь / смерть любви, ощущение времени и своего / чужого пространства, осознание собственной этнической идентичности, представление сложного отношения к отдельным историческим событиям и современности в целом. Следует подчеркнуть, что Г. Ояру повезло с переводчиками — Г. Смирнов, М. Василевская перенесли на русский язык без существенных искажений элементы авторской поэтики, основные особенности содержательной стороны стихотворений.

Рассмотренные в статье художественные особенности поэзии Ояра в значительной степени отражают стратегию развития современной марийской литературы. Полученные в ходе анализа выводы могут быть интересны в стадиально-типологическом аспекте, привлечены в ходе системного сравнительно-сопоставительного исследования разнородных национальных литератур.

Одно из возможных направлений качественного развития творчества Г. Ояра — обращение к фольклору и мифологии мари, усиление художественной роли «этнопоэтических констант» [12].

Список литературы

1. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллективная монография / Р.А. Кудрявцева, Н.Н. Старыгина, Н.И. Любимов и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2022. 181 с.
2. Арзамазов А.А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты : опыт компаративного прочтения. Казань : Издательство АН РТ, 2022. 316 с.
3. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе. Москва : Юрайт, 2022. 109 с.
4. Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М.И. Ибрагимов, сост.: В.Р. Аминева, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань : Изд-во Института языка, литературы и искусства, 2021. 576 с.
5. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллективная монография / Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2019. 353 с.
6. Налдеева О.И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры: монография. Саранск : Мордовский государственный педагогический институт, 2013. 285 с.
7. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. Москва : ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
8. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI вв.: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань : Татарское книжное издательство, 2018. 287 с.
9. Дампилова Л.С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск : Отгиск, 2016. 244 с.
10. Бахтикреева У.М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. Москва : Триада, 2005. 192 с.
11. Манаева-Чеснокова С.П. Художественный мир современной марийской поэзии: монография. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2004. 188 с.
12. Гацак В.М. Фольклор память традиции: уровни и формы этнопоэтической константности // Вестник Дагестанского научного центра. 2000. № 8. С. 95–103.

References

1. Kudryavtseva, R.A., Starygina, N.N., Lyubimov, N.I. et al. 2022. *Modern Mari lyrics: artistic models of the world and the poetics of creative individuality*: collective monograph. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ.)
2. Arzamazov, A.A., 2022. *Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience*. Kazan: Izdatel'stvo Akademii nauk Tatarstana publ. Print. (In Russ.)
3. Shafranskaya, E.F., and G.T. Garipova. 2022. *Local texts in Russian literature*. Moscow: Yurait publ. Print. (In Russ.)
4. Safiullin, Ya.G. 2021. *From romanticism to comparison of literatures*. Kazan: Izdatel'stvo Instituta yazyka, literatury i iskusstva publ. Print. (In Russ.)
5. Kudryavtseva, R.A., Belyaeva, T.N., Shkalina, G.E. et al. 2019. *Axiological paradigm of Mari literature of the 20th–21st centuries*: collective monograph. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ.)
6. Naldeeva, O.I. 2013. *Modern Mordovian poetry: main trends and artistic guidelines*: monograph. Saransk: Mordovckii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute publ. Print. (In Russ.)
7. Sultanov, K.K. 2019. *Angle of refraction. Literature and identity: the communicative aspect*. Moscow: IMLI RAS publ. Print. (In Russ.)
8. Zagidullina, D.F. 2018. *Tatar poetry and prose at the turn of the XXth–XXIst centuries: aesthetic guidelines and artistic searches*: monograph. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.)
9. Dampilova, L.S. 2016. *Spiritual and cultural codes in the poetry of the Mongolian peoples*. Irkutsk: Ottisk publ. Print. (In Russ.)
10. Bakhtikireeva, U.M. 2005. *Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and features of his Russian literary text*. Moscow: Triada publ. Print. (In Russ.)
11. Manaeva-Chesnokova, S.P. 2004. *The artistic world of modern Mari poetry*: monograph. Yoshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii publ. Print. (In Russ.)
12. Gatsak, V.M. 2000. "Folklore memory of tradition: Levels and forms of ethnopoetic constancy." *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*, no. 8, pp. 95–103. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр Российской академии наук, Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31; профессор кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой дидактики, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7577-5917. eLibrary SPIN-код: 9789-1083. E-mail: arzami@rambler.ru

Bio note:

Aleksey A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2/31 Lobachevsky St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor of the Department of Russian Studies, Ethnic-Oriented Pedagogy and Digital Didactics, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7577-5917. SPIN-code: 9789-1083. E-mail: arzami@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-700-707

EDN: ETBEBZ

Научная статья / Research article

Современная проза Карелии на карельском, вепсском и финском языках

Н.В. Чикина^{ID}Карельский научный центр Российской академии наук, *Петрозаводск, Российская Федерация*✉ tchikina@krc.karelia.ru

Аннотация. Проанализирован литературный процесс в жанре прозы периода новой рубежности. Предметом исследования стали оригинальные рассказы, повести и романы, написанные на карельском, вепсском и финском языках. Цель статьи — выявить проблемные точки в современной прозе. Используются историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы. Определены общие черты национальных литератур Карелии. Национальные и культурные границы в современных художественных произведениях часто становятся темой автобиографических рассказов и повестей. Наблюдается явление билингвизма у карелов, пишущих на карельском и финском языках. У представителей всех трех национальных литератур есть этнические карелы, вепсы и финны, выбравшие языком творчества неродной (русский, финский) язык. В XXI в., в связи с усилившимися миграционными процессами, для писателей остается актуальным вопрос самоидентификации и классификации литературы Карелии. Ситуация в развитии крупных жанров в республике соответствует общероссийской. Наблюдается кризис в данной области.

Ключевые слова: проза, литература Карелии, карельский язык, вепсский язык, финский язык

История статьи: поступила в редакцию 12.07.2024; принята к печати 12.10.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 124022000077-1.

Для цитирования: *Чикина Н.В.* Современная проза Карелии на карельском, вепсском и финском языках // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 700–707. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-700-707>

Contemporary Prose of Karelia in Karelian, Veps, and Finnish

Natalia V. Chikina^{ORCID}

Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, *Petrozavodsk, Russian Federation*

✉ tchikina@krc.karelia.ru

Abstract. The paper analyzes the literary process in the prose genre in the times of the new border reality. The subject of the study is original stories, novellas, and novels written in Karelian, Veps, and Finnish. The aim is to spot vulnerabilities in the modern prose. The historical literary and comparative-contrastive methods were applied. Common features of Karelia's ethnic literatures were identified. Ethnic and cultural boundaries often become the topic of autobiographic stories and novellas in modern fiction. Bilingualism is observed among Karelians, who write in Karelian and Finnish. There are ethnic Karelians, Veps, and Finns in each of the three ethnic literatures who chose to write in a non-native (Russian, Finnish) language. As migration processes intensified in the 21st century, the issue of self-identity and classification of the literature of Karelia remained topical for writers. The situation with the development of large genres in the republic corresponds to pan-Russian trends. There is a crisis in this sphere.

Key words: prose, literature of Karelia, Karelian language, Veps language, Finnish language

Article history: received 12.07.2024; accepted 12.10.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding: the study was financed from the federal budget under state assignment to KarRC RAS № 124022000077-1.

For citation: Chikina, N.V. 2024. "Contemporary Prose of Karelia in Karelian, Veps, and Finnish." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 700–707. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-700-707>

Введение

Литература Карелии обширна. Она может похвастаться прозой на четырех языках, чего нет в других регионах. У каждой из литератур есть свой потенциал, однако он выражен в разных пропорциях. Перспективы литературы любой местности зависят от притока молодых кадров, который сейчас, к сожалению, минимальный. Это результат отчасти снижения интереса к литературе в целом, отсутствие отдельных талантов, недостаточное владение языком. Именно от притока молодых писателей зависит будущее литератур, связанное с появлением новых тем (сейчас это в основном деревенская и историческая тематика, размышления о языке и судьбе карельского народа) и развитием жанров.

Исследованию современной национальной литературы Карелии посвящены работы Н.Г. Зайцевой [1], М.В. Казаковой [2], Р.П. Коломайнена [3] и др. О проблемах адаптации в другой стране, связанной с преодолением национальных и культурных границ, в современных художественных произведениях писали Й. Нюман [4], Т. Курки [5], Т. Музэус [6]. Так, исследователь Й. Нюман проанализировал роман китайского мигранта Тао Лин "Suomen taivaan alla" («Под финским небом», Турку, 2008), сопоставив его с романом карельского

мигранта А. Пертту «Скумбрия». Т. Курки рассмотрела два романа А. Пертту «Петрозаводский симпозиум» и «Боль» с точки зрения травматического опыта, полученного героями при переходе границы, как реальной, так и символической [7].

На парадоксальную природу границы, когда минимальное физическое расстояние оказывается большой культурной дистанцией между нациями или когда исконные земли просто оказались территориально разделены государственной границей между разными странами, указывала Е.С. Пургина, рассматривая два типа этих событий в нарративах о пересечении границ на материалах современных травелогов Э. Фэтленда «The Border» («Граница», 2021) и С.Э. Гриста «All the Agents and Saints: Dispatches from the U.S. Borderlands» («Все агенты и святые: истории американского пограничья», 2017) [8].

Результаты и обсуждение

В настоящее время проза Карелии развивается на карельском, финском и вепсском языках. Самую продолжительную историю имеет финноязычная литература, становление которой началось в 1920-е гг. с момента создания республики. Ее становление связано с усилиями двух регионов — тогда Карельской АССР и Ленинградской области. Если в развитии прозы ингерманландские финны сыграли значительную роль, то вклад финнов-эмигрантов из Финляндии, США и Канады можно назвать ведущим. Они использовали художественный опыт западной литературы с традициями европейского реализма и пролетарской литературы в условиях новой социальной и национальной обстановки. В 1950–1980-е гг. к ним присоединились карелы, писавшие на финском языке.

Конец XX — начала XXI в. ознаменовался ростом национального самосознания и всплеском в развитии карелоязычной литературы. Именно в эти годы писатели-карелы вновь обратились к прозе, которая в своем развитии заметно отстает от поэзии. За короткий промежуток времени (1990–2016 гг.) удалось не только возобновить этот жанр, но и развить его до романа. Среди прозаиков следует назвать Александра Волкова, Николая Зайцева, Ольгу Мишину, Петра Семенова. Все перечисленные выше писатели, так же как и Наталья Синицкая, Валентина Кондратьева, пишут на ливвиковском наречии карельского языка. Проза на людиковском и собственно карельском наречии представлена единичными произведениями в основном биографического характера и по фольклорным мотивам.

Поскольку в сознании писателей право карельского народа на национально-культурную преемственность занимало главное место, то и в созданных ими произведениях на первый план выходил национальный характер с его внутренним состоянием и вытекающим отсюда образом взаимоотношений с миром. Свидетельством этого являются рассказы и повесть в новеллах

“Nast’a” («Настя», 1993) О. Мишиной, роман П. Семенова “Puhtasjärven Maša” («Маша из Пухтасъярви», 2004), рассказы и повесть “Katkattu oza” («Сломанная судьба», 2014) Н. Зайцева.

Роман «Маша из Пухтасъярви» П. Семенова посвящен крестной автора — Евдокии Ивановне, судьба которой, судя по всему, легла в основу истории жизни главной героини. История индивидуальной судьбы Маши прослеживается с детства до последних дней ее жизни. Исследование женской судьбы в романе способствует раскрытию нравственной красоты, отличающейся высокой человечностью и силой духа.

Известной объективной закономерностью, свойственной младописьменным литературам, стало непосредственное обращение к фактам жизни, стремление к документальному воспроизведению событий. Такой присущий прозе на карельском языке «очерковый реализм» выступает в качестве эстетической доминанты в книгах П. Семенова *Ruadajat* («Труженики», 1998), О. Мишиной *Marin kukku* («Цветок Марии», 2003), Н. Зайцева *Omat ikkunat* («Родные окна», 2009), В. Кондратьевой *Ozan tiešuarat* («Перекрестки судьбы», 2018).

Автобиографические и хроникальные повествования занимают основное место в творчестве прозаиков рубежа XX–XXI вв. Стремление осмыслить события собственной жизни характерно для повести в новеллах «Настя» О. Мишиной. В отличие от мемуаров автор сосредоточивает свое внимание на становлении истории своей души и не опасается прибегнуть к вымыслу, чтобы читатель получил художественно яркое представление об ушедшем «советском» времени. В центре повести в новеллах «Настя» — не просто традиционное для классических автобиографий описание, а решение определенных философских, социальных и психологических проблем.

Прозаическое творчество Н. Зайцева и В. Кондратьевой в основном сосредоточилось на жанре классического рассказа. Именно отношение к месту является центральным в выборе субъекта, повествующего о нем. Авторы показывают различную степень повествования и близость к краю, но демонстрируют проблемы регионального сознания в разные временные периоды и с разных ракурсов.

Проза на карельском языке конца XX и начала XXI в. свидетельствовала о постепенно углублявшемся идейно-эмоциональном осмыслении общественно-исторических характеров, стремлении литературы охватить значительные социальные пласты национальной жизни.

Вепская литература Карелии создается усилиями трех регионов: Республикой Карелия, Ленинградской и Вологодской областями. Большинство авторов-вепсов родились в Ленинградской и Вологодской области, но нашли в Карелии не только свою вторую родину, но и возможность реализоваться творчески.

Новейшая история развития прозы на вепском языке насчитывает 30 лет. Однако в жанровом отношении она заметно отстает от поэзии, хотя и имеет

произведение крупного объема — роман Игоря Бродского *Kalarand* («Каларанд», 2002), действия которого происходят в курортном местечке под названием «Каларанд», что в переводе с вепсского языка означает — «рыбный берег». Местом встреч горожан становится дом инженера, в котором за обедом и ужином встречаются люди разных профессий, увлечений и характеров. Герои романа — городские жители — не только говорят по-вепски, но и носят вепские имена: Окся, Микой, Семой, Кирой.

Как и во всей вепсской литературе, в прозе ощущается нехватка авторов. Ряд писателей работают одновременно в жанре поэзии и прозы. Также большой пласт составляет переводная литература. Среди авторов, предпринимающих попытки писать прозу, следует назвать Валентину Лебедеву, Нину Зайцеву и Ольгу Жукову.

Развитие прозы на вепском языке происходило неравномерно. В первой половине XX в. она в основном была переводной, затем развивалась на русском языке и лишь к концу столетия получила возможность издаваться на родном языке. Вепская проза строится на основе принципов документальности, историзма, автобиографизма и коммеморативности [9].

В XXI в. финноязычная проза Карелии создается усилиями двух регионов: в нашей республике и Финляндии. Если в первой половине XX в. наблюдался приток финского населения в СССР, то в конце столетия их потомки стали уезжать обратно, в том числе и литераторы.

В Финляндии даже появился термин «пограничные классики», который в первую очередь относится к бывшим жителям Карелии, сумевшим завоевать свою писательскую нишу в другой стране. Термин «пограничные классики» как нельзя лучше подходит для описания состояния всех трех национальных литератур Карелии, к ним можно отнести, например, Р. Лардот у вепсов, А. Пертту — карела, пишущего по-фински, а также литературу на карельском языке, развивающуюся в Финляндии. Современное литературоведение учитывает этот тесно связанный с миграцией писателей аспект.

Исследователи К. Челлино и Й. Домокош предлагают классификацию авторов в зависимости от места их происхождения. Согласно этой классификации, например, творчество А. Пертту относится к четвертой группе, в которую входят три подгруппы:

1) авторы, которые мигрировали за пределы Финляндии (например, Арья Ууситало и Сусанна Алакоски уехали в Швецию);

2) авторы, которые представляют финские национальные меньшинства, такие как Меянкиели в Швеции (Бенгт Похьянен, Микко Ниemi) и Квены в Норвегии (Агнес Эриксен);

3) финские авторы-репатрианты Балтии (Раиса Лардот, Тойво Ряннели, Арви Пертту и др.).

«Гротесковые, гиперактивные и сюрреалистические начала Пертту пробуждают в читателях смешанные чувства и удивление, влияя на представления

о приграничье, травмирующие события, обращенные к формированию коллективной памяти», — писала Т. Курки [10. С. 58].

Судьба родного края, забота о его будущем нашла отражение и в романе Я. Ругоева *Metsällä korvat järvellä silmät* («Лес слышит, озера видят», 2009), вышедшем в серии *Karjalan kirjallisuuden klassikot* («Классики карельской литературы»), издаваемой фондом Juminkeko (Финляндия) и опубликованном уже после смерти прозаика. Впервые он был напечатан в журнале *Carelia* («Карелия») в 1991–1992 гг. под названием *Petri Pohjarannan myötāja vastoinkäymiset* («Успехи и неудачи Петри Похьяранта»).

Работа над рукописью продолжалась примерно двадцать лет. Это роман в новеллах о жизни северных карелов 1950–1960-х гг., которые стали жителями леспромхозовских поселков. Сам Ругоев так рассказывал об этом романе: «Здесь я раскрываю также молодежные проблемы — например, причины пьянства, — и пытаюсь объяснить корни возникновения таких негативных явлений, как деградация личности, отчуждение. Затронуты в романе и некоторые проблемы культурной жизни» [11. С. 186].

Несмотря на жизненные трудности героев произведения, на «всю правду», которую написал Ругоев, тем самым продолжая начатую тему в романе «Руокоранта — тростниковый берег», Северная Карелия показана чудесным краем, в котором все друг другу родственники, кому ближние, кому дальние. Как отмечал Р.П. Коломайнен, «в целом роман Ругоева предстает как завершение современной карельской эпики и подводит итог национальной жизни карелов в последние десятилетия советской истории» [12. С. 109].

Детская проза на финском языке представлена рассказами М. Мазаева, П. Пертту, К. Корвела, Т. Викстрем, сказками И. Вейкколайнен. Из всех перечисленных авторов продолжает трудиться только И. Вейкколайнен.

Заключение

У младописьменных литератур Карелии за современный (тридцатилетний) период появились произведения крупных жанров: романы (П. Семенов, И. Бродский), повести (О. Мишина, Н. Зайцев, В. Кондратьева). Встречаются произведения, созданные представителями этносов на русском языке, например, у карелов это Эйно Тимонен, Пауши Лемну (наст. имя Павел Ряскин), у вепсов — О. Мошников и Н. Силакова, у финнов — Р. Мустонен, С. Пронин.

Литература на карельском языке с момента ее зарождения и по настоящее время развивается в контексте деревенской прозы. Проблематика «город — деревня» художественно осмысливается во всех жанрах. В жанре рассказа и повести происходит художественное осознание современной действительности и переосмысление национальной истории. Тема женской судьбы стала актуальной с начала развития карелоязычной литературы в 1990-е гг. и остается

одной из самых востребованных. В национальной прозе появились произведения, где основополагающим является гендерный аспект.

Главной задачей прозаиков-вепсов конца XX — начала XXI в. стало создание предпосылок для становления художественной традиции и сохранение вепского языка. Финноязычная литература Карелии, занимавшая ведущие позиции в республике на протяжении всего XX в., в настоящее время становится, к сожалению, журнальной и переводной.

Региональная литературная ситуация в развитии крупных жанров на рубеже XX–XXI вв. соответствует общероссийской: наблюдается кризис в данной области. Основной художественный принцип изображения действительности — описательность. В повестях и рассказах XXI в. отчетливо проявляется тенденция поиска новых художественных возможностей отображения социальной и духовной жизни человека.

Список литературы

1. *Зайцева Н.Г.* Вепсская художественная словесность как стремление к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 433–441. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441>.
2. *Казакова М.В.* Билингвальная картина мира в творчестве А.И. Мишина (Олега Мишина — Армаса Хийри) (на примере авторского перевода) // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 1. С. 338–353.
3. *Kolomainen R.* Ei totuutta vailla värejä? // *Carelia*. 2014. No. 1. S. 92–96.
4. *Nyman J.* Borders, Borderscapes, and Border-Crossing Romances in Contemporary Migrant Writing in Finland by TaoLin and Arvi Perttu // *Journal of borderlands studies*. 2019. Vol. 34, no. 1. P. 105–120.
5. *Kurki T.* Rajan kirjailijat: Venäjän Karjalan suomenkieliset kirjailijat tilan ja identiteetin kirjoittajina. Helsinki: SKS, 2018.
6. *Musäus T.* Language and dialect use in Karelian literary texts of the 20th century up to today // *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum: Book of Abstracts*. Oulu: University of Oulu, 2015. P. 434–435.
7. *Kurki T.* Border Crossing Trauma Seen Through Hyper-Naturalist Prose and Surreal Forms of Narration // *Mobile culture studies*. 2018. Vol. 4. P. 39–56.
8. *Purgina E.* Two types of events in border crossing narratives of contemporary travelogues // *Philological Class*. 2022. Vol. 27. No. 2. P. 200–207.
9. *Чикина Н.В.* Этнологические мотивы и мифологические персонажи в вепской прозе // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2022. Вып. 4. С. 143–150. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-143-150>.
10. *Kurki T.* Rajan ylittäjän trauma hypernaturalistisessa proosassa ja surrealistisessa kerronnassa // *Mobile culture studies*. 2018. Vol. 4. P. 57–60.
11. *Виртаранта П.* Этюды о карельской культуре. Петрозаводск: Карелия, 1992.
12. *Kolomainen R.* Tinkimätön tilinteko Vienan Karjalan lähimenneisyydestä: toivekkuutta toivottomuuden keskellä // *Carelia*. 1993. No 8. S. 104–109.

References

1. Zaytseva, N.G. 2021. “Vepsian Literature as an Aspiration to the Revival of the People (“Up the Stairs Leading Down?”).” *Polylinguality and transcultural Practices*, vol. 18(4), pp. 433–441. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441>. Print. (In Russ.).

2. Kazakova, M.V. 2021. “Bilingual worldview in the poetry of Oleg Mišin — Armas Hiiri: the study of self-translation.” *Studia Litterarum*, vol. 6(1), pp. 338–353. Print. (In Russ.).
3. Kolomainen, R. 2014. “Ei totuutta vailla värejä?” *Carelia*, vol. 1, pp. 92–96. Print. (In Finn.).
4. Nyman, I. 2019. “Borders, Borderscapes, and Border-Crossing Romances in Contemporary Migrant Writing in Finland by TaoLin and Arvi Perttu.” *Journal of borderlands studies*, vol. 34 (1), pp. 105–120. Print.
5. Kurki, T. 2018. *Rajan kirjailijat: Venäjän Karjalan suomenkieliset kirjailijat tilan ja identiteetin kirjoittajina*. Helsinki: SKS. Print. (In Finn.).
6. Musäus, T. 2015. “Language and dialect use in Karelian literary texts of the 20th century up to today”. *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum: Book of Abstracts*. Oulu: University of Oulu, pp. 152–153. Print.
7. Kurki, T. 2018. “Border Crossing Trauma Seen Through Hyper-Naturalist Prose and Surreal Forms of Narration.” *Mobile culture studies*, vol. 4, pp. 39–56. Print.
8. Purgina, E. 2022. “Two types of events in border crossing narratives of contemporary travelogues.” *Philological Class*, vol. 27 (2), pp. 200–207. Print.
9. Chikina, N.V. 2022. “Ethnological tropes and mythological figures in Veps prose.” *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, vol. 4, pp. 143–150. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-143-150>. Print. (In Russ.)
10. Kurki, T. 2018. “Rajan ylittäjän trauma hypernaturalistisessa proosassa ja surrealistisessa kerronnassa”. *Mobile culture studies*, vol. 4, pp. 57–60. Print. (In Finn.)
11. Virtaranta, P. 1992. *Sketches of Karelian culture*. Petrozavodsk: Karelia. Print. (In Russ.)
12. Kolomainen, R. 1993. “Tinkimätön tilinteko Vienan Karjalan lähimenneisyydestä: toivekkuutta toivottomuuden keskellä.” *Carelia*, vol. 8, pp. 104–109. Print. (In Finn.)

Сведения об авторе:

Чикина Наталья Валерьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11. ORCID: 0000-0001-5419-3758. E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Bio note:

Natalia V. Chikina is a Candidate of Philological Sciences, Senior Research at the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of Russian Academy of Science, 11 Pushkinskaya St, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5419-3758. E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-708-719

EDN: EYIGOP

Научная статья / Research article

Современная британская проза: мотив свободы выбора в романе Элиф Шафак «10 минут 38 секунд в этом странном мире»

Л.Н. Юзмухаметова^{id}

Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация

✉ land_yz@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные тенденции в современном британском мультикультурном романе. Тема раскрывается на примере творчества известной британско-турецкой писательницы, феминистки, правозащитницы и активного гражданского деятеля Элиф Шафак. Ее англоязычный роман «10 минут 38 секунд в этом странном мире», взятый нами за основу литературоведческого анализа, является одним из самых знаковых текстов в современной британской литературе последнего десятилетия. Цель исследования — изучение тематического разнообразия и проблематики текста. В романе затрагиваются традиционные для данного автора темы, в частности права женщин, свобода слова, права различного рода меньшинств (ЛГБТ — движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории РФ), сложные взаимоотношения Востока и Запада, Стамбул как город притяжения для многих народов, отношение к власти, историческому прошлому, традициям и религии. Текст, написанный в постмодернистском духе, поднимает философские проблемы смерти, веры в человека, спасительной силы дружбы. Утверждается идея о том, что при всем различии культурных, этнических, религиозных, половых особенностей, люди по сути своей очень похожи, базовые, духовные скрижали едины, а свобода выбора — одна из базовых ценностей современной цивилизации. Актуальность работы определяется изучением творчества Элиф Шафак именно в контексте британской литературы и с фокусом вклада данного автора в историю современного британского романа.

Ключевые слова: Шафак Элиф, мультикультурный британский роман, феминизм, Восток/Запад, современная зарубежная проза, эмиграция

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Юзмухаметова Л.Н. Современная британская проза: мотив свободы выбора в романе Элиф Шафак «10 минут 38 секунд в этом странном мире» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 708–719. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-708-719>

© Юзмухаметова Л.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Contemporary British Prose: the Motif of Choice in Elif Shafak’s Novel “10 Minutes 38 Seconds in This Strange World”

Landysh N. Yuzmukhametova

Kazan Federal University, *Kazan, Russian Federation*

✉ land_yz@mail.ru

Abstract. This study examines current trends in contemporary British multicultural romance. The topic is revealed on the example of the work of the famous British-Turkish writer, feminist, human rights activist and active civic figure Elif Shafak. Her English-language novel “10 Minutes 38 Seconds in This Strange World”, which we have taken as a basis for literary analysis, is one of the most interesting texts in contemporary British literature of the last decade. The purpose of this study is to explore the thematic diversity and issues of the text. The novel touches on topics traditional for this author as women’s rights, freedom of speech, the right of various kinds of minorities (LGBT — movement whose activities are recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation), the complex relationship between East and West, Istanbul as a city of attraction for many peoples, attitude to power, historical past, traditions and religion. The text, written in a postmodern spirit, raises the philosophical problems of death, faith in man, the saving power of friendship. It is argued that for all the difference in cultural, ethnic, religious, sexual characteristics, people are essentially very similar, basic, spiritual tablets are one, and freedom of choice is one of the most basic values of modern civilization. The relevance of the work is determined by the study of the work of Elif Shafak precisely in the context of British literature and with the focus of the contribution of this author to the history of the contemporary British novel.

Key words: Shafak Elif, a multicultural British novel, feminism, East/West; modern foreign prose, emigration

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Yuzmukhametova, L.N. 2024. “The Contemporary British Prose: the Motif of Choice in Elif Shafak’s Novel “10 Minutes 38 Seconds in This Strange World”.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 708–719. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-708-719>

Введение

Британская литература имеет богатое наследие, свой путь развития, историю и неповторимое лицо. Исследователями определяются ее национальные особенности начиная со Средневековья, однако со сложными глобализационными, миграционными процессами современности и доминирующей ролью английского языка в мире происходит смена формы и содержания британской словесности. Ученые констатируют «интернационализацию понятия «английская литература», свидетельством чему становится появление крупных произведений писателей-мигрантов с Востока, из Африки, из Юго-Восточной Азии, которые, будучи по языку и проблематике английскими писателями, одновременно являются носителями своих национальных восточных культур» [1].

Элиф Шафак — одна из самых плодотворных современных писателей современности, пишущих на английском и турецком языках. Ее произведения переведены более чем на 50 языков мира, в последние годы все ее знаковые романы были написаны на английском языке, тем самым сделав этого автора одной из значимых фигур, определяющих историю и развитие современной британской и мировой литературы. Автор — обладатель весомого количества международных наград за литературное творчество, в 2019 г. ее роман «10 минут и 38 секунд в этом странном мире» вошел в шорт-листы престижных премий в области английской словесности Букер и Ондатже, а также был признан книгой года книжной компанией Blackwell.

Роман повествует о судьбе стамбульской девушки легкого поведения Лейлы Текилы, родившейся в патриархальной семье в турецком городе Ван. События разворачиваются с 1940-х по 1990-е гг. в Турции. Отец Лейлы Афифы Камилы из-за бесплодности своей первой жены берет замуж второй женой молодую 19-летнюю девушку Бинназ из очень бедной семьи, после рождения долгожданного ребенка первую жену Сюзан объявляют матерью Лейлы, а Бинназ достается только роль тети, прислуги и, возможно, матери следующих детей. Однако Бинназ больше не смогла иметь детей, единственный сын, родившийся после Лейлы, оказывается с синдромом Дауна и вскоре умирает. Глава семейства (имя его Харун) от ударов судьбы утешение находит в религии, становится последователем суфийского ордена (тарикат), однако «несмотря на то, что тарикат корнями уходил в освященный веками суфизм и мистические учения о любви, мире и самоуничижении, в наши дни он стал средоточием жестокости, фанатизма и высокомерия»¹, таким образом, семья оказывается под управлением человека, который вскоре запрещает дочери ходить в школу, слушать музыку, танцевать, представителям женского пола своей семьи — выходить из дому, а во время появлений на улице заставляет надеть хиджаб². Между тем в семье систематически происходят события, противоречащие истинному исламу. Так, например, замуж Бинназ берут только по религиозному обычаю (это значит, что женщина юридически не защищена, потому что Турция — светское государство), а Лейла с 6-летнего возраста подвергается сексуальному насилию со стороны родного дяди. Семье Лейлы противопоставляется семья ее школьного друга Синана Саботажа, мать которого — прогрессивная женщина, врач по образованию, — всячески пытается бороться с невежеством окружающих ее людей. Синан становится лучом света в жизни Лейлы, полной ограничений, старомодных установок и фанатичных догм. В возрасте 16 лет, в день смерти своего брата, Лейла сбегает в Стамбул в поисках счастья и попадает на работу в бордель. К слову, публичные дома существовали в Тур-

¹ Шафак Э. 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 33.

² Там же. С. 124.

ции со времен Османской империи, несмотря на то, что тогда страна жила по строгим законам шариата. Об этом втихаря (дабы не сказать лишнего при ультранационально настроенных клиентах) любит рассказывать хозяйка борделя, в котором работает Лейла.

Стамбул — любимая тема в романах Элиф Шафак. В данном тексте о нем говорится как о городе иллюзии и неудавшемся трюке фокусника. Автор утверждает, что «Стамбул — мечта, существующая лишь в умах поглотителей гашиша. На самом же деле одного Стамбула не существует. Стамбулов много — борющийся, соперничающий, конфликтующий, — и каждый из них понимает, что в итоге выживет лишь один»³. Здесь главная героиня встречает своего будущего мужа — политически подкованного революционера-коммуниста Али, с которым ей предстоит прожить недолгую, но счастливую жизнь, в эти же годы в Стамбуле Лейла встречает своих верных друзей — таких же обиженных судьбой людей: трансгендерную* женщину Налан Ностальгию, уборщицу борделя, инвалида Зейнаб-122, певицу из ночного клуба, сбежавшую от мужа тирана Хюмейру Голливуд, коллегу-проститутку Джамилю и вновь своего старого товарища Синана Саботажа. В этом же беспощадном городе Лейла находит и свою смерть от рук бандитов, которые убивали по заказу отчаявшегося богача-отца всех посланных к сыну-гомосексуалисту* проституток в надежде вылечить его от нелюбви к женщинам. Западные исследователи рассматриваемого нами романа отмечают, что «роман, фокусируясь на маргинализированных секс-работниках Стамбула, которые приехали из разных регионов и стран, обличает отношения между историей, политикой, сексуальностью и моральными стандартами. Именно в Стамбуле мужчина и его бизнес-партнер женщина продают тело Лейлы мужчинам разных возрастов и происхождения. Лейла была воспитана в семье под сильным влиянием ислама, где мужчины имели патриархальный контроль над женщинами. Именно жестокое обращение и сексуальное насилие, которым подверглась Лейла дома, заставили ее переехать в такой город, как Стамбул» [2. С. 45].

Обсуждение

В романе особое внимание уделяется теме секс-меньшинств, трансгендеров, гомосексуалов*. Их проблемы, тяжелые испытания, которые они встречают на пути своего личностного становления, борьбы за свободную открытую жизнь становятся одними из центральных в тексте. Герой романа трансгендер* Налан знакомится с Лейлой еще до своего транс-перехода и представляется именем «Никто». Исследователи отмечают, что «имя „Никто“ само по себе критично отвечает на общую публичную и государственную реакцию на

³ Шафак Э. 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 273.

* ЛГБТ — движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

человека трансгендера*» (перевод с английского наш) [2. Р. 47]. Из уст мужа Лейлы Д/Али звучит ключевая идея о неоднозначности понятия «естественный» в контексте понимания людьми естества «матери природы»: «Если рассказать им, что улитки, черви и черноморский окунь — гермафродиты, самцы морского конька могут рожать, рыба-клоун в середине жизни из самца превращается в самку, а самец-каракатица на самом деле трансвестит, они страшно удивятся. Тот, кто изучал природу, дважды подумает, прежде чем назвать что-то естественным»⁴. Известно, что в 2017 г. Элиф Шафак и сама объявила себя бисексуальной*. Данная тема тесно переплетается с темой защиты прав человека, а также идет в параллели с проблемой незащищенности законом безопасности работниц секс-индустрии в Турции 1970–1980-х гг.

Элиф Шафак в своих текстах много говорит о женщинах, в частности о проблемах и вызовах, с которыми встречается восточная женщина. В современной британской литературе феминистская повестка затрагивается нередко и есть ряд исследовательских работ по этой проблеме [3]. Однако в анализируемом нами романе в центре внимания женщина с восточными корнями, и это тема отдельного разговора. В самом начале книги автор смело заявляет о том, что роман «посвящается женщинам Стамбула и самому Стамбулу, который всегда был и остается городом женского рода»⁵. Женщины в романе испытывают ужасающую несправедливость, продиктованную консервативным неизменяемым патриархальным порядком в турецком обществе. В самом начале романа из уст повитухи звучит жестокая правда о женской доле и жизни полной слез: «О, она заплачет, эта девочка, — решительно возразила повитуха, но тут же прикусила язык: это заявление прозвучало как темное предсказание»⁶.

В разных сюжетных перипетиях тем или иным образом упоминаются различные виды насилия, через которые проходит турецкая женщина. Это классическая история проверки на девственность молодой невесты (описание первой брачной ночи Бинназ и Харуна), размышления испуганной чередой выкидышей Бинназ о незавидной судьбе разведенных женщин, которая может ее ожидать в случае, если она не сможет родить («да и кто вообще захочет взять в жены разведенную, использованную женщину?»⁷), потребительское отношение к женщине («после, когда они все-таки остались вдвоем, Харун подарил ей ожерелье, сделанное из красной ленты и трех золотых монет — каждая обозначала добродетель, которую она должна принести в этот дом: молодость, покорность и плодовитость»⁸), браки по договоренности на примере попытки

* ЛГБТ — движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁴ Шафак Э. 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 198.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Там же. С.42.

Харуна устроить помолвку Лейлы с еще маленьким племянником, дабы сохранить честь дочери, так называемые убийства чести, которым подвергались женщины, провинившиеся в различного рода непослушаниях, непокорности, побеге из семьи мужа («в Батмане, неподалеку от места ее [Хюмейры] рождения, самоубийство было главной причиной смерти среди молодых женщин»⁹, шокирующий факт о том, что только в 1990 г. в Турции вышел закон об «отмене конституционного требования для замужних женщин получать разрешение мужа на работу вне дома»¹⁰, утверждение о том, что честь, некая мораль выше по своей ценности человеческой жизни и, в особенности, — женской («разумеется, редакторы могли бы выбрать снимок посвежее, пусть даже фото из архивов полиции, однако они опасались, что обильный макияж Лейлы, а также очевидная ложбинка между грудями могут оскорбить чувства нации»¹¹). Исследователь творчества Элиф Шафак Д.В. Софронова отмечает, что в текстах автора «насилие совершается во имя соблюдения норм мусульманской морали, принудительным образом члены клана, поведение которых выпадает из общепринятых представлений, им подчиняются» [4]. Ссылаясь на работу американского философа и теоретика литературы Гаятри Чакраворти Спивак «Может ли субалтерн говорить?», литературоведы отмечают, что «Элиф Шафак закрепляет мысль о том, что женщины маргинализированы и подчинены в обществе, имеющем патриархальную основу. Они не могут, как утверждает Спивак, говорить или иметь разрешение говорить. Если бы они попытались восстать против властных патриархальных кодов, им бы пришлось встретиться с такой судьбой, как у Лейлы (перевод с англ. наш)» [5. С. 490].

По мнению автора, недостаточная доступность женского образования, что приводит к катастрофическим последствиям в судьбах девушек на примере Бинназ, становится основной фундаментальной трагедией восточной женщины. Однако важен тот факт, что героини романа сами понимают важность образования, стремятся получить его, но часто встречаются на этом пути с мужским эгоизмом, прикрытым религиозным фанатизмом, неприятием этой необходимости: «„Разве ты не знаешь, что на седьмом небе есть огромная школа с сотней классов?“ — Лейла улыбнулась. Для тети, которая постоянно сожалела, что так и не получила школьного образования, рай, видимо, выглядел именно так»¹²; «когда Лейла только родилась, повитуха закинула ее пуповину на крышу школы, чтобы девочка стала учительницей, однако баба не слишком бы хотел для нее такой судьбы»¹³.

Именно недостаток образования делает женщину зависимой от мужчины, религиозных, феодально-общинных обычаев, устоев, как результат — и жертвой

⁹ Шафак Э. 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 220.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 112.

¹³ Там же. С. 60.

домашнего насилия («Жизнь с семьей мужа сломила Хюмейру. Ежедневно, дни напролет, с ней обращались как с прислугой — с безымянной прислугой: „Жена, принеси чая. Жена, иди свари рис. Жена, постирай белье“. Ее все время куда-то посылали, не давали побыть на одном месте, и у нее складывалось странное ощущение, что они стремятся оставить ее при себе, но при этом хотят, чтобы она исчезла. Хюмейра могла бы стерпеть все это, если бы не побои...»¹⁴). Однако в обществе, где женщины подвергаются уничижительному отношению к себе, господствуют тоталитаризм и безусловное повиновение авторитету на всех уровнях. Эпизод в пекарне, описывающий общение официанта и авторитарного дяди героини, раскрывает эту проблему в ярчайших красках: «Пока он разливал чай по чашкам, Лейла заметила, что кровь отлила от лица мужчины — настолько усталым он казался. Усталым, но при этом до отвращения покорным. Именно в этот момент в его поведении Лейла распознала такое знакомое чувство беспомощности, безоговорочную покорность перед властью и авторитетом дяди, в которых, больше, чем кого-либо, можно было уличить именно ее»¹⁵.

Этим безропотным восточным женщинам и людям в целом противопоставляется непокорная, вышедшая против системы Лейла, которая отважилась сказать при дяде в пекарне «Я хочу чаю!»¹⁶, отказывалась носить платок на голове, осветляла волосы и брови, а потом и вовсе убежала из дома в Стамбул («Спустя многие годы Лейла станет ненавидеть этот свой жест — безоговорочное послушание возрасту и авторитету»¹⁷). Автор устами своего героя Налана говорит о том, что «религия — равно как и власть, деньги, идеология и политика — действует точно клубочок. Все суеверия, пророчества и веры словно лишают человека зрения, держат его под контролем, а в глубине души настолько сильно ослабляют его самооценку, что он начинает бояться всего, буквально всего»¹⁸. Лейла меняет экзотичное восточное написание своего имени через букву [э] на более естественное западное написание через букву [е], тем самым автор показывает стремление главной героини к свободе, независимости, демократичным ценностям, которых так не хватает Востоку. Символичен в тексте эпизод с описанием нарисованного мелом магического круга, который заточает езидского старика и делает его неподвижным, пока кто-нибудь не сотрет часть круга. Свидетелями этого зрелища становятся 10-летняя Лейла и ее мама Сюзан. В противовес этому кругу Лейла ставит увиденную в журнале «Хаят» американскую модель, которая крутит хулахуп на своей тонкой талии. Однако заполучившей в качестве подарка от своего друга Синана такую же игрушку Лейле не

¹⁴ *Шафак Э.* 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 218.

¹⁵ Там же. С. 134.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Там же. С. 355.

разрешается его крутить. Таким образом, «круг — фигура, обозначавшая заточение для старого езида и свободу для американской модели, — стал печальным символом для девочки из восточного города»¹⁹.

Автор восхищенно продвигает западные ценности, во главе которых — верховенство закона, свобода слова, равенство, защита прав меньшинств*, поддержка инвалидов (у брата Лейлы дауна Таркана в Турции не было возможности хоть малейшей социализации), демократия, однако наряду с этим и не идеализирует западную культуру. Так, живя и работая в Германии, отец Д/Али мечтает, «когда им удастся скопить достаточно денег и закончить все дела в этой холодной и высокомерной стране, они снимутся и уедут» и «по вечерам они будут слушать гул долины и редкий крик голубя, и им больше не придется носить мягкие тапочки и говорить вполголоса»²⁰. Так в тексте появляется экзистенциальная тема потери родины и жизни на чужой земле, сложности эмиграции и невозможности полностью стать своим за границей, а при возвращении на свою землю — вновь обрести ту самую родину. С.П. Толкачев при анализе мультикультурной литературы отмечает, что «даже если дело касается людей, рожденных в пространстве миграции, сюжеты строятся на основе опыта перемещения, отчуждения, боли, потери сокровенного духовного наследия, но, вероятно, в конечном счете — и обретения надежды» [6]. Проблема несчастных иммигрантов затрагивается и при перечислении захороненных на кладбище Кимсэсизлер-Мезарлыи, среди которых были погибшие нелегальные мигранты, представители ближневосточных народов, чьи лодки опрокинулись на пути в Европу через Средиземное море. Конфликт культур, метафизических основ Востока и Запада подтверждает статистика соединяющего Европу с Азией моста через Босфор, который становится местом самого высокого количества самоубийств. При этом в романе при резком противопоставлении западных и восточных ценностей присутствует утверждение о том, что, по сути, люди разных культур очень похожи, что дает надежду на цивилизованное сосуществование людей на планете. В эпизоде, когда африканка Джамиля поет колыбельную на своем родном языке, турки Налан и Синан, ливанка Зейнаб-122 ощущают тепло этой песни, потому что «в разных культурах появляются похожие обычаи и мелодии, и это до странности обнадеживает, как и тот факт, что во всем мире в моменте тягот мы покачиваем в объятиях дорогих нам людей»²¹.

Философская категория смерти в тексте тесно переплетается с другими темами. Автор выносит эту тему в эпиграф романа: «И снова он немного

¹⁹ *Шафак Э.* 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 145.

* ЛГБТ — движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

²⁰ *Шафак Э.* 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 93.

²¹ Там же. С. 394.

опередил меня — теперь в расставании с этим странным миром. Но это не важно. Для нас — тех, кто верит в физику, — разделение на прошлое, настоящее и будущее имеет значение лишь как общепризнанная и неискоренимая иллюзия (Альберт Эйнштейн о смерти своего ближайшего друга Мишеля Бессо)²². Роман начинается с описания смерти Лейлы и заканчивается описанием ее смерти. Автор рассуждает о том, что смерть не наступает сразу и, по некоторым исследованиям, мозг работает вплоть до 10 минут и 38 секунд после остановки сердца. Именно такое время отводится Лейле, чтобы вспомнить и воссоздать по крупицам свою жизнь. Особое место отводится в тексте кладбищу. Из уст Д/Али утверждается интересная мысль о том, «что в определенный исторический момент европейцам на ум пришла великолепная идея — отправлять мертвых на окраины городов... отделив смерть от повседневности, они сосредоточились на другом: сочиняли арии, изобретали гильотину и паровоз, колонизировали все остальные страны, перекраивали Ближний Восток... всё это и многое другое можно сделать, только вытеснив из сознания мысль о собственной бренности... В Стамбуле именно живые были временными жителями и непрошенными гостями — сегодня есть, а завтра нет: в глубине души все об этом знали... Именно поэтому проекты реновации ни к чему не приводили и инфраструктуру построить не удавалось, а коллективная память оказывалась не прочнее салфетки. К чему создавать будущее или возвращаться мыслями к прошлому, если мы постоянно скатываемся к размышлениям о конце. Устройство кладбищ и отношение к мертвым, как заключили Д/Али, — самая большая разница между двумя цивилизациями»²³. В Стамбуле есть отдельное кладбище для «обреченных», где хоронят суицидников, работников секс-индустрии, трансгендеров*, беженцев, бездомных и просто людей-чужаков, случайно умерших в Стамбуле. Тема своего и чужого в контексте темы смерти и кладбища вновь заявляет о себе.

В романе большое место уделяется возвеличиванию различного рода этических, морально-нравственных категорий. Среди них — спасительная сила настоящей дружбы на примере главных героев, а также веры в человека, умение хранить тайну. Так, тайна между Бинназ и Лейлой о том, что Лейла знает от самой Бинназ, кто ее настоящая мать и верит в это, а также вера Лейлы в хорошее предсказание Зейнаб-122 дает возможность автору порассуждать над такой ценностью, как вера в человека: «...верить кому-то — это очень серьезно, — сказала она и на мгновение снова превратилась в девочку из Вана, которая стояла на кухне и смотрела, как женщина, давшая ей жизнь, шинкует

²² *Шафак Э.* 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 7.

²³ Там же. 378–381.

* ЛГБТ — движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

салат и дождевых червяков. — Нельзя вот так просто говорить. Верить — значит сильно вкладываться»²⁴.

Автор, как и его герои, неоднозначно относится к теме религии в целом и к исламу в частности. По мнению писательницы, в рамках религии люди живут двойными стандартами, требуя религиозности от близкого, и одновременно нарушая законы шариата сами: «...он одинаково сильно любил алкоголь и боялся религии. Опрокидывая очередной стакан раки, Харун обычно давал серьезные обещания своим собутыльникам, а потом, отрезвевший, убитый чувством вины, давал еще более серьезные обещания Аллаху»²⁵. С одной стороны, мы видим фанатичного догматика, исказившего всю идею суфизма, отца Лейлы, консервативное турецкое общество, а также искренне верующую Зейнаб-122, которая, несмотря на все свои религиозные страхи и убеждения, остается благородным человеком и признается товарищам о желании Лейлы быть похороненной в море, не по мусульманским обычаям, потому что «несмотря на различие в наших взглядах, я [Зейнаб] всё равно уважаю ее [Лейлы] мнение»²⁶, с другой — видим напрочь неверующую Ностальгию Налан и постоянно задающую вопросы о несправедливости и нестыковке божественных установок с реальностью Лейлу. В эпизоде, когда Зейнаб-122 решает раздать одежду умершей Лейлы, чтобы ей легче было перейти Мост Сират, Налан говорит о том, что «это же, скорее всего, обмен. «Вот вам, бедняки, эти обноски, от вас требуется благословение... <...> ... религия — это сплошная коммерция»²⁷. Примечательна история, связанная с семьей Джамили, которая пересорилась из-за похорон ее мамы. Женщина была христианкой, принявшей при замужестве ислам, поэтому вопрос о том, по какому обычаю ее хоронить, стал камнем преткновения. Религия стала причиной конфликта в одной семье, а семья — это микромодель всей человеческой цивилизации. Судьба в исламском мировоззрении помогает объяснить многие страшные события. Смерть младенцев, умирающих сразу после рождения, не захотев, по мнению повитухи, бороться за этот гнетущий со всех сторон мир, люди тоже объясняют Кадером (Судьбой): «„Кадер“, называли это люди, то есть „судьба“, — и больше ничего не говорили, потому что сложным, пугающим событиям люди всегда дают простые имена»²⁸.

В романе Элиф Шафак встречается много описаний обычаев турецкого народа и мусульманских традиций. Нередко автор говорит и о красоте ислама: «...когда вечерний азан начинал разноситься над свинцовыми сводами и перегибистыми крышами, вся округа принималась купаться в очень странном

²⁴ Шафак Э. 10 минут 38 секунд в этом странном мире: роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 177.

²⁵ Там же. С. 30.

²⁶ Там же. С. 388.

²⁷ Там же. С. 290.

²⁸ Там же. С. С. 34.

свете, словно свой поцелуй тут оставила слабоумная пикси»²⁹, о неповторимых самобытных устоях турок: «повитуха омыла ребенка святой водой из колодца Замзам, доставшейся ей от паломника, который совсем недавно вернулся из хаджа»³⁰, «повитуха проделала углубление в горке соли и полностью погрузила туда ребенка, засыпав кристалликами сначала все ее тельце, а затем и головку»³¹. Приметы в турецком обществе являются воплощением тюркского и исламского мифологического сознания, их сложного симбиоза: «...она тут же трижды плюнула на пол и наступила правой ногой на свою левую ногу. Это не позволит сбыться дурному предчувствию, если оно и было»³²; «она прекрасно знала, что джинны часто справляют свадьбы неподалеку от туалетов, а потому, когда спускалась тьма, не выходила из комнаты, пользуясь ночным горшком»³³; «а еще Бинназ пила гранатовый шербет, налитый на правый ботинок ее мужа, бросала семена фенхеля во все четыре угла комнаты и прыгала через метлу, брошенную на пол перед самой дверью: это граница, за которую не мог проникнуть шайтан»³⁴.

Заключение

Роман Элиф Шафак «10 минут 38 секунд» является ярким образцом мультикультурной прозы, так активно сегодня заявляющей о себе в британской литературе. В романе затрагиваются такие традиционные для данного автора темы, как права женщин, свобода слова, права различного рода меньшинств*, сложные взаимоотношения Востока и Запада, Стамбул как город притяжения для многих народов, отношение к власти, историческому прошлому, традициям и религии. Текст, написанный в постмодернистском духе, поднимает философские проблемы смерти, веры в человека, спасительной силы дружбы. Утверждается идея о том, что при всей разности культурных, этнических, религиозных, половых особенностей люди по сути своей очень похожи, базовые, духовные скрижали едины, а свобода выбора — одна из базовых ценностей современной цивилизации. Безусловно, по масштабности тематики и проблематики роман Элиф Шафак становится одним из знаковых произведений современной британской литературы.

²⁹ Шафак Э. 10 минут 38 секунд в этом странном мире : роман / пер. с англ. О. Лютовой. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-аттикус, 2021. 416 с. С. 75.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 35.

³² Там же. С. 28.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 29.

* ЛГБТ — движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Список литературы

1. Толкачев С.П. Современная английская литература. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/tolkachev-sovremennaya-literatura/vvedenie.htm> (дата обращения: 01.07.2024)
2. Lisa Thomas. Reclamation of the Istanbul City and the Migrant Flâneuse in Elif Shafak's 10 Minutes 38 Seconds in This Strange World Lisa Thomas // *Journal of Migration Affairs*. Vol. V(1–2). P. 41–55, March 2023. P. 45.
3. Шамсутдинова Н.З. Феминистские мотивы в сказках Анжелы Картер // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. С. 244–246.
4. Софронова Д.В. Проблематика турецкой женской прозы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 256–270
5. Hussain Mumtaz, Solangi Suhail Ahmed, Shaikh Muhammad Hassan, Rehman Sabeeha. Women Subalternity: A Study Of Elif Shafak's Novel 10 Minutes 38 Seconds In This Strange World // Palarch's Journal Of Archaeology Of Egypt/Egyptology. 2023. No. 20 (2). P. 482–491.
6. Толкачев С.П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века. Web. <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturnaya-literatura-otvet-na-novye-vyzovy-xxi-veka/viewer> (дата обращения: 01.06.2024).

References

1. Tolkachev, S.P. *Contemporary English literature*. 1 Jul, 2004, <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/tolkachev-sovremennaya-literatura/vvedenie.htm>.
2. Thomas, L. 2023. "Reclamation of the Istanbul City and the Migrant Flâneuse in Elif Shafak's 10 Minutes 38 Seconds in This Strange World." *Journal of Migration Affairs*, vol. 1–2, pp. 41–55.
3. Shamsutdinova, N.Z. 2007. "Feministic motives in Angela Carter's farytailes." *Almanakh sovremennoy nauki I obrazovaniya*. Tambov: Gramota publ., pp. 244–246. Print. (In Russ.)
4. Sofronova, D.V. 2016. "The problematics of Turkish woman prose." *Ucheniyi zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyyi nauki*, vol. 158, book 1, pp. 256–270. Print. (In Russ.)
5. Mumtaz, H., Ahmed, S.S., Shaikh, M.H., and S. Rehman 2023. "Women Subalternity: A Study of Elif Shafak's Novel 10 Minutes 38 Seconds in This Strange World." *Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology*, no. 20(2), pp. 482–491.
6. Tolkachev, S.P. *Multicultural Literature: A Response to New Challenges of the 21st Century*. 1 Jun, 2004, <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturnaya-literatura-otvet-na-novye-vyzovy-xxi-veka/viewer>.

Сведения об авторе:

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. ORCID: 0000-0001-9385-7684. SPIN-код: 3322-5749. ResearcherID 9402-2016. E-mail: land_yz@mail.ru

Bio note:

Landysh N. Yuzmukhametova is a PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, the Institute of International Relationship, History and Oriental Studies, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-9385-7684. ResearcherID 9402-2016. SPIN-code: 3322-5749. E-mail: land_yz@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-720-738

EDN: EFARXM

Научная статья / Research article

Экфрасис в роли транскультурного маркера

Э.Ф. Шафранская¹, Г.Т. Гарипова^{2,3}, Ш.Р. Кешфидинов²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

³ Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина,

Москва, Российская Федерация

✉ keshfidinov-shevket@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — привлечение внимания филологов (литературоведов и лингвистов) и культурологов к актуализированному в литературном творчестве XX–XXI вв. приему экфрастического описания, который в условиях мульти- и транскультурного дискурса предстает иноэтнокультурным кейсом (в отношении к языку описания). Помимо краткой характеристики разновидностей экфрасиса авторы подробно останавливаются на обрядовом, живописном и гастрономическом, в которых явлен не столько сам объект описания, сколько раскрываются метатекстуальные коннотации, с ним сопряженные: или в истории, или в философском осмыслении ситуации. Объектом живописного экфрасиса предстает картина Петрова-Водкина «Купание красного коня» в повести «Пенуэль» Сухбата Афлатуни; обрядового — похороны в рассказе «Неподвижная местность» (из сборника «Другой юг») Шамшада Абдуллаева, а также мусульманский обряд — аналог «детектора лжи», описанный в рассказе «Помпа» Сафара Каттабаева; объектом гастрономического экфрасиса выбрано приготовление фаршированной рыбы из романа «'А... Начало романа» Михаила Кагановича. Все авторы — представители современной актуальной словесности. В качестве литературных параллелей использованы экфрасисы, созданные Андреем Платоновым и Габриелем Маркесом. Авторы делают вывод, что экфрасис, являясь паттерном иноэтнокультурного текста, становится культурологическим проводником, расширяющим поле русской литературы до транскультурного статуса.

Ключевые слова: экфрасис, обрядовый экфрасис, живописный экфрасис, гастрономический экфрасис, экфрасис-артефакт, иноэтнокультурный текст, транскультурная литература

История статьи: поступила в редакцию 27.08.2024; принята к печати: 11.10.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Экфрасис в роли транскультурного маркера // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 720–738. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-720-738>

© Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ekphrasis as a Transcultural Marker

Eleonora F. Shafranskaya¹, Gulchira T. Garipova^{2,3},
Shevket R. Keshfidinov²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

³ Kosygin Russian State University, Moscow, Russian Federation

 keshfidinov-shevket@rambler.ru

Abstract. The study draws the attention of philologists (literary scholars and linguists) and cultural scientists to the technique of ekphrastic description, which was actualized in literary works of the 20th — 21st centuries, and which, in the context of multi- and transcultural discourse, appears as a foreign ethnocultural case (in relation to the language of description). In addition to a brief description of the varieties of ekphrasis, the authors of the article dwell in more detail on the ritual, pictorial and gastronomic, in which not so much the object of description itself is revealed, but rather the metatextual connotations associated with it are revealed: either in history or in the philosophical understanding of the situation. The object of pictorial ekphrasis is Petrov-Vodkin’s painting “Bathing of a Red Horse” in the story “Penuel” by Sukhbat Aflatuni; ritual ekphrasis is a funeral in the story “Stationary Terrain” (from the collection “Another South”) by Shamshad Abdullaev, as well as a Muslim rite — an analogue of a “lie detector” described in the story “Pump” by Safar Kattabaev; the object of gastronomic ekphrasis is the preparation of gefilte fish from the novel “A... The Beginning of the Novel” by Mikhail Kaganovich. All the authors are representatives of modern contemporary literature. Ekphrasis created by Andrei Platonov and Gabriel Marquez are used as literary parallels. The authors conclude that ekphrasis, being a pattern of a foreign ethnocultural text, becomes a cultural conductor, expanding the field of Russian literature to transcultural.

Key words: ekphrasis, ritual ekphrasis, pictorial ekphrasis, gastronomic ekphrasis, ekphrasis-artifact, foreign ethnocultural text, transcultural literature

Article history: received 27.08.2024; accepted 11.10.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T., and Sh.R. Keshfidinov. 2024. “Ekphrasis as a Transcultural Marker.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 720–738. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-720-738>

Введение

Актуализированный в современной литературе транскультурный эстетизм определен целью представить ту или иную национальную картину мира через художественную миромодель с акцентом на конгениальном соприсутствии материнского и иноэтнического (обретенного) мирообразов. Языковые нарративы, несмотря на полилингвильность, не отражают в полной мере ключевые смысловые контексты, связанные с авторским полинациональным сознанием. Би(поли)лингвильные и полидомные писатели, в творчестве которых наблюдается несовпадение художественного и языкового сознаний, используют

различные принципы транскulturации и трансязычия, передавая в художественной картине мира сопричастие сразу нескольких сознаний-идентичностей авторского Я. Одним из способов становления эстетической системы такой литературы становится мифопоэтика. А маркером транскulturности — экфрасис, связанный с национально-этническими паттернами, фиксирующими не только сюжетные, метафорические, образные (ино)этнические смыслы, но и воспроизводящие на вторичном (неродном, нематеринском) языке концептуальные элементы родной (материнской) национальной культуры.

В этом случае экфрасис, будучи сопутствующей деталью сюжета или эпицентром смыслов литературного произведения, заслуживает отдельного внимания при анализе текста.

Подводя результаты большой конференции по экфрасису, Т. Автухович отмечает, что «использование компьютерных технологий во всех искусствах, в том числе в литературном творчестве, актуализация массовой литературы и сетературы, использование множественных кодов в тексте на фоне компрессии уходящей в прошлое культуры, ризоматичность как принцип построения текста — вот лишь немногие факторы, которые обуславливают постановку вопроса о новых функциях экфрасиса в современной литературе, а значит, новых способах его интерпретации и исследования» [1. С. 10].

Проблема систематизации различных видов экфрасиса, полифония их дискурсивного функционирования сегодня актуализируют не только вопросы идентификации экфрасиса как способа и/или приема встраивания в художественный нарратив произведений искусства, но и, собственно, как особую форму экфрастического нарратива, порой расширяющего рамки традиционного понимания. В связи с этим актуально мнение Я. Юхимчик, считающей, что «еще не создано универсальное определение для экфрасиса, которое могло бы унифицировать классификации и очертить его функции. Также не выработаны универсальные определения для разных видов экфрасиса, так как авторы преимущественно сосредоточивались на взаимодействии только визуального с вербальным» [2. С. 211]. Это суждение свидетельствует, что экфрасис — как термин и понятие — находится в живой, развивающейся, проблемной фазе, поэтому актуальность работы с ним очевидна.

Ряд исследователей задается вопросом: а нужен ли нам экфрасис как термин? Чем он отличается от собственно описания? Один из ответов стоит привести: Р. Данилевский, с опорой на трактат «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766) Готхольда Эфраима Лессинга, уточняет, что экфрастическое описание — это «литературное описание и наше о нем представление», то есть «описание не есть воспроизведение» [3. С. 36]. Экфрасис должен пройти через воображение автора словесного текста: «Единственное спасение экфрасиса — союз с энаргией¹, которая способна обогатить его фантазией,

¹ Энаргия — иллюзия, воображение, греза.

интуицией, гипотезой — зыбкой, но креативной первоматерией творчества. Может быть, это не делает его более точным, но более глубоким — несомненно» [3. С. 42].

Цель — осветить литературный прием экфрасиса как иноэтнокультурный кейс в русской литературе, поднимающий ее до уровня транскультурной. В соответствии с целью поставлены задачи:

- представить виды экфрасиса в современной литературе;
- охарактеризовать некоторые виды экфрасиса как иноэтнокультурные и показать эффективность обращения к экфрасису в аналитической практике.

Теоретико-методологическая основа статьи — сборники исследований, посвященных экфрасису: «„Невыразимо выразимое“: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте» [4], «Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения» [5], труды Лозаннского симпозиума «Экфрасис в русской литературе» [6].

Объект исследования — экфрасис как прием художественной литературы.

Предмет исследования — экфрасис как иноэтнокультурный кейс в русскоязычном контексте.

Источники: прозаические литературные тексты (А. Платонова, Ш. Абдуллаева, Сухбата Афлатуни, С. Каттабаева, Г.Г. Маркеса, М. Кагановича).

Результаты и обсуждение

Экфрасис — явление древнее («сам термин существует уже почти 20 веков», а «современная его интерпретация насчитывает около 50 лет» [7. С. 29]), однако в последние десятилетия наметилось внимание к нему, обусловленное, по мнению исследователей литературы, стремлением «к междисциплинарному синтезу», «семиотической значимостью взаимодействия искусств», «распространенностью различных видов экфрасиса в прозе и поэзии последних десятилетий», «что свидетельствует о научной емкости понятия и продуктивности изучения этого феномена для разных гуманитарных наук» [1. С. 7–8], а также «поиском нового художественного языка», «осмыслением новых типов экфрасиса» [1. С. 9].

Один из первых отечественных исследователей, обративших внимание на экфрасис, — это Ольга Михайловна Фрейденберг; по ее утверждению, позднеантичные риторы называли экфразой (экфрасисом) описания произведений искусства, а также битв и пейзажа, домов и дворцов; термином экфрасис назывались риторические упражнения [8. С. 22].

Главная задача любого экфрасиса — словесная передача имплицитного смысла произведения искусства [2. С. 216]. Я. Юхимук называет функцию экфрасиса не описательной, а переводческой, а ее роль в дискурсе — не «существительным», а «глаголом» [2. С. 218].

Определенные виды экфрасиса связаны с культурно-этническими коннотациями (например, обрядовый, орнаментальный и др.) и несут функцию художественной репрезентации национальных моделей мира. Так, экфрасис может маркировать в художественном тексте невыраженные в языковых и/или образных уровнях национально-культурную семиотику и семантику в творчестве полидомных и транскультурных писателей, создающих текст на неродном (вторичном нематеринском) языке в би(поли)литературных художественных произведениях.

Виды экфрасиса

В последние десятилетия исследователи экфрасиса предпринимают действия по систематизации этого приема, классифицируя его на тематические группы: живописный, музыкальный, скульптурный, киноэкфрасис, фотоэкфрасис и т. д.

Мы продолжим этот экфрастический тематический ряд:

– *ювелирный экфрасис* — для прочтения которого необходимо «присутствие» энаргии, обогащающей ювелирный артефакт контекстуальными интенциями;

– *ковровый экфрасис* — для понимания которого важно обладать знанием исторического бэкграунда коврового изделия;

– *гастрономический экфрасис* — позволяющий рассуждать не собственно о еде (точнее — не только о еде), сколько о проблемах культурных и философских, исторических и насущных;

– *музейный экфрасис* — посредством которого объект (реальный или вымышленный музей) создает исторический или экзистенциальный контекст;

– *орнаментальный экфрасис* — связанный с декоративно-прикладным искусством;

– *танцевальный экфрасис* — «работает» в художественных текстах как ритуальное действие или психологический прием;

– *обрядовый экфрасис* — генетически восходя к архаическим театральным действиям, обряд относится к культуре и искусству, поэтому также может стать экфрастическим объектом в художественном тексте;

– *алфавитный экфрасис* — сосредоточенный на буквах алфавита (реального или вымышленного) как космогонической основе мироздания, этот вид экфрасиса можно включить и в другую шкалу экфрастических характеристик, в частности в структурную: автор художественного текста использует алфавит как композиционный прием и другие разновидности экфрасиса.

Говоря о структуре экфрасиса, воспользуемся классификацией, предложенной Е. Яценко [9], обобщившей все виды экфрасиса, которые подразделяются на *прямые* и *косвенные* — по объекту описания (прямой — с указанием конкретного объекта, косвенный — объект завуалирован). Виды экфрасиса

предлагается характеризовать также по объему: *полные, свернутые, нулевые*. Помимо прочих рядов, предложенных Яценко, остановимся на такой классификации: экфрасисы *миметические* и *немиметические*.

В миметическом экфрасисе в отношениях между искусством и реальностью верховенство — за искусством, по законам которого выстраивается реальность. В свою очередь, миметический экфрасис может быть *атрибутированным (эксплицитным) и неатрибутированным (имплицитным)* — например, экфрасис в повести Андрея Платонова «Джан»:

«... Чагатаев засмотрелся на старинную двойную картину <...> Картина изображала мечту, когда земля считалась плоской, а небо — близким. Там некий большой человек встал на землю, пробил головой отверстие в небесном куполе и высунулся до плеч по ту сторону неба, в странную бесконечность того времени, и загляделся туда. И он настолько долго глядел в неизвестное, чуждое пространство, что забыл про свое остальное тело, оставшееся ниже обычного неба. На другой половине картины изображался тот же вид, но в другом положении. Туловище человека истомилось, похудело и наверно умерло, а отсохшая голова скатилась на тот свет — по наружной поверхности неба, похожего на жестяной таз, — голова искателя новой бесконечности, где действительно нет конца и откуда нет возвращения на скудное, плоское место земли»².

Как утверждают Я. Шимаков-Рейфер [10], Н. Скаков [11] и другие исследователи, первая часть «платоновской» двойной картины отсылает к средневековой гравюре из книги «Атмосфера: популярная метеорология» французского астронома и писателя XIX в. Камиля Фламариона, а вторая часть вымышлена самим Платоновым. Этот платоновский экфрасис выстраивает пространство «Джана» и экзистенциальные смыслы повести (см.: [11]).

По способу подачи экфрасис может быть *цельным* или *дискретным*.

В отдельную разновидность Яценко выделяет *психологический* экфрасис, суть которого не в описании произведения искусства, а в его рецепции персонажем литературного текста (см. ниже описание обрядового экфрасиса из рассказа Шамшада Абдуллаева).

Отдельная позиция в характеристике экфрасиса заключается в признаках: *реальный* или *вымышленный*, *открытый* или *зашифрованный*.

С опорой на эту классификацию охарактеризуем один из экфрасисов — это живописное полотно «Купание красного коня» К.С. Петрова-Водкина в повести «Пенуэль» (2009) Сухбата Афлатуни. Описанное изображение присутствует в сюжете в виде репродукции — таким образом, живописный экфрасис можно считать *прямым, реальным* и *открытым*, а также *атрибутированным*. Для продолжения характеристики этого экфрасиса надо остановиться на

² Платонов А. Джан: повесть // Платонов А. Избранные произведения. Москва : Экономика, 1983. С. 400.

смысловой концепции повести, в заглавии которой присутствует ветхозаветный топоним Пенуэль, один из ликов Бога. В контексте повести этим именем назван отмеченный божественной опекой Ташкент. Человеческая история в нем сражается с Богом.

Сквозь биографию главного персонажа, 106-летнего старика Якова, остро-ненно показана история XX в., преимущественно Средней Азии. Исторические сцены перемежаются с современными. Текст ритмизован фрагментами советского официального дискурса: постановлениями, лозунгами, призывами, заявлениями трудящихся — всё вместе создает картину абсурда, эксперимента над естественным течением жизни. Складывается впечатление, что Бог оставляет людей. Время останавливается, воплощаясь в *летаргарий* — медицинское учреждение, куда свозят зараженных летаргией, принимающей размеры эпидемии. Автор повести создает ситуацию оставленности *места* его духом, *genius loci*. Лишь метатекст, выраженный в заглавии и финальной фразе, дает надежду на то, что дух вернется и абсурд отступит.

Несколько раз взгляд рассказчика направляет внимание читателя на картину, висящую в комнате Якова, — «Купание красного коня». Экфрасис становится новым вектором в развитии сюжета. Герои поочередно рассматривают картинку, вырезанную из журнала и приклеенную скотчем к стене:

«Я с детства знал эту картину с желтым голым мальчиком на красном коне.

Раньше не понимал, почему конь такой красный, а мальчик такой голый и не стесняется. Мне казалось, что в трусах все было бы гораздо красивее. Потом я узнал, что и лошади могут быть красными, и мальчики — не такими, как нас заставляли быть с детства»³.

В первой журнальной публикации (в отличие от второй — книжной) есть портрет коня: «У коня было мужское лицо»⁴. Один из персонажей задает вопрос собеседникам, знают ли они смысл этой картины.

«Зря. Почти у всех картин есть смысл. Картины без смысла — это самое страшное. Их, насколько я знаю, вешают в аду. А эта картина... Знаете, почти в одни годы с ней была написана другая, и другим художником. Но с тем же смыслом. Девушка на большом быке, на спине у него, и этот бык так же вот на нее смотрит. Так же глазом косит. „Похищение Европы“, художник Серов. <...> А вот эта картина, „Купание красного коня“, только какое здесь купание? Это похищение, видите, конек на отрока как смотрит? Да... Похищение России, 1912 год. Потому что Россия — это не вот эта баба, не бронзовая самка, как на ваших монументах... Вот она, Россия, — мальчик, подросток, скользкий по мокрой конской спине. Куда его унесет красный конь? Может, к синим ветрам Атлантики. Может, в Сибирь. А может, и сюда, в самую Среднюю

³ Афлатуни С. Пенуэль // Сухбат Афлатуни. Глиняные буквы, плывущие яблоки : повести. Москва : Эксмо, 2020. С. 163.

⁴ Афлатуни С. Пенуэль: повесть // Октябрь. 2007. № 9. С. 68.

в мире Азию. Мальчик лениво соскальзывает с коня и падает в горячий песок. Погружает в песок пальцы... Вы вспоминаете, Яков? Мальчик смеется, и от его смеха в песке выдувается ямка, а упавшая на песок слюна тут же обрастает тысячей песчинок... Яков...»⁵.

Этот *миметический* экфрасис, сопровождаемый *энергией*, выстраивает реальность в парадигме искусства: мальчик, унесенный в среднеазиатские пески, — намек на Туркестанский проект (осуществленный сначала Российской империей, а после — советской), на колонизацию Средней Азии, на противоестественный ход вещей, который приводит к рождению летаргария. Надо заметить, что ряд текстов Сухбата Афлатуни рисует эсхатологию в истории Средней Азии, к которой приводит колонизация.

Сам сюжет с красным конем, по легенде, подсмотрен Петровым-Водкиным у своего студийца, будущего известного художника Сергея Калмыкова, в его картине «Красные кони», написанной за год до водкинской. Об этом факте свидетельствуют и дневниковые записи Калмыкова, и роман «Белый круг» Давида Маркиша: «Это тогда, на Клязьме, я написал мое „Купанье красных коней“. Через два года, когда Петров-Водкин написал своего „Красного коня“, в молодом всаднике я узнал себя — только ноги у меня длинней. Лукавый Кузьма всучил мне отступные...»⁶, — слова, принадлежащие герою романа, прототип которого — Сергей Калмыков. Этот факт важно упомянуть, потому что он вписан в метатекст XX в. — впоследствии, после учебы у Петрова-Водкина в школе Званцевой, Калмыков связал свою жизнь с Центральной Азией, по слухам, спасая себя и свое право на авангардное искусство (это его и таких, как он, уносит красный конь подальше от метрополии).

Среди современных авторов есть писатели, особо склонные к созданию разнообразного экфрастического круга — это, на наш взгляд, прозаик Дина Рубина, биографический и творческий бэкграунд которой тесно связан с миром искусства, а в ее литературных текстах мы обнаруживаем живописный экфрасис («Последний кабан из лесов Понтеведра», «На солнечной стороне улицы», «Белая голубка Кордовы», «Еврейская невеста» и другие тексты), музыкальный («Синдром Петрушки», «Русская канарейка»), танцевальный («Синдром Петрушки», «Белая голубка Кордовы»), скульптурный («Синдром Петрушки»), ковровый («Гобелен», «Русская канарейка»), ювелирный («Белая голубка Кордовы»), обрядовый («Вот идет Мессия!»), фотоэкфрасис («Русская канарейка») и другие виды экфрасиса.

К разновидностям экфрасиса примыкает *метатекстуальный*, т. е. угадываемый. Д.М. Магомедова называет такой экфрасис «шифром/ребусом», «построенным по принципу загадки» [12. С. 597].

⁵ Афлатуни С. Пенуэль // Сухбат Афлатуни. Глиняные буквы, плывущие яблоки: повести. Москва : Эксмо, 2020. С. 250–251.

⁶ Маркиш Д. Белый круг: роман. Москва : Изографус, 2004. С. 85.

Приведем пример метатекстуального экфрасиса. В романе Саши Филипенко «Бывший сын» есть описание:

«Бабушка открывала окно, и палату заполнял свежий воздух. Воздух города, который впал в кому немногим раньше Циска. Воздух города, единственной настоящей достопримечательностью которого было небо совершенно особенного цвета, цвета, который когда-то воспел великий еврейский художник»⁷.

Ни имени художника, ни названия его картин. Однако из метатекста культуры и локации сюжета очевидно: речь идет о Марке Шагале, судьба которого в определенной степени выглядит параллелью к судьбе главного героя романа. Оба они — «бывшие сыновья» своей родины. (Такой прием литературоведы называют также *мезотекстом* (разновидность интертекста) — загадкой, адресованной для разгадывания читателю — см.: [13. С. 224].)

Экфрасис как проводник иноэтнокультуры

Важнейшая катарсическая функция искусства, часто реализуемая через художественные модели инициальных и/или лиминальных обрядов, ритуалов перехода, позволяет выделить вид обрядового экфрасиса, активно используемого транскультурными писателями для замещения трансязыковых принципов репрезентации национальной картины мира средствами иноязыка.

Похоронный обряд составляет сюжетную и нарративную основу первого рассказа из сборника на русском языке «Другой юг» ферганского писателя Шамшада Абдуллаева.

Размытое, иллюзорное, фрагментарное изображение одного дня похорон за счет детального вербального описания обрядового сюжета с встроенным молитвенным экфрасисом в рассказе «Неподвижная местность» воспринимается как онтологическая метафора «вечности».

Автор следует принципам восточного сказового повествования, воспроизводящего не через семантику, а через синтаксис характерную для мусульманского похоронного обряда медитативность и размеренность подготовительных действий и самой процессии. Стилистика рассказа соотносится с поэтической формой ритмизации и задачей изображения внутреннего «чувственного» мира.

Рассказ подчеркнуто сенсуалистический, передает реальное пространство дома, где события фокусируются вокруг похорон, не через фабульное описание самого дома, события и людей, в нем участвующих, а через ощущение и восприятие пространства, атмосферы, воздуха, некоего сакрального сознания бытового окружения. Представление о мире, времени, вечности, смертности фиксируется через поток сознания на фоне чередой сменяющихся

⁷ Филипенко С. Бывший сын: роман. Москва : Время, 2018. С. 80.

ощущений. Перед читателем разворачивается чувственная картина внешнего мира, передающая катарсическое воздействие обряда на переживания главного героя, хоронящего отца.

В рассказе нет стремления описать событие, не проектируется модель мира, не фиксируется время похорон. Повествование структурирует сознание в «похоронный» хронотоп-образ — и одновременно рассеивает его за счет особого чувственного языка, передающего замершее время, свернувшееся в точку «неподвижного» пространства. Свойственные обряду прощания с телом эмоции печали, отчаяния, горя словно растворяются в этой особой форме сенсуалистического стиля. Нарративный поток сознания трансформируется в поток неосознанных ощущений, динамично фиксируемый сознанием автора-рассказчика. Ощущение внешнего мира в лице «они», затем через обращение к внутреннему себе «тебе пришлось», через поиски чувствования «других» возвращается к глубинным сакральным истокам своего рода (*Я отца*). Через проживание ощущений постжизненного опыта своего отца герой движется к пониманию метафизического высшего или глубинного бессознательного (чь-то рука), что и становится основой последующих художественных описаний:

«Зыблемый бессонницей ритуальный ряд сыновей и братьев от скамеек до ворот и виноградных гроздьев, слепо срезанных к шаблонной трапезе, чтит Его бесслезную букву, и с главной дороги, за поворотом, вился запах двуконных повозок, груженных углем, а ты мял ребром рук гулкую ночь в карих глазах. Чужой профиль и посох в кирпичной сырой нише. Там. Остальные горстью садятся в свободном дворе, потакая гортанной песне. Бывают странные ощущения, сказал он, хотя слова коряво сносились с южной скучной твердью, когда воровато ширились оконные створки в такт въедливым зрителям и отходной, но почему-то лакомые листья в неприбранных деревьях намекали на озноб — вот так пурпурный кот наблюдал мерное шествие вместо ангела смерти из длинных подворотен и нор»⁸.

В коннотациях экфрасиса похороны из религиозного обряда превращаются в форму сенсуалистического мирочувствования. Благодаря этому сюжет о смерти превращается в историю о жизни, о самых ее тонких и сакральных сторонах. Экфрастическая репрезентация похоронного обряда позволяет не только совместить лирическое и реалистичное в изображении сюжетной похоронной событийности, но и выстроить нехарактерную для прозы форму субъектной организации текста, когда автор-рассказчик трансформируется в лирического героя, а эпическая форма повествования — в поэтическую нарративную модель.

Таким образом, экфрастическое описание похоронного обряда, представляющего собой определенный способ обращения с телом умершего человека, позволяет сместить ключевые аспекты цели обряда — прощание с телом

⁸ Абдуллаев Ш. Другой юг. Москва : Носорог, 2020. С. 9.

трансформируется в эстетическое переживание расставания с душой умершего, с разрывом его сознания с реальным миром. Обрядовый экфрасис и создает в художественном тексте катарсическую наполненность описания похорон как эстетического явления — феномена искусства. Так, в рассказе с ярко выраженным лирическим началом «Воскресный свет» Шамшад Абдуллаев, живописуя словом сюрреалистическую картину города, метафоризирует похоронный обряд (погребение родной культуры в могиле истории) и выводит отдельные его экфрастические элементы на трансязыковой уровень за счет встраивания в национальные паттерны (арычная пленка, насвай, мазар, сай и др.) своей экзистенциальной модели мира “Fergana in my life and my life in Fergana”⁹ некие общекультурные узнаваемые знаки-экфрасисы:

«Серый сай¹⁰, не касаясь гробниц, wpłyвает в кладбище — нарывчатая змея в христианской могиле... <...> ...И в зеркале книжного шкафа выделяются костистые руки сохского¹¹ керамиста с клетчатого фото напротив, на крышке чистого пианино в отцовском зале под шуршание двух магнитофонных кассет в узких бронзовых царапинах, *Paint it Black*, такие длинные звуки... <...> Вся долина, если ехать с холмов, напоминает пологий мазар¹², выжженный опустевший амфитеатр, и сквозь красное колтунное пекло в боковом зрении трепещет настырная сеть зооподобных раскопок и рвов. <...> ...Я выпитываю там ваше двуязычье, не сейчас, четверть века спустя северные парусники метят курс в Цюрихском озере. <...> Клейкий дым обвил продольный зев мусульманской башни, пористое жерло погребенного минарета посреди клеверного поля. <...> Вряд ли я надеялся, что он... возвратится в этот город, зияющий сейчас в долине, как разрытая могила, среди сапожных мастерских, затравевших купален и водопойных ям в гноящихся пиявках. Кинотеатр колониальной эпохи с подслеповатым двориком, саманные статуэтки на месте крайних веранд и пекарен, рыхлые безокие изваяния в аспидных подтеках — они сохранились...»¹³.

Наслаивая друг на друга различные экфрастические образы мировой культуры, разрушая между ними «личные» национальные границы, он словно выхватывает самые родные, обозначенные на материнском языке, знаки своего национального мира ферганской «маленькой спящей Александрии». Ее эсхатология в постсоветскую историю передана экфрастически через мортальную семиотику мировой культуры прошлого.

Упомянем нетипичный обрядовый экфрасис из рассказа «Помпа» (1998) узбекского писателя Сафара Каттабаева¹⁴. Обряд, распространенный среди

⁹ Абдуллаев Ш. Другой юг. Москва : Носорог, 2020. С. 17.

¹⁰ Сай — река.

¹¹ Сох — древнее селение под Ферганой.

¹² Мазар — кладбище.

¹³ Абдуллаев Ш. Другой юг... С. 17–19.

¹⁴ Каттабаев С. Помпа: рассказ / пер. с узб. URL: <https://www.proza.ru/2012/03/10/1657> (дата обращения: 25.07.2024).

мусульманских народов, связан с именем коранического святого Дауда (или Давуда; типологичен иудейскому Давиду); суть обряда — проверка на верность, правдивость, освященная Даудом — покровителем кузнечного дела и всего, связанного с железом. Одной из локаций сюжета выступает слесарная мастерская в гараже, где дело имеют с «железом». В мастерской пропала одна ценная деталь — помпа. Кладовщик безрезультатно ищет пропажу, отчаявшись, он призывает всех рабочих пройти старинный обряд, дабы выловить вора.

«Так давайте завтра утром все соберемся здесь. Бросим в круг одну железку. И пусть каждый перешагнет через нее и поклянется именем Хазрата Дауда! Конечно, если тот, кто помпу украл, бесчестный человек, он тоже сможет перешагнуть... <...> Потом со словами: „Пусть меня покарает дух святого Дауда, если я украл эту помпу“, — стали перешагивать...»¹⁵.

Идет подробное описание обряда глазами вора, который так боится кары Дауда, что, когда пришла его очередь перешагнуть через железку, вынужден был сознаться в краже.

О.М. Фрейденберг, как пишет Н. Брагинская, внесла в термин «экфрасис» свой собственный смысл: это описание того, что «сделано руками, – произведений ремесла, еще не отличимого от искусства. <...> Как письму предшествовала пиктография и вообще отображение в ткани, ковке и дереве, т. е. изобразительное творчество, так экфразе в смысле Фрейденберг предшествовало рукотворное „описание“ в ковке, дереве, вышивке» [8. С. 23]. Или, как пишет сама Фрейденберг, «экфразе описывает, в первую голову, произведения ремесла... <...> Экфразе — это, в сущности, описание всякой искусно сработанной вещи, из чего и для чего она ни была бы сделана. Экфразе — словесное выражение вещи, уже выраженной в дереве, камне, металле, ткани» [14. С. 43–44].

Именно такой экфрасис, описывающий ремесленное изделие, есть в рассказе «Помпа». В тюрьме, как известно, процветает изготовление разных поделок. Одна из них в виде пишущей ручки была подарена сыну героя-сидельца:

«Вот сынишка, перестав писать, рассматривает ручку, поворачивая ее из стороны в сторону. Такой вещицы ни у кого нет! Покажет теперь своим товарищам, похвастается. Кому еще отец такую ручку подарил? Никому.

Ручка и в самом деле удивительно сделана. В верхней части, изготовленной из пластмассы, вода, а в ней фигурка в виде голубя. Когда ручку наклоняешь, голубь плавает — туда-сюда, туда-сюда. Но выйти не может, потому что все вокруг закрыто»¹⁶.

Этот экфрасис — заключительный фрагмент рассказа, в котором описана драматическая судьба человека, втянутого бедностью в воровство, а затем и

¹⁵ Камтабаев С. Помпа: рассказ / пер. с узб. URL: <https://www.proza.ru/2012/03/10/1657> (дата обращения: 25.07.2024).

¹⁶ Там же.

в блатной мир тюрьмы. Голубь в ручке символизирует окончательную безысходность в судьбе героя. Почему именно голубь? Потому что символика голубя в мировой культуре связана с движением, полетом, с возвращением домой. Тем самым — на контрасте — автор усиливает трагизм ситуации.

Приведем пример гастрономического экфрасиса, сквозь призму которого читатель знакомится с иной этнической картиной мира.

Гастрономия — многозначный термин, в нашем контексте — это область знаний, связанных с эстетикой еды. Гастрономия — родовое понятие, включающее кулинарию, поэтому некоторые исследователи называют экфрасис, связанный с приготовлением еды, кулинарным: «...описания блюд накрытого стола, рецептов и способов приготовления еды, которые могут быть как развернутыми, так и сжатыми, содержащими только наименование блюд или перечень ингредиентов, передавать вкусовые характеристики и впечатления» [15. С. 410], или вкусовым: «Представляется правомерным выделение также вкусового экфрасиса как описания произведения кулинарного искусства...» [16. С. 543].

Гастрономический экфрасис столь же давний, как и само литературное творчество. Однако не каждый гастрономический экфрасис становится проводником в иной этномир. Например, одно из ярких описаний блюд в мировой литературе — фрагмент из романа «Осень патриарха» Г.Г. Маркеса:

«...Было уже без пяти двенадцать, но генерал Родриго де Агилар не появлялся. <...> И когда затих последний удар, шторы на дверях раздвинулись, и все увидели выдающегося деятеля, генерала дивизии Родриго де Агилара, во весь рост, на серебряном подносе, обложенного со всех сторон салатом из цветной капусты, приправленного лавровым листом и прочими специями, подрумяненного в жару духовки, облаченного в парадную форму с пятью золотыми зернышками миндаля, с нашивкой за храбрость на пустом рукаве, с четырнадцатью фунтами медалей на груди и с веточкой петрушки во рту. Поднос был водружен на банкетный стол, и услужливые официанты принялись разделять поданное блюдо, не обращая внимания на окаменевших от ужаса гостей, и когда в тарелке у каждого оказалась изрядная порция фаршированного орехами и ароматными травами министра обороны, было велено начинать вечерю: „Приятного аппетита, сеньоры!“»¹⁷, который не является проводником в этномир. Выполненный в гротесковом и гипертрофированном стиле, этот гастрономический экфрасис выступает кульминацией в развитии действия романа «Осень патриарха», создает притчевый паттерн институции власти как таковой.

Если судить по приведенному примеру из романа Маркеса, гастрономический экфрасис может быть вымышленным; однако есть примеры вполне реальных рецептов — например, в романе «А... Начало романа» (2009)

¹⁷ Маркес Г.Г. Осень патриарха. Москва : Художественная литература, 1978. С. 138–139.

современного писателя Михаила Кагановича приводится рецепт приготовления фаршированной рыбы. Этот экфрасис довольно объемный¹⁸, мы не будем приводить его полностью, лишь проследим в алгоритме рецептивной практики узловые, реперные точки экфрасиса, помещенного в контекст воспоминаний рассказчика об ушедших из истории еврейских местечках (в романе речь идет о польском Казимеже), штетлах, с их библейскими преданиями, хасидскими историями, кулинарными изысками, трэфом и кошером, ожиданием Мессии (Машиаха).

«Возьмите пару щук, килограмма по два весом каждая, или – как говорили раньше — фунтов около четырех. Почистите чешую на рыбах, отстригите ножницами плавники, чтобы пальцы — не про нас да будет сказано! — на плавники те не наколоть. Выпотрошите и хорошенько промойте. Да так, чтобы ни одной кровинки изнутри! Порезьте на куски, перста в четыре толщиною. И аккуратненько, чтобы не попортить шкуру, вырежьте мякоть между кожей и костями»¹⁹, — так начинается гастрономический экфрасис и так начинается подготовка приготовления блюда под названием *гефилте фиш* (фаршированная рыба). Каждый последующий этап кулинарного процесса сопровождается риторическими фигурами от лица рассказчика — на русском языке и на идише («Я знаю? — Их вейс?»); «Станет щука не кошерной. Трейф. По-простому — трэф»; «Цымес а мехеа! По-еврейски это означает “вкуснятина — блаженство!”»); «У нас ведь две щуки? — две! Цвей ‘ехтн!» и т. д.), тем самым создается атмосфера русско-еврейского фронта, существовавшего на территории Российской империи XIX и короткий период XX в., пока в ходе Второй мировой войны жители этих штетлов не были сожжены в печах концлагерей. Однако специфика русско-еврейской речи пережила этих людей, будучи зафиксированной в устных жанрах (анекдотах), афоризмах и литературных текстах, а также в фольклорных стереотипах русской повседневности.

Рассказчик-кулинар обращается к своему читателю, подчеркивая разницу между регламентированным еврейским бытом и христианским — так учитывается исторический контекст многовекового совместного существования: «Впрочем, что это я? Все, сказанное про кровавые яйца, относится только к правоверным евреям. Для остальных трэфные яйца можно оставить на омлет или на котлеты из свинины»²⁰.

Сюжет гастрономического экфрасиса, развиваясь, достигает праздничной фазы, когда рыбу готовят для свадьбы — и все дальнейшие фрагменты приготовления фаршированной рыбы сопровождаются контекстом этапов свадебного обряда: приездом родственников «с той стороны», «состязательными» отношениями между семьями жениха и невесты:

¹⁸ Каганович М.В. А... Начало романа. Москва : Арт Хаус медиа, 2009. С. 18–32.

¹⁹ Там же. С. 18–20.

²⁰ Там же. С. 24.

«Если вы к свадьбе готовитесь, и родственники „с другой стороны“ — на кухне...

То есть вроде бы вам помогают, что-то свое делают, но на самом деле всё время за вами подглядывают. Хотят-таки выведать, как это оно готовится, что вы готовите лучше всех... И заодно, конечно, смотрят, чтобы вы пальцем не ткнулись в острый плавник или зуб щучий, чтобы — не приведи Господи! — не вышел трэф...»²¹.

«А что с утра? С утра Хупе — свадьба то бишь! А там и за стол! И... Ломир але инейнем! Инейнем!

Только, прежде чем все побегут в синагогу, где стоит красавица Хупе – расшитый балдахин на четырех витых резных шестах, прежде чем под Хупе подведут хосн и кале — жениха и невесту, я хочу вам сказать очень даже важное, чтобы вы не забыли за всеми этими торжествами да волнениями...»²².

Рассказчик успеваает по ходу приготовления рыбы обосновать свои сентенции литературными авторитетами – так, упоминается «экзистенциальный» постулат из «Записок коммивояжера»:

«Помните у Шолом Алейхема? — „Кто не ел чеснока, от того не разит!“ Вообще-то, эту рыбу лучше делать с чесноком. Евреи – народ, на чесноке выросший. Хотя, конечно, можно и без чеснока.

Евреям советую, остальным — строго по вкусу...»²³.

Рассказчик знает, что читать его текст будет русский читатель («И потом — роман-то по-русски написан»²⁴), потому оперирует расхожими этно-стереотипами: «Однако не спешите говорить, что „евреи — жадные“... Подождите! — всегда успеете!»

Перед нами речь именно сказового рассказчика, сумевшего из тривиального приготовления еды создать поэтическое описание самого процесса и попутно назвать трагические и комические вешки почти трехсотлетнего совместного существования русских и евреев (в романе — начиная с XVIII в.).

Экфрасис Кагановича, как и сам его роман, — явление русской литературы, не переводной. Писателю важно создать «месседж» о еврейском народе, культуре, мире и поведать об этом читателю, говорящему и читающему по-русски. Подобный пласт русской литературы представляет *иноэтнокультурный текст*, а роль автора в нем — роль *переводчика*, комментатора, медиатора между двумя культурами — русской и еврейской.

²¹ Каганович М.В. А... Начало романа. Москва : Арт Хаус медиа, 2009. С. 21.

²² Там же. С. 30–31.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 7.

Заключение

Итак, перечислив разновидности экфрасиса, мы несколько подробнее остановились на анализе живописного экфрасиса, обрядового и гастрономического. Сам термин *экфрасис* и акцент на экфрастическом приеме позволяет сконцентрировать внимание реципиента — читателя и исследователя — на произведении искусства или ремесла, вобравшем в себя, словно в фокусе, главные мотивы и интенции художественного текста.

В русских литературных текстах, построенных на иноэтнокультурном кейсе, экфрасис становится маркером транскультурности. Это именно тот ракурс, о котором говорит исследовательница транскulturации У.М. Бахтикиева, подчеркивая, что тексты, «в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры... <...> Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся „ядром духовно-культурной экзистенции народа“, поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой» [17. С. 223].

Предложенная в статье аналитическая оптика весьма продуктивна и перспективна для прочтения транскультурной литературы (см.: [18]). Писатель, независимо от своей этнической принадлежности пишущий на русском языке, являет пример транскulturации «в силу особой мульти-, интеркультурной проблематики и художественной модели мира, в которой представлены процессы пограничной литературной трансмиссии языков, стран, этносов, героев» [19. С. 512].

И одним из каналов такой транскulturации может служить экфрасис.

Список литературы

1. *Автухович Т.* И снова об экфрасисе // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 7–12.
2. *Юхимук Я.* Проблемы изучения музыкального экфрасиса: к дефиниции понятий экфрасис, гипотипосис, эйдолон и музыкальная тема // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 210–222.
3. *Данилевский Р. Г.Э.* Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выразимое» : экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 35–43.
4. «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сборник статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.
5. Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения : коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. 703 с.

6. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. Москва : МИК, 2002. 216 с.
7. *Костантини М.* Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сборник статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 29–34.
8. *Брагинская Н.* Показ, каталог, сравнение, экфраза: О.М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 13–27.
9. *Яценко Е.В.* «Любите живопись, поэты...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.
10. *Шимак-Рейфер Я.* В поисках источников платоновской прозы (Заметки переводчика) // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 269–275.
11. *Скаков Н.* Пространства «Джана» Андрея Платонова // Новое литературное обозрение. 2011. № 1(107). С. 211–230.
12. *Магомедова Д.М.* Картина с вынутыми звеньями: стихотворение-шифр в символистской и постсимволистской поэзии // Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 596–605.
13. *Борунов А.Б.* Сверхтексты в современной русской прозе: принципы структурно-семантической организации: дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.1. Москва, 2024. 393 с.
14. *Фрейденберг О.М.* Происхождение литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 28–76.
15. *Заярная И.* Типы экфрастичности в творчестве обэриутов // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce: Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 397–412.
16. *Дядищева-Росовецкая Ю.* Своеобразие экфрасиса в Мефодиевом переводе Песни песней // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, 2018. С. 532–546.
17. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБОиМИ, 2009. 259 с.
18. *Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешифдинов Ш.Р.* Транскультурная литература XXI века: учебное пособие. Москва : Юрайт, 2024. 235 с.
19. *Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф.* Тувинский текст в аспекте транскультурации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 497–514. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

References

1. Avtuhovich, T. 2018. *And again about ekphrasis. Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Avtuhovich with the participation of R. Mnikh and

- T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 7–12. Print. (In Russ.)
2. Juhimuk, Ja. 2018. *Problems of Studying the Musical Ekphrasis: To the Definition of the Concepts of Ekphrasis, Hypotyposis, Eidolon and the Musical Theme*. Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 210–222. Print. (In Russ.)
 3. Danilevskij, R. 2013. “G.E. Lessing: the collapse of ekphrasis?” In “Inexpressibly expressive”: ekphrasis and problems of visual representation in a literary text, collection of articles, scientific editor D.V. Tokareva. Moscow: New Literary Review, pp. 35–43. Print. (In Russ.)
 4. “Inexpressibly expressive”: ekphrasis and problems of visual representation in a literary text, collection of articles, scientific editor D.V. Tokareva. 2013. Moscow: New Literary Review. Print. (In Russ.)
 5. *Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. 2018. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies. Print. (In Russ.)
 6. *Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium*, edited by L. Geller. 2002. Moscow: MIK publ. Print. (In Russ.)
 7. Kostantini, M. 2013. “Ekphrasis: the concept of literary analysis or a meaningless term?” “Inexpressibly expressive”: ekphrasis and problems of visual representation in a literary text, collection of articles, scientific editor D.V. Tokareva. Moscow: New Literary Review, pp. 29–34. Print. (In Russ.)
 8. Braginskaya, N. 2018. “Demonstration, Catalogue, Simile, Ekphrasis: O.M. Freidenberg on the Origin of Literary Description.” *Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 13–27. Print. (In Russ.)
 9. Jacenko, E.V. 2011. “Love painting, poets...” Ekphrasis as an artistic and ideological model.” *Questions of Philosophy*, no. 11, pp. 47–57. Print. (In Russ.)
 10. Shimak-Rejfer, Ja. 1994. *In Search of Sources of Platonic Prose (Translator’s Notes)*. *New Literary Review*, no 9, pp. 269–275. Print. (In Russ.)
 11. Skakov, N. 2011. “Spaces of Andrey Platonov’s “Jan.” *New Literary Review*, no. 1(107), pp. 211–230. Print. (In Russ.)
 12. Magomedova, D.M. 2018. “Painting with the Removed Links: A Poem-Cipher in Symbolic and Post-Symbolistic Poetry.” *Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 596–605. Print. (In Russ.)
 13. Borunov, A.B. 2024. *Supertexts in modern Russian prose: principles of structural and semantic organization*: Dissertation for the degree of Doctor of Philology, 5.9.1. Moscow. (In Russ.)
 14. Frejdenberg, O.M. 2018. “The origin of the literary description.” *Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 28–76. Print. (In Russ.)
 15. Zajarnaya, I. 2018. “The Types of Ekphrasis in Oberiut’s creative Writing.” *Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 397–412. Print. (In Russ.)
 16. Djadishheva-Rosoveckaya, Ju. 2018. “The Peculiarity of Ekphrasis in Translation of the Song of Songs by the Methodious.” *Theory and history of ekphrasis: The results and prospects of the study*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya.

- Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 532–546. Print. (In Russ.)
17. Bakhtikereeva, U.M. 2009. *Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin)*. Astana: CBOiMI publ. Print. (In Russ.)
18. Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T., and Sh.R. Keshfidinov. 2024. *Transcultural literature of the XXI century*, a textbook. Moscow: Jurajt publ. Print. (In Russ.)
19. Garipova, G.T., and E.F. Shafranskaya. 2023. *The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation. Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 497–514. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор института русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корпус 3. ORCID: 0000-0002-4462-5710. eLibrary SPIN-код: 5340–6268. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии, Российский университет имени А.Н. Косыгина, Российская Федерация, 115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1. ORCID: 0000-0002-7675-2570. eLibrary SPIN-код 1926–8676. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Кешфидинов Шевкет Рустемович — аспирант кафедры русской литературы, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1 ORCID: 0000-0003-3293-3393. E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

Bio notes:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Institute, RUDN University, 6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4462-5710; eLibrary SPIN-code: 5340–6268. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Gulchira T. Garipova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Moscow City Pedagogical University, Idg. 1, 4 2nd Agricultural passage, Moscow, Russian Federation: Professor of the Department of Philology and Cultural Linguistics, A.N. Kosygin Russian State University, bldg. 1, 33 Sadovnicheskaya St, Moscow, 115035, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7675-2570. eLibrary SPIN-code: 1926-8676. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Shevket R. Keshfidinov is a graduate student of the Department of Russian Literature, Moscow City Pedagogical University, bldg. 1, 4, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3293-3393. E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-739-748

EDN: EZCMLO

Essay / Эссе

English to Italian, Italian to English

Steven G. Kellman

University of Texas, *San-Antonio, USA*

✉ steven.kellman@utsa.edu

Article history: received 10.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kellman, S.G. 2024. “English to Italian, Italian to English.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 739–748. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-739-748>

С английского на итальянский, с итальянского на английский

С. Келлман

Техасский университет, *Сан-Антонио, США*

✉ steven.kellman@utsa.edu

История статьи: поступила в редакцию 10.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Kellman S.G. English to Italian, Italian to English // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 739–748. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-739-748>*

Jhumpa Lahiri and Francesca Marciano are inverted translingual doppelgangers. Each adopted the other’s principal language as her literary medium, Lahiri switching from English to Italian, and Marciano switching from Italian to English.

English > Italian / Italian > English

Moreover, the fact that each is aware of the other is clear from the Acknowledgments to *Animal Spirit*, in which Marciano thanks Lahiri — and others — for providing “precious feedback” to an early version of her manuscript. In turn, the Ringraziamenti to *In Altre Parole*, Lahiri’s first book in Italian, thanks Marciano —

© Kellman S.G., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

and others — for “l’appoggio e l’attenzione” that they provided. The back cover of *The Other Language* (2014), Marciano’s previous book, features a generous blurb by Lahiri praising the “extraordinary clarity and elegance” of the short stories it contains.

After spectacular commercial and critical success publishing two novels — *The Namesake* (2003) and *The Lowland* (2013) — and two collections of short stories — *Interpreter of Maladies* (1999) and *Unaccustomed Earth* (2008) — in English, Lahiri’s announcement that she would henceforth write only in Italian was as startling as if Chopin had suddenly renounced the piano in favor of the flute. Born in London to immigrants from India, she first spoke Bengali. However, Lahiri grew up in Rhode Island, to which the family moved when she was three, and English soon became her primary language. It was in English that her prose earned a Pulitzer Prize, a PEN/Hemingway Award, a National Humanities Medal, and other honors.

But in 2015, in midlife and mid-career, she published a language memoir, *In Altre Parole*, that recounts in Italian her infatuation with that Romance language and her determination to adopt it as her exclusive literary medium. She was still learning Italian, a language to which she possessed no obvious ties except a passionate elective affinity. Immigration is a common incentive for translanguaging, but, though Lahiri has spent considerable time in Rome, she lives in the United States and teaches at Princeton University, where Italian is not the ambient tongue. Moreover, there is something perversely unmercenary about forswearing the commercial advantages of the world’s most widely spoken language and taking up one that ranks only 27th in number of speakers throughout the world. A bestseller in Italy might generate a comfortable income, but a place on the *New York Times* Bestseller List means hitting the jackpot. If they were willing to follow her, most of Lahiri’s devoted readers would now have to read her in translation.

The dual-language edition of *In Altre Parole / In Other Words* published in 2016 contains Lahiri’s Italian text on the verso pages, facing an English rendition by Ann Goldstein, the translator of Elena Ferrante and Primo Levi. A short “Author’s Note,” Lahiri’s only concession to English, explains that she chose not to translate her own book because: “Returning to English was disorienting, frustrating, also discouraging.”¹ Home again after a visit to Italy, she finds the sound of English repellent. “Provo un senso di estraneità,” she writes in the body of the memoir. “Come se mi imbattessi in un fidanzato di cui ero stufa, qualcuno che avevo lasciato anni fa. Non mi seduce più.” (Goldstein translates this as: “I feel alienated. As if I’d run into a boyfriend I’d tired of, someone I’d left years earlier. He no longer appeals to me”). [pp. 116 and 117]

Lahiri has since overcome her reluctance to translate, if not her aversion to English. Admiring Domenico Starnone’s novel *Lacci*, she rendered it in English in 2016 as *Ties*, explaining in the Introduction that: “My fear, before I began, was that

¹ *Dove mi trovo*. Milan: Ugo Guanda editore, 2018.

it would distance me from Italian, but the effect has been quite the contrary. If anything I feel more tied to it than ever.” [p. 19] She has since also translated Starnone’s *Scherzetto*, as *Trick* (2018), and *Confidenza*, as *Trust* (2021), and, as editor of *The Penguin Book of Italian Short Stories* (2020), translated six of the offerings. There is no Introduction to *Whereabouts*, Lahiri’s first novel in Italian, and apparently no need to justify her decision to translate it herself. However, the Italian version, *Dove Mi Trovo* was published in Milan in 2018, and the three-year gap between the Italian and English renditions might suggest some hesitancy by the author-translator. In fact, in an essay, “Where I Find Myself: On Self-translation,” published in *Words Without Borders*, she expressed the anxiety and self-doubts that plagued her as she – convinced that “translation is the most intense form of reading and rereading there is” — began translating her novel into English, while simultaneously revising the Italian text. Switching between languages — and identities — was profoundly unsettling but also euphoric. “I suppose the exhilarating aspect of translating myself,” she explained, “was being constantly reminded, as I changed the words from one language to another, that I myself had changed so profoundly, and that I was capable of such change. I realized that my relationship to the English language, thanks to my linguistic graft, had also been irrevocably altered.” [“Where I Find Myself: On Self-translation,” *Words Without Borders*, April 2021]

Translations of *Dove Mi Trovo* into other languages were done by other hands. The Spanish version, *Donde me encuentro*, by Celia Filipetto, the Dutch translation, *Waar ik nu ben*, by Marion Smits, and the Korean translation, *Nae ka innûn kot*, by Yi Sûng-su, all appeared promptly within a year of the original. With *Wo ich mich finde*, the German translator, Margit Knapp, beat Lahiri to her rendition by a year. Two different translations, by Ghazal Qorbanpur and Razieh Koshnud, respectively, have been published in Persian.

The Italian title of the new novel — *Dove Mi Trovo* (where I am) — could locate Lahiri’s own position in a lustrous literary career that is now, with the publication of her first Italian novel, moving in a new, uncharted direction. It is true that *The Lowland*, Lahiri’s last novel in English, begins with an epigraph in Italian by Giorgio Bassani, but where she is now — *dove si trova* — is where no one — including the author herself — could have expected her to be five years later, publishing a novel in Bassani’s own language. However, although the first paragraph of that novel begins with verbs — *supero* (I walk past), *conosco* (I know) — that announce a first-person perspective, the fictional narrator is quite distinct from her author. Never identified by name, the narrator is a middle-aged Italian who teaches an unidentified subject at an unnamed university. She has always lived in the same “run-down” [p. 55] Italian city and is the only child of a mismatched couple — a frugal and reclusive father who died when she was fifteen and a gregarious mother she reluctantly visits twice a month.

Never married and irritable conversing with a former lover, the narrator lives alone in a sparsely furnished, thinly stocked apartment. What is most notable about what is virtually the only developed character in the work is her discomfort in the company of others. She endures the tedium of an academic conference — three nights in an “ugly hotel” [p. 51] in another city listening to papers she does not find interesting enough to describe. Longing for “the great peace that lies beyond this confusion,” [p. 91] she flees the baptism party of a colleague’s daughter to wander by herself along the beach. She proclaims: “Solitude: it’s become my trade.” [p. 27] She is an independent spirit, but the spirit suffers from a deficiency of vivacity. Trying to describe herself, she lists a series of adjectives of alienation: “*Disoriented, lost, at sea, at odds, astray, adrift, bewildered, confused, uprooted, turned around.*” [p. 153]

Whereabouts is written in a minimalist style appropriate to the straitened existence of its narrator. That is not to say that the novel is entirely devoid of stylistic flourishes, as when a bunch of umbrellas on sale is described as “looking like tortured herons” [p. 120] or when the sunrise is likened to “an egg yolk that then slips from its shell.” [p. 122] The studied plainness of the prose is only emphasized by an occasional flamboyant simile. Sentences are terse iterations of subject and predicate arranged into short paragraphs that are in turn organized into brief chapters of two or three pages each. The entire novel (novella?) occupies a mere 176 pages (163 for the Italian original). An “anguished soul” [p. 33] who can recall few happy memories from her childhood or beyond, the narrator reports that she saw a therapist for about a year. But, lacking continuity, her treatment never gained traction. “Every session was like the start of a novel abandoned after the first chapter,” [p. 33] she reports. *Whereabouts* itself assumes the rhythms of those sessions.

The novel’s spareness and discontinuity might seem natural to an author writing in a language she is still studying. A neophyte in Italian is not likely to write with the manneristic extravagance of Giambattista Marino. Switching languages was an act of self-effacement by a writer who had become a celebrity with the publication of her first book. It enabled Lahiri to create a new writing self in bare Italian sentences. While her English prose never employed the recondite vocabulary and convoluted syntax of a Faulknerian sentence, the chapters in *Whereabouts* are less than half the length of those in *The Namesake* and *The Lowland*. Its sentences avoid subordinate clauses. Because of the sheer willfulness of the forty-something author to adopt another, exotic language, it is hard to compare Lahiri to any other translingual writer. However, her prose is as terse as the poetry of Charles Simic, who writes in English rather than his native Serbian. Perhaps even more relevant is the example of Samuel Beckett, who famously explained his decision to write in French rather than English by declaring that “en français c’est plus facile d’écrire sans style.” Like the French Beckett, the Italian Lahiri writes “without style” as a spiritual discipline. It is a method to mortify the ego of a writer who found fame

both exhilarating and oppressive. She demonstrates the paradox that subjecting herself to the demands of a new language both constrains and liberates.

Lahiri provides a key to understanding *Dove Mi Trovo* in the closing pages of *In Altre Parole*, where she discusses how, in his seventies, Henri Matisse turned to cut-outs, a radically new technique for making art. Because of his infirmities, he found it difficult to create in the way that had earned him a position as a leading modern painter, by applying brushstrokes to canvas. Instead, relying on scissors more than brushes, he turned to collage, cutting up brightly colored pieces of paper and arranging them into a fibrous mosaic. Though innovative, Matisse's paintings had been generally representational, but, as Lahiri notes, his cut-out creations were abstractions. In comparison with his paintings, they were "più semplificate, grezze" ("more simplified, crude") [*In Other Words* pp. 204, 205] According to Lahiri, they constituted "un linguaggio diverso" ("a different language"). [pp. 204, 205] She admires the old man's courage in deconstructing himself and charting "un nuovo inizio" ("a new beginning"). [pp. 206, 207]

Lahiri's own attempt to start anew in a different language is a similar verbal cut-out. "I pezzi di carta sono le parole," she notes, "già definite da altri, selezionate e sistemate da me" ("The pieces of paper are the words, already defined by others, chosen and arranged by me"). [pp. 206, 207] Whereas Lahiri's Anglophone fictions are fastidious about specifying their characters and locations, *Dove Mi Trovo*, narrated by an unnamed teacher of an unnamed subject in an unnamed Italy city, is an abstract composition.

If the novel itself represents an abrupt change of direction for its author, the story concludes with a dramatic change of locale for its protagonist. Although she has never lived in another city, she decides to accept a fellowship in another country. The final page finds her alone in a train compartment on her way to a new beginning. However, instead of leaving the narrator exhilarated over her unexpected opportunity, it seems to fortify her solitude and depression. A new chapter in the history of literature of the United States in languages other than English (which includes the Lenape *Walam Olum*, the slave narrative that Omar Ibn Said wrote in Arabic, **Ole Edvart Rølvaag's** Norwegian novel *I de dage*, Isaac Bashevis Singer's Yiddish oeuvre, Giannina Braschi's Spanglish novel *Yo-Yo Boing!*, the Chinese poems that detainees wrote on the walls of Angel Island, and much, much more), *Dove Mi Trovo* is an audacious experiment in translanguaging. Where the train leads remains to be seen.

Reviewing *In Other Words*, Lahiri's first excursion into Italian, in the *New York Times* in 2016, Dwight Garner, who regards Lahiri's detour into Italian as a mistake, called the book "a soft, repetitive, self-dramatic and self-hobbled book." Disappointed in what he considered "a lesser version of herself, a full orchestra reduced to tentative woodwinds," Garner concluded his review by expressing the wish that Lahiri return to English and the hope "that her immersion in Italian will inform her English-language fiction and push it in new directions." However, there

has been no new English-language fiction from Lahiri, and, *pace* Garner, found her Italian-language fictional debut is, according to Jennifer Wilson, in *The Nation*, “arguably Lahiri’s most beautifully written novel.” [*The Nation* May 17/24, 2021] It certainly does push her fiction in new directions.

Reviewing *Dove Mi Trovo* in 2019, the Italian critic Alessandro Vescovi recommended the book highly and found it a significant advance over Lahiri’s earlier Italian writing — “più profonda, più vera, adatta a sondare una serie di emozioni non banali” (more profound, more true, adapted to probing a series of non-trivial emotions). [*Altre Modernità/Otras Modernidades/Autres Modernités/Other Modernities*, no. 21, 2019 May, 365-367] Reviewing Lahiri’s own English translation for *World Literature Today*, [summer 2021, p. 90] Lopamudra Basu concurred that *Whereabouts* is “a novel unlike any she has ever written.” Similarly, comparing *Whereabouts* to Chimamanda Ngozi Adichie’s *Notes on Grief*, Anderson Tepper, writing in the *Los Angeles Times*, maintained: “It signals a new mode for Lahiri as well, and an even more daring transformation.” [*Los Angeles Times*, April 30, 2021]

However, while agreeing that the novel is a work of new departures, Giuseppe Sergio modified the metaphor with which *Dove Mi Trovo* concludes, from a train station to a wharf. Lahiri’s novel, he contends, “diventa la proda da cui prendere il largo” (becomes the shore from which to set sail). But he immediately adds: “Si spera non per sempre” (Let’s hope not forever). [“Parole, storie e suoni nell’italiano senza frontiera,” *Treccani*, 11 March 2020] *Whereabouts* also left Madeleine Thien, writing in the *New York Times*, more inclined to anticipate than assess. Lahiri’s novel, she said, “arrives like a holding space for work to come.” [*New York Times* April 27, 2021]

Marciano, a native of Rome who has published five books of fiction, is more experienced than Lahiri in writing in an adopted tongue. Her oeuvre includes three novels, *Rules of the Wild* (1999), *Casa Rossa* (2002), and *The End of Manners* (2009), as well as two collections of short stories, *The Other Language* (2014) and, most recently, *Animal Spirit* (2020) — all written in English, a language she began to learn at fourteen. She improved her command of the language during seven years in the United States, where she went to study filmmaking, as well as shorter stays in Kenya and India.

However, Marciano is an ambilingual translingual writer. Whereas Lahiri abandoned English to write in Italian, Marciano did not exactly give up Italian in order to write in English. Although she writes all of her prose fiction in English, she has written more than two dozen screenplays for Italian cinema and television. She won a David di Donatello Award (Italy’s counterpart to an Oscar) for her work on *Malaedetto il giorno che t’ho incontrato* (*Damned the Day I Met You*). *Io No ho paura* (*I’m Not Afraid*) (2003) might be the Marciano film most familiar to international audiences. Moreover, she also translates her own English fiction into Italian and, in 2003, even won the Premio Rapallo Carige, an award that honors

women who write in Italian, for her Italian rendition of her own novel *Casa Rossa*. Although the Italian text was a translation, the decision did not ignite the same controversy that arose in 1993 when the Canadian Governor General's Award for Fiction was bestowed on Nancy Huston's *Cantique des Plaines*, Huston's own rendition of a novel she had earlier published in English, as *Plainsong*. Marciano's own Italian rendition of *Animal Spirit* — published in Milan by Mondadori ten months after the English edition — maintains the original title. Older and more experienced in self-translation than Lahiri, Marciano did not express the same anxieties about producing a version of *Animal Spirit* in her native Italian as Lahiri did about rendering *Dove Mi Trovo* as *Whereabouts*. Like Kamala Das, the Indian writer who wrote all of her poetry in English and all of her fiction — under the nom de plume Madhavikutty — in Malayalam, Marciano compartmentalizes her literary production — English for prose fiction and Italian for screenplays. “It’s almost as if by now I have two brains that are running parallel to one another,” she told Rachel Martin during an interview on NPR. “One brain writes films in Italian and the other brain seems to be writing novels in English.” [Rachel Martin, “Characters Try On Different Cultures In ‘Other Language.’” NPR.com, August 13, 2014]

Language is an explicit theme in much of Marciano's earlier fiction, which, set in Afghanistan, Greece, India, Italy, Kenya, Tanzania, the United Kingdom, and the United States, transcends the boundaries of nationality, culture, and language. Many of her characters are journalists, scientists, aid workers, tourists, expatriates, and other outsiders for whom English, the lingua franca they use to communicate with one another, is not a transparent medium. *The Other Language*, her first short story collection, begins with an epigraph by Derek Walcott that foregrounds the challenge posed by language: “To change your language you must change your life.” And the title piece in the volume is the coming-of-age story of a twelve-year-old Italian girl who, while vacationing with her family in Greece, falls in love with an English boy. Over the years, the way in which she changes her life is captured in the way in which she changes her language, to English.

Set in France, Greece, Hungary, Italy, Kenya, and the United States, the six deftly plotted and precisely phrased stories in Marciano's latest collection, *Animal Spirit*, are as cosmopolitan as her earlier work. All are written in the Italian author's adopted language, English, but language itself is not as obviously foregrounded as it is in her earlier work. Nor have reviewers of *Animal Spirit* paid much attention, except in passing, to the fact that it is a translingual text. They have been drawn to the fictions' interspecies connections more than to the oddity of their having been written in English. Short stories tend to receive less attention than novels, and Lahiri is more famous than Marciano, so more has been written about *Whereabouts* than *Animal Spirit*. But the reception of Marciano's collection has been enthusiastic. It has included starred reviews in both *Publishers Weekly* and *Kirkus Reviews*, and *O, The Oprah Magazine* proclaimed: “With this collection of radiant short stories set mostly in Rome, Marciano claims a spot beside the best practitioners of

the form.” [“28 of the Best Books to Transport You This Summer,” *O, The Oprah Magazine*, June 24, 2020]

It might be that, twenty-one years after publishing her first book and more than fifty years after she began studying English, translanguaging is no longer either a novelty or a strain to the sexagenarian author. By contrast, Lahiri, twelve years younger than Marciano, was inspired to take up Italian during a visit to Florence as recently as 1994. With her first novel in Italian, Lahiri is still somewhat new to the experience of composing in an adopted tongue. However, *Animal Spirit* contains no obvious solecisms or calques to betray the fact that Marciano might be thinking in Italian but typing in English. One sentence — “But she could see his daughter, whom she realized was about her own age” [p. 36] — incorrectly substitutes the objective pronoun *whom* for the nominative *who*, but confusion of the two is not uncommon among native speakers of English. And when an Italian actress says that a pedestrian “stepped down from the platform at the very last fraction of a second,” [p. 223] she probably means “sidewalk” but is thinking of the Italian *marciapiede*, which could mean either platform or sidewalk. It is likely indicative of the character’s imperfect command of English rather than Marciano’s.

“Terrible Things Could Happen to Us,” the first story in *Animal Spirit*, is set entirely in Rome among native speakers of Italian. The affair between Sandro, a married lawyer, and Emilia, his yoga instructor, becomes more complicated when her husband suddenly dies. During an anxious phone call, Sandro refers to Emilia as “*Amore*,” [p. 4] injecting some Italian into a text that, aside from a culinary reference to *pollo all cacciatora*, [p. 7] is otherwise exclusively in English. Though it might seem odd for an Italian writer to portray conversations among Italians in English, “*Amore*” serves to signal to the reader to imagine that the entire story is occurring in Italian, not English — even when, in a moment of panic, Emilia emits a notorious English vulgarity: “Fuck, fuck, fuck.” [p. 35]

In her interview with NPR, Marciano explained that she in fact began writing her first book, *Rules of the Wild*, in Italian but, realizing that it was absurd for her characters to be speaking her own native language, soon switched to English: “The story was set in Kenya, and the characters were English and spoke English. And I remember that I first started writing the first few pages of the book in Italian. And it just sounded so inauthentic. And I stopped. And then a very good friend said try to write in English and see how it goes. And I remember how the minute I started writing in English, I felt I was on this, like, highway that would take me somewhere.” [Rachel Martin, “Characters Try On Different Cultures In ‘Other Language.’” NPR.com, August 13, 2014] Her translanguaging practice has taken Marciano through three novels and two story collections. Writing in English has become so routine for her that she is not uncomfortable now with creating a story set in Italy centered on Italian characters speaking exclusively in English.

In “The Girl,” the second story in *Animal Spirit*, a rebellious young Italian woman named Ada runs off with Andor, a Hungarian snake handler, to work in

a circus that travels through Italy and into France. Although the majority are Romany, the performers are a motley blend of nationalities. We are told that Andor speaks to Ada in a foreign accent, presumably in Italian, although the entire story is written in English. About Nadya, the Romany fortune-teller whom Ada consults, we are told that: “Her Italian was stilted but rather good.” [p. 75] However, the way that Marciano represents Nadya’s imperfect command of Italian is to have the tarot-reader utter her oracular statements in simple, fractured English: “Old must die to create the new. You leave this situation. Soon, in the next future. That is very good.” [p. 78] In old World War II movies, Hollywood typically has the German high command speak among themselves in accented English, which they of course did not. It requires a willing suspension of linguistic disbelief that Leo Tolstoy did not demand when, in *War and Peace*, his Russian aristocrats often speak French, as Russian aristocrats often did in the early nineteenth century. Marciano puts English into the mouths of her Italian, Hungarian, and Romany characters the way Julius Caesar, an emperor of Rome, Timon, a gentleman of Athens, and Hamlet, a prince of Denmark, manage to speak eloquently in Shakespearean English. Readers, who do not chafe at spending hours turning pieces of paper covered with squiggles of ink, are expected to accept the linguistic illusion.

In the last three stories in the collection, it makes sense for the characters to speak English, and they do. “Indian Land” begins with a phone call from Paris for Sara, who lives in Rome. A woman speaking English with a French accent tells her that Teo, a former lover, is in trouble. Although Sara is married to someone else and Teo, who suffers from bipolar disorder, is in Taos, Sara rushes off alone to the United States to help him through a manic episode. Teo, half French and half Dutch, and Sara, fully Italian, met in Kenya, and their lingua franca throughout the story, set mostly in New Mexico, is appropriately English. Similarly, although “There Might Be Blood” is set entirely in Rome, it focuses on an American, Diana, who decides to leave her husband in New York to live on her own for two months in a foreign city. She does not speak Italian but gets along entirely in English with a landlord who speaks it haltingly and a falconer who, having spent several years in Canada, speaks it flawlessly.

Also set in Rome, “The Callback” is the story of Julian, a famous American filmmaker who auditions an Italian actress, Valeria. During the course of an evening, he comes to realize that Valeria was the one who killed Julian’s beloved sister Maya in a traffic accident when he was twelve. Because she spent time in Hollywood, unsuccessfully pursuing her acting career, Valeria speaks English almost without an accent, but Julian’s Italian is fractured. Most of the story is an intense conversation between Julian and Valeria — in English, except for a moment in which Julian tries to summon the Italian word for “welcome back.” He tries “*benetornota*,” but Valeria corrects him with “*bentornata*.” [p. 227]

The title story of the volume, “Animal Spirit,” explores the psychodynamics of two Italian couples — Carlos and Jacopo and Clare and Gabriel — during the

summer they rent a house together on a Greek island. Jacopo is a professional translator from French, but none of the four speaks Greek, and they are dependent on their housekeeper to translate for them when they attempt to converse with locals. Again, the story is written in English, although the characters experience it in Italian. The entrance into their lives of a stray poodle affects each of the four differently.

“Animal Spirit” lends its title to the entire collection because other species haunt the other stories as well. In “The Girl,” Ada discovers that when she handles a huge Burmese python she experiences “some kind of amazing, magical energy.” [p. 68] In “Indian Land,” Teo offers the animistic revelation that: “Everything we perceive as separate is part of a single intelligence! The forests, the reefs, the shoals of fish that move in sync, the swarms of bees, the waves, the tides! Everything is connected.” [p. 155] In “There Might Be Blood,” the American Diana’s stay in Rome is profoundly altered by her encounter with a family of seagulls on the terrace of her rented apartment. And in the final paragraphs of “The Callback,” the American filmmaker Julian gazes at an immense flock of starlings moving across the sky. In awe of the intricate pattern, called a murmuring, of their avian choreography, he marvels: “There was so much shared information and interdependence in the dance they were doing — heading north, then east, opening up and shrinking again in a mysterious choreography — so that the birds never collided but seemed to connect with and protect one another.” [p. 234]

Inspired by an intuition of *sprachgefühl*, Marciano’s first collection of stories, *The Other Language*, explores and transcends linguistic boundaries. If every language has its own spirit, translanguaging becomes an exercise in spiritual migration. Her new collection, *Animal Spirit*, extends Marciano’s engagement with the language of alterity to other species. It commutes not only between Italian and English but also between human language and the cryptic traces of snakes, dogs, coral reefs, seagulls, and starlings.

Bio note:

Steven G. Kellman is a Professor at the Department of English, University of Texas at San Antonio, 1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249, USA. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

Сведения об авторе:

Келлман Стивен — профессор Департамента английского языка, Техасский университет Сан-Антонио, 1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249, США. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-749-765

EDN: EFTXGQ

Научная статья / Research article

Дискурсивные характеристики поэзии XXI века как коммуникативная практика

С.А. Конькова^{ID}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ poetryaccelerator@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные характеристики поэзии XXI в., такие как арт-терапевтичность, эсхатологизм, интертекстуальность, ольфакторность, транскультурность. Осуществлена попытка выявить, какие языковые и речевые средства в структуре стихотворения усиливают его привлекательность и доступность для современного реципиента. Если представить поэтический текст на месте сообщения в функциональной модели Р. Якобсона, успех сообщения реализуется в зависимости от контекста, доступного адресату. При несовпадении сообщения и контекста посыл стихотворения не может быть декодирован корректно. С точки зрения современного дискурса поэзия XXI в. характеризуется обширным размыванием границ литературной нормы. Авторы с большой гетерогенной аудиторией нередко пренебрегают нормативным аспектом речи в угоду аспекту коммуникативному, за счет чего их стихотворения максимально приближены к разговорному языку и понятны каждому. Как следствие, поэзия уступает место арт-терапевтическим беседам, которых действительно не хватает современному читателю в мире переизбытка информации, клипового мышления и тотальной дигитализации. Эсхатологическая тенденция позволяет реализовать в плоскости текста наихудший вариант развития событий, происходящих с лирическим героем вместо автора. Интертекстуальность является характерной чертой ценностной культуры и постмодерного мира, дающей возможность диалога и полилога с литературными предшественниками. Ольфакторность обладает наиболее ярко выраженной инфлюативностью из всех представленных дискурсивных практик: современный читатель, читая название аромата в стихотворении, воссоздаёт его в памяти, дополняя личным контекстом, и эффект от произведения усиливаетсякратно. И наконец, в эпоху интернационализации и амероглобализации, а также соответствующей ситуации на политической арене России наблюдается тенденция «возвращения к корням» и эстетике малых этносов, проживающих на территории нашей страны. Учёт данных тенденций позволяет автору найти кратчайший путь к массовому реципиенту.

Ключевые слова: поэзия XXI в., коммуникативная практика, дискурсив, арт-терапевтичность, эсхатологизм, интертекстуальность, ольфакторность, транскультурность

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Конькова С.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Конькова С.А. Дискурсивные характеристики поэзии XXI века как коммуникативная практика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 749–765. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-749-765>

Discursive Characteristics of 21st Century Poetry as a Communicative Practice

Stefania A. Konkova^{id}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ poetryaccelerator@gmail.com

Abstract. The study examines the following discursive characteristics of 21st century poetry: art therapy, eschatologism, intertextuality, olfactory, transculturality. An attempt was made to identify which linguistic and speech means in the structure of a poem enhance its attractiveness and accessibility for a modern reader. If we imagine a poetic text in place of a message in R. Jakobson's functional model, the success of a message is realized depending on the context available to the addressee. If the message and context do not match, the message of the poem cannot be decoded correctly. From the point of view of contemporary discourse, poetry of the 21st century is characterized by a vast blurring of the boundaries of literary norms. Authors with a large heterogeneous audience often neglect the normative aspect of speech in favor of the communicative aspect, due to which their poems are as close as possible to colloquial language and understandable to everyone. As a result, poetry gives way to art-therapeutic conversations, which the modern reader really lacks in the world of information overload, clip thinking and total digitalization. The eschatological tendency allows realizing in the plane of the text the worst-case scenario of events happening to the lyrical hero instead of the author. Intertextuality is a characteristic feature of centonic culture and the postmodern world, providing an opportunity for dialogue and polylogue with literary predecessors. Olfactory quality has the most pronounced influentality of all the presented discursive practices: a modern reader, reading the name of a fragrance in a poem, recreates it in memory, adding a personal context, and the effect of the work is multiplied. And finally, in the era of internationalization and ameroglobalization, as well as the corresponding situation in the Russian political arena, there is a tendency to "return to the roots" and the aesthetics of small ethnic groups living on the territory of Russia. These trends allow the author to find the shortest path to a mass recipient.

Key words: poetry of the 21st century, communicative practice, discursive, art-therapy, eschatologism, intertextuality, olfactory, transcultural

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Konkova, S.A. 2024. "Discursive Characteristics of 21st Century Poetry as a Communicative Practice." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 749–765. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-749-765>

Введение

Говоря о коммуникативных практиках поэта XXI в., следует обратиться непосредственно к языку, которым написан тот или иной поэтический текст. Под языком подразумевается кодирующее устройство коммуникации, и в этом

отношении выделяется прежде всего коммуникативная функция. Язык того или иного поэта, включающий в себя образный инструментарий и словесно-художественную структуру, служит сам по себе коммуникативной практикой.

Если представить поэтическое произведение на месте сообщения в функциональной модели Р. Якобсона, успех сообщения, то есть аттракция реципиента, реализуется в зависимости от языковых вводных. Информация становится сообщением тогда, когда включена в определённую знаковую систему и контекст, доступные адресату; при несоблюдении этого условия она не может быть декодирована корректно [1. С. 198].

Собственно язык поэзии XXI в. характеризуется прежде всего размытием границ литературной нормы, причем осуществляемым по всем мыслимым направлениям. Авторы, располагающие тысячами читателей, нередко пренебрегают литературной нормой в сторону просторечия и игнорирования законов грамматики, за счет чего их произведения максимально приближены к условному «языку улицы» — разговорному языку тех, кто становится реципиентом такого рода произведений. В этом случае симулятивная, по утверждению критиков, поэзия превращается в «разговоры о важном», аналог «задушевному слову», которого действительно не хватает молодому человеку, погруженному в мир гаджетов и страдающему от непонятности и одиночества. Цель исследования — изучение таких дискурсивных характеристик поэзии XXI в., как **арт-терапевтичность, эсхатологизм, интертекстуальность, ольфакторность, транскультурность.**

Материалы и методы

Методология исследования включает литературоведческие и лингвокультуроведческие методы и подходы: историко-культурный, биографический, компаративный, семиотический, метод включённого наблюдения и метод интервьюирования, так как автор является непосредственным представителем поэтической среды XXI в.

В процессе работы автор опирался на поэтические тексты XXI в., статьи и рецензии в коллективных научных сборниках, а также научных и специализированных литературных журналах.

Результаты и обсуждение

Предлагаем рассмотреть следующие дискурсивные характеристики тенденции современной поэзии: **арт-терапевтичность, эсхатологизм, интертекстуальность, ольфакторность, транскультурность** — и выявить, какие из этих характеристик в структуре современного стихотворения позволяют ему стать привлекательным и доступным для реципиента XXI в. Мы понимаем, что тенденций этих гораздо больше, и прогнозируем перспективы будущих исследований в этой области.

Арт-терапевтичность

Художественная составляющая арт-терапевтических текстов второстепенна. Даже наличие рифм может быть факультативным показателем. В XXI в. наблюдаются примитивизация языка и практически полное отсутствие образной системы. Цели подобной лирики — стабилизация или улучшение психического самочувствия читателя, проекция его чувств на чувства лирического героя, ориентация на позитивное будущее и переосмысление уроков прошлого, принятие и прощение себя. Данные тексты востребованы широкой аудиторией молодых пользовательниц Сети и не представлены в «толстожурнальном» дискурсе, а порой даже подвергаются там процедуре «отмены». Почему так происходит? В подавляющем большинстве случаев подобные тексты читают вслух сами авторы или чтецы: как правило, это харизматичная молодёжь с проникновенной манерой исполнения, эффект от которой компенсирует художественные недостатки текста.

Примечательно, что визуальная составляющая арт-терапевтических текстов как будто бы нарочито небрежна: на протяжении многих лет авторы заново публикуют старые стихи с одними и теми же орфографическими и пунктуационными ошибками. Комментарии, в которых читатели неоднократно указывают на оные, игнорируются авторами, в связи с чем можно предположить, что это не столько следствие неграмотности или дислексии, сколько намеренная эрративная тенденция. Эрратив получает вирулентное распространение в эпоху Интернета. Его связывают с «таким не до конца исследованным феноменом современного языкового продуцирования, как непринуждённая письменная речь. Позиционируется факт намеренно ошибочных написаний как возникший и функционирующий практически исключительно в ареале бытования непринуждённой письменной речи — в сети Интернет» [2. С. 13]. Отрывки из трёх разных стихотворений сетевого автора Ани Захаровой приведены в оригинальной редакции: *«да плевать как будет правильной и приличней, / покури голой на пару с одиночеством на балконе, / побудь свободной, шальной, несбыточной, / прежде чем стать кому-то законной»*¹; *«помни: душа твоя — космос, глубока и необъятна, / сбереги в себе нежность, что бы ни происходило. / постарайся в сердце чуткости не утратить, / не позволяй никому его сделать льдиной»*²; *«попробуй понять её, упрямо идущую на принципы, / сломанную, на взводе, смотрящую куда-то вдаль, / беспокойную, сложную, уставшую храбриться. / укрой её от лишних глаз и никому её не отдай»*³.

¹ Фатальность / Аня Захарова. Официальное сообщество. «Бог тебе говорит...». URL: https://vk.com/wall-154356292_30392 (дата обращения: 20.04.2024).

² Фатальность / Аня Захарова. Официальное сообщество. «Понимаешь, сердце у тебя чуткое». URL: https://vk.com/wall-154356292_30374 (дата обращения: 20.04.2024).

³ Фатальность / Аня Захарова. Официальное сообщество. «Нет, тебе точно не стоит ждать от нее клятв и ужинов». URL: https://vk.com/wall-154356292_30341 (дата обращения: 20.04.2024).

Пунктуационные ошибки, отсутствующие заглавные буквы — характеристика экспрессивного, моментального, потокового письма цифровой эпохи, как если бы автор писал личное сообщение товарищу. Реализуется апеллятивная функция речи [3. С. 37], она же конативная [1. С. 198], оказывающая эмоциональное воздействие на адресата с помощью повелительного наклонения: «покури», «побудь», «помни», «сбереги», «постарайся», «не позволяй» — обращения к девушке, «попробуй», «укрой» — к молодому человеку, который должен сделать свою спутницу защищённой и счастливой. Это риторика то ли дружеского совета, то ли тренинга по личностным отношениям, где автор в любом случае берёт на себя роль эксперта в данных чувствах. В результате читатель может примерить этот текст на любую из своих ситуаций с подобной эмоциональной окраской.

Уместно упомянуть о коммуникативной тактике интимизации, предполагающей использование таких языковых или речевых средств, в результате которых создаётся стилистический эффект доверительного непосредственного общения автора с читателем или слушателем, формирующего ощущение сопричастности, вовлеченности, принадлежности, общности [4. С. 2]. Интимизация речи воспринимается читателем как выражение внутреннего состояния, настроения и искренности адресанта. Общение со стороны адресата воспринимается как личная симпатия обоих коммуникантов, товарищество, дружба или романтическая связь.

Следует отметить, что конативная функция, посредством которой создаётся эффект интимизации, часто дополняется фатической, т.е. контактоустанавливающей, поскольку цель обеих функций едина: установка связи с собеседником. Примечательно, что фатическую функцию первой осваивают дети, а также некоторые представители животного мира: стремление вступить в коммуникацию появляется раньше, чем способность передавать осмысленные сообщения. Поэтому нет ничего удивительного, что подобные тексты максимально непритязательны. Таков и один из самых востребованных текстов Владимира Понкина, чья аудитория в социальных сетях превышает полмиллиона читателей: «*в другие дни успеешь переработать, / а сегодня, пожалуйста, отдохни. / подумай о себе, прояви заботу. / когда у тебя были по-настоящему спокойные и тихие дни?*»⁴ Средством интимизации речи в представленном тексте снова является маркер конативности, проявленный в мягких просьбах «успеешь», «отдохни», «прояви». Представитель целевой аудитории подобного сообщения — уставшая от занятости девушка, не имеющая времени на себя саму и, вероятно, на вдумчивое чтение серьёзной поэзии. Отметим, что В. Понкин идентифицирует себя как «автор слов» и предельно осторожен с определением «поэт». «И когда ты вдруг слышишь эту дилетант-

⁴ В. Понкин. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/wall-38091858_47679 (дата обращения: 05.03.2024).

скую ноту, ты начинаешь понимать, что перед тобой больше актер <...> который примеряет на себя образ поэта <...> Он словно хороший друг своему читателю. Но честен ли автор перед собой и насколько его образ настоящий — вопрос открытый», — анализирует ответы В. Понкина в интервью журналист В. Трегубов⁵.

Таким образом, стержнем, организующим лирическую структуру в текстах с арт-терапевтическими чертами, является совокупность определенных лексических единиц, вызывающих интимизационный эффект, что подтверждается вербальными сигналами (пресуппозицией, звательной функцией и императивами) на разных участках текста. Арт-терапевтические произведения характерны для авторов, предпочитающих охранительную идентификацию «не поэт» / «автор слов», однако стремящихся коммуницировать со своей аудиторией посредством творческих высказываний. Поэтическая же функция языка — эстетический феномен, — практически не реализуется в арт-терапевтических текстах.

Уместно было бы говорить об аттрактивности подобных стихотворений — формировании положительной установки, в результате чего «появляется дружественное отношение, хотя эмоциональное выражение может варьировать в широком диапазоне чувств: от неприязни и отвращения до любви» [5. С. 23]. Если индуцировать адресату посыл, имеющий положительное значение, он сможет увидеть Другого в лирическом герое или авторе стихотворения и декодировать текст как аттрактивный. Читатели же, которые не являются целевой аудиторией данного вида произведений из-за недостатка художественного уровня, декодируют подобные тексты как избыточные ошибками и примитивные, ощущая неприязнь к ним.

Эсхатологизм

В противовес поддерживающей арт-терапевтической тенденции существует и обратная тенденция — **эсхатологическая**, повествующая об исчерпании миром и историей всякого смысла, их конце и о том, что последует за этим концом [6. С. 492]. Еще с XX в. рост интереса к эсхатологии и Апокалипсису становится лавинообразным, а благодаря массмедиа XXI в. эсхатология превратилась в феномен массовой культуры [7. С. 4], и современная поэзия не стала исключением. Лирический герой постоянно проходит сквозь часто употребляемую метафору «личный ад». Действие разворачивается в семантическом поле энтропии: смерть, депрессия, разрушение, дьявол, конец света, самоповреждения, кровь.

⁵ Трегубов В. Владимир Понкин не поэт, но хороший друг своему читателю // Include. URL: <https://vk.com/@includeclub-vladimir-ponkin-ne-poet-no-horoshii-drug-svoemu-chit> (дата обращения: 05.03.2024).

Член жюри поэтического форума «Золотой витязь» Н. Бурляев, анализируя работы конкурсантов, считает, что «подобное разрушительное начало калечит души людей, а современная литература должна быть нацелена на преодоление этой негативной тенденции. Конкурсные работы, представленные на форум, рассматриваются исключительно в контексте их нравственного соответствия задаче возвышения человеческой души, но ни в коем случае не «втягивания» ее в преисподнюю»⁶. Представительница лёгкой непритязательной лирики, более напоминающей арт-терапию, чем поэзию, Ах Астахова продолжает данную риторику, публично утверждая, что не пишет и не читает разрушительных стихов⁷.

Однако эсхатологические мотивы весьма популярны, о чём свидетельствуют примеры из творчества Вивианы Стелецкой: *«Не живешь: выживаешь. Всё глубже и глубже в бездну // Обнимаешь людей, а как будто доспех железный. // Я ошибка природы, собрание аберраций...»*⁸; Серафимы Ананасовой: *«всё рушится превращается в кашу // я — лужица и мне не кажется // кость крошится кожа плавится // скорч рожу и оградись рабцией // будь лапотькой только с такими же // прочие плакали просто для имиджа // все кренится падают небеса // я — пленница это уже поща // режь овощи руки или понты // только не жди помощи // с божьиной высоты»*⁹ (пунктуация авторская); Лёхи Никонова: *«Я проткнул свою руку шилом // и теперь вся ладонь занемела, // я хотел, чтобы было красиво, // хоть и выглядит скверно. // Пьяная мразь злорадствовала // — Тоже, мне, горе... // А кровь текла по канализации // в балтийское море. // Я мечтал видеть их повешенными... // Тех, кто меня окружал // перестрелять, как собак бешеных... // Один из них мне сказал: // — Ты дерьмо! Ты никому не нужен! // Я ответил, что нужен всем, // а в его зрачках суженных // отсвечивал Вифлеем»*¹⁰; Виталия Маршака: *«Под записки из тюрем, вой сирен и горящие многоэтажки // Я ношу под сплетением горечь, как мертвый просроченный плод. // Жизнь в тепле и комфорте — это всё уже больше не важно. // Моя горечь со мной. И она никуда не уйдет»*¹¹.

⁶ Бурляев Н. Нам неинтересна разрушительная литература // Сайт Интернационального союза писателей. URL: <https://inwriter.ru/news/nikolai-burlyayev-nam-neinteresna-razrushitelnaya-literatura.html> (дата обращения: 02.03.2024).

⁷ Ах Астахова придет в Белгород / Собака.ру. URL: <https://www.sobaka.ru/kursk/city/society/67296> (дата обращения: 05.03.2024).

⁸ Вивиана Стелецкая. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/wall-35719059_846 (дата обращения: 05.03.2024).

⁹ Серафима Ананасова. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/wall-43789600_20790 (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁰ Лёха Никонов. Я проткнул свою руку шилом. Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/12/19/9681> (дата обращения: 06.03.2024).

¹¹ Marshak. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/wall-49914449_61408 (дата обращения: 06.03.2024).

Смысл приведённых отрывков строится вокруг мотива самоуничтожения: лирические герои приравнивают себя к «ошибке природы», «лужице», носителям горечи как плода. Присутствует лейтмотив нанесения себе увечий: «я проткнул свою руку шилом», «режь овощи руки или понты». Перед нами мифологема схождения в личный ад, где нет ничего святого или живого. Ад — модернизированный конструкт с обновлённой семантикой: «рабица», «многоэтажки» и «вой сирен», присущие XXI в.; это контекстный синоним вершащейся апокалиптической катастрофы. На связь с «царством тьмы» указывает соответствующая символика: так, у С. Ананасовой фигурирует прямая отсылка к плену вавилонскому, о котором писал один из основоположников эсхатологического творчества пророк Даниил [Сахаров, 1879: 5]. Плен называется «нопсой», что характерно для постмодернистской концепции мира. Ладонь лирического героя Никонова, проткнутая шилом, отсылает к стигматам Христа. Горящие многоэтажки у Маршака представляют собой современное переосмысление Содомы и Гоморры.

Способна ли на самом деле такая поэзия побудить читателя заняться саморазрушением, например, проткнуть собственную руку шилом? Вопреки опасениям Н. Бурляева, скорее нет. Еще Н.А. Бердяев предлагал выделять пассивную и активную эсхатологию, где под пассивной подразумевал ожидание конца в бездействии, а под активной — понимание конца света в творчески-положительном ключе [9. С. 356]. Эсхатологическая тревога перекрывается, хотя и слабой, надеждой на наступление нового после конца: так, лирический герой Л. Никонова оспаривает оскорбление «ты дерьмо, ты никому не нужен» ответом «я нужен всем», а у В. Стелецкой утверждение, что бессмертного в мире нет, приводит к спасительному для лирической героини выводу: «значит, в конце концов // я забуду имя твое и твое лицо»¹².

Таким образом, осознание возможности наступления конца в любой момент и идея преображения мира творчеством, а не капитуляции перед пессимистическим настроением вызывает аттракцию современного читателя к поэзии с эсхатологической составляющей.

Интертекстуальность

Используя приём интертекстуальности, автор намеренно ссылается на предшественников, цитируя текст без кавычек, рассчитывая на подготовленного читателя; согласно такой логике, любое литературное произведение неизбежно вторично [10. С. 418]. Исследователь интертекстуальности в современной русской поэзии Е. Зинурова пишет, что реципиент такого произведения должен быть знаком с литературой разных эпох и способным понять намек автора, а сама цитата должна быть узнаваема без контекста, иначе многомер-

¹² Вивиана Стелецкая. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/mela_mela?w=wall-35719059_454 (дата обращения: 09.03.2024).

ность модернистского произведения останется лишь намерением [11. С. 256]. Реминисценциям и аллюзиям надлежит быть не просто выдержками из художественного арсенала автора-предшественника, но источником порождения новых смыслов.

Так, Анна Алаева пишет иронический кавер на прецедентный текст (интертекст) «*Не выходи из комнаты*» И. Бродского: «*не выходи из офиса, не находи предлог, // зачем тебе улица, если ты печатаешь шибко?*»¹³ Оригинальные фигуранты произведения заменены актуальными контекстными синонимами: комната — «*офис*», уборная — «*выходные*», коридор — «*монитор*», изувеченный — «*обесчеловеченный*», мазь лыжная — «*кофе ихний*», «*хронос, космос, эрос, раса, вирус*» — проблемы офисного работника XXI в. более частного характера: «*думанье, пробование, творчество*». Творчество воспринимается как нечто, от чего нужно спастись. Подобная ирония поднимает современного автора над комплексом собственной вторичности [12. С. 203].

Поэт Александр Коньков в стихотворении «Антисказка»¹⁴ создаёт альтернативное продолжение судеб известных сказочных героев и мифологем. Так, волшебный Грааль изготовлен из обычного пластика, а вместо крови Иисуса Христа — мутный квас. Марья Искусница продолжает шить, но это слово применяется во втором, переносном, сленговом значении — «*шить дела*», прикреплять их в личное дело преступника. Архетипический Иван-дурак деградирует до медицинского диагноза «*идиот*». Герой валлийской мифологии бард Талиесин испортил голос никотином за ненужность в эпоху засилья сомнительной музыки. Длинноволосая Рапунцель, побрившись налысо, прикнула к субкультуре скинхедов, что является экзегетической отсылкой к библейской истории Самсона, хранившего силу в волосах, остриженного и ослепленного коварной Далилой. Однако и Далилой, и Самсоном Рапунцель служит для себя сама. Лишить себя силы — это её выбор, в котором винить некого. Наблюдается постмодернистская деконструкция: драконы находят прикладное применение в работе на теплоэлектростанциях, принцессы, по традиции пребывающие в символическом поле «жить долго и счастливо», массово инициируют разводы, а меч-кладенец служит арматурой. Интертекстуальность у А. Конькова иллюстрирует массовую подмену понятий, деканонизацию сакральных смыслов, девальвацию ценностей, передававшихся из поколения в поколение.

Понятие «игра с читателем» прочно вошло в дискурс за последние десятилетия. Так, в сфере компьютерных игр существует семиотическое явление «пасхальное яйцо» («пасхалка»); оно смещает смысловой центр при помощи

¹³ Анна Алаева. Не выходи из офиса. Литклуб.ру URL: <https://litclubbs.ru/articles/12404-ne-vyhodi-iz-ofisa-podrazhanie-brodskomu-ili-ofisnomu-cheloveku-gilermo.html> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁴ Александр «Сэро» Коньков. Telegram-канал. URL: <https://t.me/morseregruin/9> (дата обращения: 01.03.2024).

постмодернистской деконструкции или намеренно создаёт дополнительные слои смысла [13. С. 65]. Иными словами, механизм «пасхалки» работает подобно аллюзии или реминисценции, вызывая ассоциации с уже знакомым образом.

Таким образом, аттракция реципиента интертекстуального поэтического произведения возникает в связи с успешным встраиванием в предложенную автором игру: он смог открыть «пасхалку», понять первоисточник. Кроме того, перечитывающий один и тот же текст может получать удовольствия от повторного помещения в координаты и атмосферу оригинального текста, что свидетельствует и об успехе эстетической функции в таких произведениях.

Ольфакторность

Аромат — поликодовый феномен, состоящий как из передачи природной способности нюхать что-либо, так и из эмоционального переживания эфемерных посланий [14. С. 45]. При ностальгическом резонансе аттракция реципиента может возникнуть моментально. Использование описания запаха для эмоционального воздействия на адресата при коммуникации вызывает растущий интерес филологов, описывающих возможности языковой репрезентации запахов. Синонимами слова «ольфакторный» являются «обонятельный» или «одорический» [15. С. 19]. **Ольфакторность** поэзии XXI в. — мотивы запахов, мир обонятельных ощущений, в который автор стремится пригласить читателя.

Важно отметить, что для поэзии характерен ольфакторий состояний, а не изображающего, как в прозе [16. С. 10]; одорическая информация передается при помощи языковых средств, необходимых для успеха коммуникативного акта. Первостепенную значимость представляют понимание ольфакторных знаков читателем, гармонизация диалога между ним и автором, а сама номинация запаха уходит на второй план [17. С. 11]. Примеры ольфакторной метафоры служат креативными аттракторами, которые, с одной стороны, сужают путь восприятия текста, а с другой — позволяют привлечь к его трактовке неограниченное количество смысловых элементов [18. С. 55], где каждый читатель придает описываемому аромату коннотацию, основанную на его личной эмпирике.

Примером практически полностью обонятельного пространства является стихотворение Светланы Лаврентьевой, известной под псевдонимом Кот Басё, где с помощью ольфакторности в импрессионистской манере передано объёмное ощущение осени с эффектом полного погружения и проживания: *«Пахнет деревом, мхом, костром, земляным нутром, черным стволом, железом и серебром, ведьминым сном, холодным болотным дном, пахнет одним и пишется об одном. Ветер осенний, сумерки, тёмный лес, перец, гвоздика, красное на столе, горячее в пальцах, дымный тяжёлый след, можжевеловый мед,*

под клетчатый тёплый плед. Цитрус, ваниль, гуаяк, кашмеран, каштан. Если уедешь, утром проснешься там. Есть только пламя, тени и пустота. Я никого никогда не любила так»¹⁵. Перед нами набор образов, спутанных, полифонических, наслаивающихся друг на друга, однако гармоничных. О закадровом романтическом сюжете не говорится напрямую, однако его риторика считается из ольфакторного дискурса.

При исследовании репрезентативной выборки современных сетевых поэтов отмечается изобилие хюгге-ароматов, сладких, тёплых, семиотический код которых — ощущение уюта, благодати и уверенности: *«Этот город твердит: борись и бери своё. / в его воздухе пахнет тмином и имбирём»¹⁶, «привет, привет, это запах любви к себе. / непередаваемый аромат, и безумно сладкий»¹⁷, «так пахнет ребенок — медом и молоком»¹⁸, «Ведь именно он хранит огрызки бездонного, горячего, словно кофе с корицей, лета»¹⁹.*

Параллельная группа ароматов представляет собой синекдохическую подмену издающего запах предмета, что позволяет говорить об индивидуализации ольфакторной поэтики [16. С. 69–70]. Как правило, это конкретные марки духов, сигарет, напитков и т.д. — темпоральные маркеры, природа которых современна нам и узуальна для жителей XXI в. Рассмотрим примеры с духами: *«она пахнет мужским Кензо и адреналином»²⁰, «Ты пахнешь победой, я — от Lancome “Climat”»²¹, «у Thierry Mugler есть аромат под названием Angel: / в нем ощущаются нотки меда, немного детского плача, / бергамот, как в чашке английского чая, / нежный запах накрахмаленных воротников и молочного шоколада...»²², «Берегли на особый случай / платье бархатное с разрезом, / два флакона духов от гуччи»²³ и т.д.*

В представленных примерах полноценно реализуется референтная функция языка, позволяющая ссылаться на объективные описания запаха тех или иных духов с помощью их названий. Базовые ноты тех или иных духов не

¹⁵ Светлана Лаврентьева Кот Басё. Пахнет деревом, мхом, костром, земляным нутром. Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2016/11/25/7150> (дата обращения: 06.03.2024).

¹⁶ Хедвиг. Сообщество ВСЕМПОЭЗИИ. URL: https://vk.com/wall-51214103_9120 (дата обращения: 06.03.2024).

¹⁷ Екатерина Нильская. Аромат любви к себе. Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2023/08/25/420> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁸ Светлана Лаврентьева Кот Басё. Так пахнет ребенок... Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2011/10/01/9172> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁹ Кейт Шатовиллар. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/wall-32891918_20 (дата обращения: 05.03.2024).

²⁰ Светлана Лаврентьева Кот Басё. Она пахнет мужским Кензо. Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2010/01/11/183> (дата обращения: 05.03.2024).

²¹ Вероника Сенькина. Юпитер, к чему сердиться... Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2023/06/13/4518> (дата обращения: 05.03.2024).

²² Екатерина Янишевская. Официальное сообщество. URL: https://vk.com/wall-51214103_7490 (дата обращения: 06.03.2024).

²³ Мальвина Матрасова. Сообщество ВСЕМПОЭЗИИ. URL: https://vk.com/wall-51214103_17603 (дата обращения: 05.03.2024).

описываются. Однако благодаря аккумуляции личного ольфакторного опыта современный человек может представить резкий, суровый аромат мужского Kenzo, несвойственный среднестатистической женщине, или понять атмосферу истории между лирическим героем — «победителем» и женщиной, использующей духи Climat от Lancome, прочитав описание этих духов от производителя: «героиня парфюмерной композиции — роскошная женщина...». Благодаря ольфакторной метафоре читатель погружается в историю о двух стоящих друг друга людях — победителе и женственной даме, потерявших общий язык. Упоминание крафтовых духов и нишевой парфюмерии отсылает к аутентичности героя, а известный бренд Gucci ассоциируется с элитной продукцией: в тексте Мальвины Матрасовой «Жили-были» данная марка используется, чтобы подчеркнуть возможность лирических героев сделать шаг к повышению качества жизни, однако они упускают его.

Таким образом, обонятельные образы, являясь проекцией чувственного опыта авторов XXI века и включённые в перцептивные ряды современного нам читателя, обеспечивают стихотворениям устойчивую аттракцию максимально резонирующего реципиента.

Транскультурность

Тенденция к интернационализации, амероглобализации и засилью англицизмов в современном дискурсе связана с параллельной тенденцией — **транскультурацией**. Наблюдается стремление современных поэтов вернуться к культуре этносов внутри России и ближнего зарубежья, что увеличивает степень художественной свободы автора в новых и неконфликтных сочетаниях палитры обеих культур, открывая дополнительные креативные возможности для создания новой эстетики литературного творчества [19. С. 78]. Это подтверждает и У.М. Бахтикиреева: «Тексты русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, <...> становятся «ядром духовно-культурной экзистенции народа», поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой действительности» [20. С. 223]. Транскультурация, в частности, представляет собой национализацию в области лексических наименований — активирования эквивалентов слов из пограничных культур (крымско-татарской, казахской, башкирской, бурятской и др.) по отношению к общепринятым словам либо английским заимствованиям. Предлагаем рассмотреть в этом ключе стихотворения русских современных поэтов, пишущих на русском языке, творческая языковая личность которых сформировалась на стыке двух культур.

Поэтесса Ника Батхен, прожившая много лет в Крыму, отводит полуострову обширное место в своем художественном мире, посвятив ему книгу стихотворений «Крымская соль», вышедшую в 2023 г. Внушительная подборка из этой книги опубликована в журнале «Москва», где есть и произведение

«Эски-Къырым» (в переводе с крымско-татарского «Старый Крым»), заканчивающееся строкой: «Скажи “кысмет” — отвечу “смерти нет”»²⁴. Слово «кысмет» имеет тюрскую этимологию и переводится как «судьба, назначенная человеку Аллахом; предопределенность; неизбежность; рок; фатум». Путём транскультурного вкрапления создаётся живой эффект фонетической аутентичности, присущей диалогу представителей двух культур. Кроме этого, в связи с историко-политическими событиями установление транскультурной коммуникации с Крымом способствует всестороннему укреплению связей, на длительное время утраченных. Коренной народ Крыма не попадал в русскую писательскую оптику XX в. в силу нелитературных причин, однако сегодня возникает обратная тенденция [21. С. 41], и «крымский текст» активно проявляется и в поэзии.

Поэтесса Анна Батырханова, по национальности русская и проживающая в Оренбурге, граничащем с Казахстаном, использует псевдоним Қарлығаш («ласточка» по-казахски), объясняя это легендой: « — Отчего имя у тебя не степное, волосы золотые, а глаза зелёные? — осмеливаетесь вы подчеркнуть несоответствие облика обстановке. — Многие спрашивают, многим отвечаю, все, как один, смеются. <...> то, что ты видишь, никогда не ценилось теми, кто со мной остался, Степь отчего-то не оставила своего отпечатка на их душах. Если назовёшь меня Қарлығаш, буду счастлива. Сочтёшь это нелепым — пусть хотя бы имя моего предка прозвучит подле настоящего имени. Хоть и не похожа ни на казахов, ни на татар»²⁵. Автор популяризирует казахскую эстетику из уважения к своим далёким тюркским корням. Как справедливо замечает З. Темиргазина: «Лирический герой, ощущая свою “инаковость”, проявляя гибкость в своей культурной идентичности, причисляет себя к степным, кочевым тюркским народам — башкирам, казахам, киргизам, ему близка их культура, ментальность» [21. С. 33] Кроме поэтических произведений непосредственно на казахском языке и переводов с казахского на русский А. Батырханова использует многочисленные вставки казахских лингвистических реалий. Обратимся к цитатам из подборки, опубликованной в газете «Истоки»: «Там, где река струится, там, где поёт бархан, / Жил на земле когда-то доблестный Батырхан», «Не звуки курая без ритма, а целый вальс» — упоминание народного музыкального инструмента, «Слёзы горькие Айгыз прячет в зелень рукавов; / Что не скажет человек, по губам луны читай; / Песня жалостно звучит, хоть к веселью ты готов: / «Еркем-еркем-еркем-ай, еркем десен көркем-ай...»²⁶ — инкрустация строчек казахской

²⁴ Ника Батхен. Городу и морю // Журнал «Москва». URL: https://moskvam.ru/applications/konkurs/rossiya-rodina-lyubov/konkursanty-copy2_586.html (дата обращения: 05.03.2024).

²⁵ Анна Батырханова. Слово степного существа. Официальное сообщество. URL: <https://vk.com/steppecreaturewords> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁶ Батырханова А. Хватаюсь за соломинку последнюю... // Истоки. 15.12.2023. URL: <https://istokirb.ru/articles/poezia/2023-12-15/hvatayus-za-solominku-poslednyuyu-3567853> (дата обращения: 05.03.2024).

народной песни, сначала звучащих ради веселья, а позднее как реквием по прежней беззаботной жизни.

Таким образом, автор получает возможность создать гибридный неповторимый художественный мир из гетерогенных языковых элементов, доступных ему в обеих — родной и дружественной — культурах и освоенных им, так как привычная ему языковая картина мира обогащается за счет транскulturации. Аттракция читателя возникает благодаря реализации одновременно кумулятивной и когнитивной функций языка. Такое решение позволяет реципиенту дополнить символический ряд и лексикон элементами «локального текста», артефактами другой культуры, деталями истории, быта, обычаев и легенд.

Заключение

Очевидно, что в современной поэзии языковые и речевые трансформации происходят весьма активно. Поэтический текст живо реагирует на конкретные тенденции, существующие в современном социуме. Инструментарий поэтов пополняется новыми дискурсивными практиками, способствующими выстраиванию полилога автора с гетерогенной аудиторией на одном языке.

Тенденция к **арт-терапевтичности** текста достигается путём актуализации контактоустанавливающих элементов: в синтаксическом аспекте это апелляция к императивным конструкциям; в лексическом — возвращение к звательному падежу.

Эсхатологическая тенденция апеллирует к элементам так называемого энтропийного дискурса, позволяя прожить наихудший вариант развития событий в тексте, не проецируя его на реальность.

Интертекстуальная тенденция соответствует постмодернистской нарративной структуре. На уровне языка происходят серьёзные трансформации исходного текста в соответствии с запросом автора и времени, в котором он живёт. В частности, эталонные тексты подвергаются узуализации.

Ольфакторность как свойство текста — прямой путь к креолизации, т.е. смешению различных парадигм культуры; несмотря на то, что образы даны чисто лексически, ольфакторность рассчитана на интенсивную перцепцию со стороны читателя, раскрывая дополнительные смысловые слои благодаря личной эмпирике реципиента.

И наконец, **транскulturность** и **транслингвальность** текстов возвращает личности автора органическую принадлежность к своей культуре, а читателю даёт возможность приобщиться к инокультурному бытию через русский язык как коммуникативный мост [23. С. 116–121].

Вышеуказанные дискурсивные практики способствуют диалогу автора и массового читателя, ищущего в стихотворениях собственные истории и возможность пережить их в различных вариантах развития.

Список литературы

1. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва : Прогресс, 1975. 469 с.
2. *Кочетков В.В., Соколов А.Н.* Намеренно ошибочные написания в текстах А.Н. Островского // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 13–21.
3. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва : Прогресс, 1993. 501 с.
4. *Кузнецова А.А.* О понятии «интимизация речи»: к постановке проблемы // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). Апрель. С. 1–4.
5. *Грива О.В.* Межличностная аттракция и ее детерминирующие факторы // Современная психология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, июль 2014 г.). Т.0. Пермь : Меркурий, 2014. С. 23–25.
6. *Аверинцев С.С.* Эсхатология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Москва : Мысль, 2010. Т. 4. С. 467–470.
7. *Гранин Р.С.* Эсхатологические исследования в России XXI в.: аналит. обзор / ИНИОН РАН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Философии ; отв. ред. Г.В. Хлебников. Москва : ИНИОН РАН, 2017. 101 с.
8. *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи: Исслед. В. Сахарова. Тула : тип. Н.И. Соколова, 1879. 249 с.
9. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Москва ; Харьков, 2005. 679 с.
10. *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва : Прогресс, 1989. С. 413–423.
11. *Зинурова Е.С.* Интертекстуальность в современной русской поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 256–266.
12. *Зинурова Е.С.* Интертекстуальность в российской поэзии рубежа XX–XXI веков: дис. ... канд. филологических наук: 10.01.01 — русская литература. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. 218 с.
13. *Часовский П.* Семиотика «Easter eggs» или игровое начало в компьютерных играх // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290). Филология. Искусствоведение. Вып. 72. С. 63–66.
14. *Классен К., Хоувз Д., Синнот Э.* Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре / сост. О.Б. Вайнштейн. Москва : Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 1. С. 43–52.
15. *Рогачева Н.А.* Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2010. 403 с.
16. *Зыховская Н.Л.* Ольфакторий русской прозы XIX века: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2016. 40 с.
17. *Трофимова Н.А., Мамцева В.В.* Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка). Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2020. 94 с.
18. *Герман И.А., Пищальникова В.А.* Введение в синергетику. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. 130 с.
19. *Новохатский Дм.* Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Slavico. 2019. № 18. С. 74–91.
20. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): научное издание. Астана : Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. 259 с.

21. Кешифидинов Ш.П. Крымскотатарский мир в романах новейшего времени (на материале произведений Людмилы Улицкой, Тимура Пулатова, Рената Беккина) // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 20. № 1. 2023. С. 40–54.
22. Темиргазина З.К. Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 29–43.
23. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Кунг Ж. Транслингвизм: коммуникативный мост или «культурная бомба»? // Вестник РУДН: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 1. С. 116–121.

References

1. Jacobson, R. 1975. *Linguistics and Poetics*. “Structuralism: ‘for’ and ‘against’”. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
2. Kochetkov, V.V., and A.N. Sokolov. 2014. “Intentional erroneous spellings in the texts of A.N. Ostrovsky.” *Modern problems of science and education*, no. 6, pp. 13–21. Print. (In Russ.)
3. Bühler, K. 1993. *Theory of language. Representative function of language*. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
4. Kuznetsova, A.A. 2023. “On the concept of ‘intimization of speech’: towards the formulation of the problem”. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 4 (40), pp. 1–4. Print. (In Russ.)
5. Griva, O.V. 2014. “Interpersonal attraction and its determining factors.” In *Modern psychology: materials of the II International scientific conference (Perm, July 2014)*. Vol. 0. Perm: Mercury publ., pp. 23–25. Print. (In Russ.)
6. Averintsev, S.S. 2010. *Eschatology. New philosophical encyclopedia*: In 4 volumes. Vol. 4, pp. 467–470. Moscow: Mysl publ. Print. (In Russ.)
7. Granin, R.S. 2017. *Eschatological studies in Russia in the 21st century: Analytical review*. Moscow: INION RAS publ. Print. (In Russ.)
8. Sakharov, V. 1879. *Eschatological works and legends in ancient Russian writing and their influence on folk spiritual poems*: Research. Tula. Print. (In Russ.)
9. Berdyaev, N.A. 2005. *Spirit and reality*. Moscow; Kharkov. Print. (In Russ.)
10. Bart, R. 1989. “From work to text”. In Bart R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress publ., pp. 413–423. Print. (In Russ.)
11. Zinurova, E.S. 2017. “Intertextuality in modern Russian poetry”. *Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University. Series: Literary Studies. Journalism*, vol. 22, no. 2, pp. 256–266. Print. (In Russ.)
12. Zinurova, E.S. 2019. *Intertextuality in Russian Poetry at the Turn of the 20th–21st Centuries*: Dissertation of a Candidate of Philological Sciences: 10.01.01 — *Russian Literature*. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN). Print. (In Russ.)
13. Chasovsky, P. 2012. “Semiotics of ‘Easter Eggs’ or the Game Principle in Computer Games.” *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 36, pp. 63–66. Print. (In Russ.)
14. Klassen, K. 2010. “The Meaning and Power of Smell.” In *Aromas and Smells in Culture*. Compiled by O.B. Weinstein. Moscow: New Literary Review publ., pp. 43–52. Print. (In Russ.)
15. Rogacheva, N.A. 2010. *Olfactory space of Russian poetry of the late 19th — early 20th centuries: problems of poetics*. Tyumen: Publishing house of Tyumen State University. Print. (In Russ.)
16. Zykhevskaya, N.L. 2016. *Olfactory of Russian prose of the 19th century*: Abstract of Cand. Phil. Sci. (Language) Dissertation. Ekaterinburg. Print. (In Russ.)
17. Trofimova, N.A., and V.V. Mamtseva. 2020. *Love and smells: representation of olfactory in love discourse (based on the German language)*. SPb.: Publishing house of SPbGEU. Print. (In Russ.)
18. German, I.A., and V.A. Pishchalnikova 1999. *Introduction to synergetics*. Barnaul: Publishing house of Alt. University. Print. (In Russ.)

19. Novokhatsky, Dm. 2019. “Transcultural text and tendencies of the Russian literary mainstream: “Tashkent novel” by Sukhbat Aflatuni.” *Mundo Eslavo*, no. 18, pp. 74–91. Print. (In Russ.)
20. Bakhtikireeva, U.M. 2009. *Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkish origin)*. Astana: Publishing house “CBO and MI”. Print. (In Russ.)
21. Keshfidinov, Sh.R. 2022. “Crimean Tatar world in novels of modern times (based on the works of Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, Renat Bekkin).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 1, pp. 40–54. Print. (In Russ.).
22. Temirgazina, Z.K. 2021. “Transculturality and its manifestation in the poetics of lyrical texts”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. no. 1, pp. 29–43. Print. (In Russ.)
23. Bakhtikireeva, U.M., Valikova, O.A., and J. King. 2017. “Translingualism: a communicative bridge or a ‘cultural bomb’?” *Bulletin of RUDN: Issues of education: languages and specialty*, vol. 14, no. 1, pp. 116–121. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Конькова Стефания Антоновна — магистр филологии СПбГУ, соискатель РУДН, педагог ДО кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0005-0563-1818. eLibrary SPIN-код: 8412-3961. E-mail: poetryaccelerator@gmail.com

Bio note:

Stefania A. Konkova is a Master of Philology, applicant for RUDN University, teacher at the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow. ORCID: 0009-0005-0563-1818. eLibrary SPIN-code: 8412-3961. E-mail: poetryaccelerator@gmail.com

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-766-775

EDN: ENJCHZ

Научная статья / Research article

Перевод транслингвальной литературы на родной и неродной языки автора на материале произведений Гари Штейнгарта и Александра Хемона и их переводов на русский язык

Е.С. Лебедева^{ORCID}

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация✉ lebedeva.students@gmail.com

Аннотация. Произведения транслингвальных авторов, т.е. тех, кто выбрал языком своего творчества неродной для себя язык, пользуются огромной популярностью в академической среде. Отечественными и зарубежными лингвистами и литературоведами уже выделены определенные черты транслингвальной литературы (например, особая картина мира автора-транслингва, определенные стилистические приемы, которые помогают транслировать транслингвизм). Однако не только академические круги, но и книжный рынок реагирует на таких авторов — возникает необходимость перевода такой литературы на разные языки. Однако на сегодняшний день в теории и практике перевода недостаточно исследован вопрос, какие стратегии являются наиболее удачными для адекватного перевода транслингвальной литературы. Цель исследования — анализ переводов произведений русско-американских писателей на русский язык в сопоставлении с переводами на русский язык произведений других транслингвальных авторов. Задача — выявить, какие стратегии используют переводчики для сохранения и передачи транскультурной идентичности писателя, а также ответить на вопрос: как сохранить ощущение «чужого», «иностранного» (otherness), которое испытывает англоязычный читатель транслингвальной литературы и которое может теряться при ее переводе на родной язык писателя. В качестве материала исследования были выбраны тексты оригиналов и переводов романов Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» (англ. *Super Sad True Love Story*) и Александра Хемона «Проект «Лазарь»» (англ. *The Lazarus Project*). В результате практического исследования материала с использованием сравнительного метода, лингвокультурологического, контекстуального и синтаксического анализа удалось сформировать список приемов передачи транслингвальности автора при переводе на родной и неродной

© Лебедева Е.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

языки автора, а также сделать вывод о том, в каких случаях основная черта транслингвальных произведений (ощущение инаковости, чужого, иностранного (англ. *otherness*) сохраняется и теряется при переводе на русский язык иноязычных вкраплений и других проявлений транслингвальной креативности.

Ключевые слова: транслингвальная литература, перевод транслингвальной литературы, транскультурная идентичность автора в переводе

История статьи: поступила в редакцию 12.07.2024; принята к печати 12.10.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лебедева Е.С. Перевод транслингвальной литературы на родной и неродной языки автора на материале произведений Гари Штейнгарта и Александра Хемона и их переводов на русский язык // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 766–775. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-766-775>

Translating Translingual Writings into Authors' Native and Non-Native Languages: a Study of Novels by Gary Shteyngart and Aleksandar Hemon and Their Russian Translations

Ekaterina S. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ lebedeva.students@gmail.com

Abstract. Translingual fiction i.e. works by those writers who have chosen to write in a language other than their native one has been extremely popular in the academic community. Domestic and foreign linguists and literary scholars have already identified certain features of translingual literature (for example, a particular worldview of a translingual author, certain stylistic devices that help to convey translingualism). However, not only academic community, but also the book market respond to the phenomenon of translingual writers with a need to translate this literature into different languages. Unfortunately, modern translation theory and practice lack full and comprehensive description of the translation strategies to be applied when translating literary translingualism. The objective of the present study is to identify the strategies used by translators to preserve and convey the writer's transcultural identity, as well as to answer the question: how to preserve otherness that an English-language reader of translingual literature experiences, and which can be lost when it is translated into the writer's native language. This paper aims to study the strategies used by translators of novels by Russian-American and American-Bosnian authors. "Super Sad True Love Story" by Gary Shteyngart and "The Lazarus Project" by Aleksandar Hemon were selected as research material. As a result of the research based on the comparative method, linguacultural, contextual and syntactic analysis, it was possible to form a list of techniques for conveying the author's translingualism when translating into the author's native and non-native languages and also to draw a conclusion about the cases in which the main feature of translingual works (the feeling of otherness) is preserved and lost when translating foreign inclusions and other examples of translingual creativity into Russian.

Key words: translingual writing, translating translingual writing, translating otherness

Article history: received 12.07.2024; accepted 12.10.2024

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Lebedeva, E.S. 2024. “Translating Translingual Writings into Authors’ Native and Non-Native Languages: a Study of Novels by Gary Shteyngart and Aleksandar Hemon and Their Russian Translations.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 766–775. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-766-775>

Введение

Транслингвальная литература уже много лет является предметом изучения отечественных (Е.М. Бутенина, У.М. Бахтикиреева, Е.В. Белоглазова и др.) и зарубежных (С. Келлман, Э. Ваннер, Дж. Хансен, А. Даньино и др.) литературоведов и лингвистов, исследования которых позволяют сформулировать особенности таких произведений. В частности, у транслингвальных авторов в процессе создания произведения формируется особая картина мира, сочетающая две контактирующие культуры: родную культуру и ее язык, и культуру второго языка, а «языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур» [1]. Идиоэтническое (культурно-специфическое) начало «заложено на генетическом уровне автора и неизбежно проявляется в его художественном дискурсе». А.Б. Туманова делает вывод, что такая закономерность способствует формированию у писателя как личности и как художника слова особой, своеобразной языковой картины мира неомогенного характера, представляющей результат контаминации, взаимовлияния двух культур и двух языков» [2]. Транслингвальные тексты всегда мобильны, отражают информацию из разных языковых систем и порождают новые структурные и семантические образования [3. С. 41].

Произведения транслингвальных авторов отличает «инаковость» (otherness), которая выражается в разнообразных языковых и индивидуально-стилистических приемах, таких как заимствования, кодовое смешение и переключение, аллюзии на произведения родной литературы, включение фразеологии родного языка, контаминированная речь, обценная лексика [4]. Произведения авторов-транслингвов пользуются популярностью не только в академической среде: читатели-книголюбы и литературные критики высоко ценят талант молодых транслингвов. Так, роман американского автора русского происхождения Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» получил престижную премию Вудхауза (англ. Bollinger Everyman Wodehouse Prize). Роман американского автора боснийского происхождения Александра Хемона «Проект «Лазарь» был отмечен международной швейцарской премией Яна Михальского.

Популярность таких произведений обуславливает необходимость их перевода с английского на другие языки, в том числе и русский. Сравнение и изучение переводов транслингвальных произведений представляет особый интерес для сопоставительных исследований и развития теории перевода, так как

поднимает ряд вопросов: представляют ли транслингвальные тексты особые проблемы для переводчика? Каковы должны быть стратегии перевода транслингвальной литературы в принципе и в особенности при переводе на родной язык автора? Каким должен быть перевод, чтобы не стать преградой языковому и культурному многообразию авторов-транслингвов? В переводоведении уже имеются работы о переводе в эпоху расцвета транслингвизма и транслингвальной литературы (Дж. Хансен, Е.В. Белоглазова, А.А. Ривлина, Е.С. Петрова). Так, Дж. Хэнсен, анализируя перевод на русский язык англоязычного романа Ольги Грушиной *The Dream Life of Sukhanov*, отмечает использование переводчиком стратегии языковой экономии (вместо полного названия организаций — аббревиатуры, уходят авторские пояснения реалий и объектов русской культуры) [5. С. 107]. Е.С. Петрова исследует стратегии прогнозирования при переводе транслингвального художественного текста и делает вывод о том, что переводчик — не просто билингв, профессионально владеющий языками оригинала и перевода, а носитель культуры языка перевода — имеет более глубокое понимание русской культуры (в данном случае это культура языка перевода) и подбирает неожиданные, интересные и более точные варианты передачи элементов русской культуры, тем самым к переводу подходит с позиции «не сколько неизбежных потерь, сколько возможных приобретений» [6. С. 275].

В рамках данного исследования интересным видится анализ переводов произведений русско-американских писателей на русский язык в сопоставлении с переводами на русский произведений других транслингвальных авторов с целью проследить, какие стратегии используют переводчики для сохранения и передачи транскультурной идентичности писателя, а также ответить на вопрос: как сохранить ощущение «инаковости», «чужого», «иностранного» (*otherness*), которое испытывает англоязычный читатель транслингвальной литературы и которое может теряться при ее переводе на родной язык писателя.

Материал исследования

В качестве материала исследования были выбраны тексты оригиналов и переводов романа Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» (англ. *Super Sad True Love Story*) и произведение Александара Хемона «Проект „Лазарь“» (англ. *The Lazarus Project*). Гари Штейнгарт родом из еврейской семьи, вместе с родителями эмигрировал в США в семилетнем возрасте. Окончил Оберлинский колледж со специализацией в области политологии. Автор романов «Приключения русского дебютанта» (англ. *The Russian Debutante's Handbook*; 2003, рус. пер. «Фантом Пресс», 2004), «Абсурдистан» (англ. *Absurdistan*; 2006, рус. пер. «Амфора», 2007), «Супергрустная история настоящей любви» (англ. *Super Sad True Love Story*; 2010, рус. пер. «Эксмо»,

2012) и Lake Success (2018), Our Country Friends (2021). Александр Хемон родился в Сараево (Югославия, ныне — Босния и Герцеговина). Отец Хемона родом из Украины, а мать — боснийская сербка. Окончил университет в Сараево. В 1992 г. приехал туристом в Чикаго и решил остаться в США после начала Боснийской войны. Хемон опубликовал свой первый рассказ на английском языке в 1995 г. А в 2000 г. вышел его первый сборник «The Question of Bruno», получивший положительные отзывы критиков. В 2002 году увидел свет первый роман Хемона «Nowhere Man». В 2008 г. Хемон выпускает свой второй роман «Проект «Лазарь»».

Герой романа Александра Хемона «Проект Лазарь» задумывает написать книгу о трагически погибшем в самом начале XX в. Лазаре Авербахе, эмигрировавшем в Америку после кишиневского погрома. Чтобы лучше прочувствовать судьбу Лазаря, начинающий американский писатель отправляется в захолустье бывшей Австро-Венгерской империи. Симметричность разнесенных на столетие судеб автора и Лазаря Авербаха — оба чудом уцелевшие беженцы, оба обживают в Чикаго — позволяет читателю «побывать» в Америке прошлого столетия и настоящего времени, а также на Боснийской войне 1992 г. и на окраинах постсоветского пространства.

Роман Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» — это футуристическая история о любви, смертности, семье и технологиях. В традициях научной фантастики и апокалиптических рассказов Штейнгарт создаёт мир, полный всепоглощающих технологий, которые отвлекают от падения Америки и подъёма новой глобальной экономики. История рассказана через дневники старомодного русского еврея Ленни Абрамова и онлайн-сообщения его юной корейско-американской возлюбленной Юнис Парк. Очевидно, что композиционно, жанрово и содержательно романы очень разные, но интерес представляет именно транслингвальная специфика, язык авторов, для которых английский не является родным.

Анализ материала исследования

Рассмотрим транслингвальные элементы в авторских текстах и стратегии их перевода. Наиболее ярко транслингвизм авторов проявляется на лексическом уровне. В текстах романов встречаются примеры введения транскрибированной единицы без объяснения. Причем эта единица может относиться как к родной культуре автора, так и неродной для автора культуры.

(1) He doesn't want to leave his *kafana*, his friends, his daily routines¹. Сулейо сомневается, не хочет **бросать могилы предков**, друзей, привычную жизнь².

¹ Hemon A. The Lazarus project. New York. Riverhead Brooks, 2008. 293 p. P. 45.

² Хемон А. Проект «Лазарь». Иностранная литература, 2011 г. URL: https://royallib.com/book/hemon_aleksandar/proekt_lazar.html (дата обращения: 10.10.2024).

(2) ... at a restaurant in Turin, I approached a potential client, a classically attractive High Net Worth Individual. He looked up from his wintry *bollito misto*, looked right past me, looked back down at the boiled lovemaking of his seven meats and seven vegetable sauces³.

Оторвался от унылого *bollito misto*, посмотрел мимо меня, перевел взгляд на вареное совокупление семи сортов мяса с семью овощными соусами⁴.

В примере (2) значение иноязычной единицы угадывается англоязычным читателем из контекста: болито мисто (североитальянское ragu) — итальянское блюдо.

В примере (1) — югославское *kafana* выглядит необычно, но в контексте повествования читатель понимает, что это что-то близкое, родное, свойственное привычной жизни человека, что он не хочет остальять, бросать уезжая. Обратим внимание на стратегии, используемые переводчиками в этом случае: переводчик Штейнгарта оставляет иноязычное вкрапление, однако без курсива и без пояснений, так как контекста достаточно. В данном случае сохраняется эффект инаковости (*otherness*) и для англоязычного читателя, и для русскоязычного читателя перевода, поскольку вкрапление не является единицей родной культуры автора. Отдельно хочется обсудить перевод слова *kafana*, предложенный Ю. Степаненко в переводе романа Александра Хемона. Сербскому слову *kafana* тяжело подобрать эквивалент из русских вариантов: трактир, таверна, кафе. Всё не подходит. Кафана это не просто точка общепита, а способ жизни и важнейшее культурное учреждение. В кафанах были основаны первые партии, в кафане «Дарданеллы» заседал первый сербский парламент. В кафане едят, пьют, пляшут и договариваются о делах. В переводе мы видим своего рода компенсацию, к которой прибегает переводчик для создания у русскоязычного читателя образа и понимания того, что чувствует герой. В этом переводе при использовании такой стратегии эффект «чужого» теряется, так как русскоязычный читатель не видит иноязычное вкрапление.

Во всех произведениях присутствуют и иноязычные вкрапления, которые вводятся параллельным подключением, т. е. с использованием комплекса компонентов, которые различным образом называют один и тот же элемент внешней культуры.

(3) Rora's dedo — grandfather — was a Viennese Café regular⁵. Порин дедо — дедушка — тоже был постоянным посетителем кафе «Вена»⁶.

³ Sheingart G. Super sad true love story. New York. Random House, 2011. 335 p. P. 5.

⁴ Штейнгарт Г. Супергрустная история настоящей любви. М.: Эксмо, 2012. 384 с. С. 7.

⁵ Hemon A. The Lazarus project. New York: Riverhead Brooks, 2008. 293 p. P. 128.

⁶ Хемон А. Проект «Лазарь». Иностранная литература, 2011 г. [электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/hemon_aleksandar/proekt_lazar.html (дата обращения: 10.10.2024).

(4) Focus on the work to keep your mind busy, but don't overthink or give in to anxiety. There's going to be loads of tsuris ahead. Trou-ble," he clarified, when I didn't catch on to the Yiddish word⁷.

«Впереди куча *tsuris*. Неприятностей, — пояснил он, поскольку идишского слова я не распознал»⁸.

Сербское *dedo* (дедушка) и еврейское *tsuris* (проблемы, неприятности) в оригинальном тексте вводятся через транскрипцию и перевод. Однако в переводе на русский язык разными переводчиками используются разные способы передачи: транскрибирование с сохранением перевода в примере (3) и сохранение иноязычного вкрапления и пояснения в примере (4).

Помимо вышеперечисленных способов передачи иноязычного вкрапления в переводе переводчики прибегают к стратегии доместикации:

(5) On each floor there sat a *baba*, an older, chubby woman in blue cleaning-personnel overalls, glaring at us as we passed⁹.

На каждом этаже сидела дежурная — упитанная тетка не первой свежести в синей рабочей робе — и провожала нас взглядом¹⁰.

Слово *baba*, которым главный герой описывает женщину-дежурную по этажу в гостинице во Львове, переводчик переводит знакомым и понятным русскоязычному читателю словом «дежурная».

Переводчик Г. Штейнгарта выбирает сохранить иноязычное вкрапление в тексте перевода и дать сноску для пояснения его значения. В данном случае сноска содержит прямой перевод:

(6) She had known me since I was born, back when the Abramov *Mishpocheh* lived in Queens in a cramped garden apartment¹¹.

Меня она знала с рождения, еще когда *mishpocheh* [семья (идиш)] Абрамовых жила в Куинсе¹².

Помимо лексических вкраплений в романах встречаются примеры иноязычных вкраплений на уровне речевых формул:

(7) The bison walked us to the door, kindly wishing us good night. *Dobra nych*, I said¹³.

⁷ Sheingart G. Super sad true love story. New York: Random House, 2011. 335 p. P. 127.

⁸ Штейнгарт Г. Супергрустная история настоящей любви. М.: Эксмо, 2012. 384 с. С. 150.

⁹ Hemon A. The Lazarus project. New York: Riverhead Brooks, 2008. 293 p. P. 123.

¹⁰ Хемон А. Проект «Лазарь». Иностранная литература, 2011 г. [электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/hemon_aleksandar/proekt_lazar.html (дата обращения: 10.10.2024).

¹¹ Sheingart G. Super sad true love story. New York. Random House, 2011. 335 p. P. 12.

¹² Штейнгарт Г. Супергрустная история настоящей любви. М.: Эксмо, 2012. 384 с. С. 16.

¹³ Hemon A. The Lazarus project. New York. Riverhead Brooks, 2008. 293 p. P. 82.

Иноязычная фраза *Dobra nuch* на близкородственном русскоязычному читателю сербском языке теряется в переводе на русский, так как переводчик использует стратегию экспликации и не вводит формулу речевого этикета в текст:

(8) Бизон проводил нас до дверей, пожелал доброй ночи. Я ответил ему тем же на своем родном языке¹⁴.

Рассмотрим еще один пример:

(9) A woman too stable, too sweet, too noble to be an Abramov, no matter how hard she tried to pick up our fine Russian phrases — “*Priglashaiu vas za-stol*” (“I invite you to the table”) — no matter the rich, silky texture of her homemade borscht, a recipe inherited from her Gomel-born great-great-great-grandmother¹⁵.

Переводчик Г. Штейнгарта предлагает более краткую формулу при переводе:

(10) Слишком уравновешенная, слишком милая, слишком благородная — не бывать ей Абрамовой, как ни заучивай русские фразы — «Прошу к столу!», — сколь ни густ, ни бархатист ее борщ по рецепту, унаследованному от прапрапрабабушки из Гомеля...¹⁶.

С одной стороны, мы можем в этом увидеть удачный вариант с точки зрения использованной стратегии доместикации, т.е. о более глубоком чувстве русского языка у переводчика (так как Штейнгарт уехал в 7 лет из СССР, опыт использования русского языка у автора очень ограничен). С другой стороны, мы можем посмотреть на русскую фразу с точки зрения стилистики и графического оформления — тире между предлогом и существительным. Возможно, автор, создавая образ иностранки Нетти Файн, которая пыталась заучить русские фразы, намеренно поставил тире между предлогом и существительным.

В романах часто встречаются и географические названия, которые тоже несут в себе культурно-специфическую информацию. Как правило, на русский язык их переводят, например, г. Черновцы на Западной Украине:

(11) Lazarus had spent time in Chernivtsi — Czernowitz it was back then — the first place he and I now shared, apart from Chicago¹⁷.
Лазарь некоторое время жил в Черновцах (тогда *Czernowitz*) — не считая Чикаго, это был первый город, где мы с ним встретились¹⁸.

¹⁴ Хемон А. Проект «Лазарь». Иностранная литература, 2011 г. [электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/hemon_aleksandar/proekt_lazar.html Дата обращения: 10.10.2024 г.

¹⁵ Sheingart G. Super sad true love story. New York. Random House, 2011. 335 p. P. 325.

¹⁶ Штейнгарт Г. Супергрустная история настоящей любви. М.: Эксмо, 2012. 384 с. С. 373.

¹⁷ Хемон А. The Lazarus project. New York: Riverhead Brooks, 2008. 293 p. P. 125.

¹⁸ Хемон А. Проект «Лазарь» [электронный ресурс]. Иностранная литература, 2011. URL: https://royallib.com/book/hemon_aleksandar/proekt_lazar.html (дата обращения: 10.10.2024).

Однако интересен выбор переводческого решения, когда речь идет о названии города до 1944 г. В 20-х гг. XX в. город был административным центром Буковины в Румынии и назывался ЧерновИцы. Переводчик мог бы перевести, но решил сохранить немецкое вкрапление. Отдельно необходимо обратить внимание на транслингвальную креативность авторов, когда слова родной культуры используются для создания художественного пространства произведения. Так, в футуристическом романе Г. Штейнгарта население живёт с помощью своего устройства, через которое пользователи просматривают потоки информации об окружающем мире, покупают новые вещи и оценивают друг друга. Это устройство автор называет словом *äppärät* и, что интересно, образует форму множественного числа этого существительного по правилам русского языка, добавляя окончание — *и*:

(12) A half-dozen of my fellow citizens were seated behind their chewed-up desks, mumbling lowly into their **äppäräti**¹⁹.

В переводе на русский язык переводчик сохраняет транслингвизм за счет транскрибирования авторского окказионализма на русском языке:

(13) За пожеванными столами, тихонько бормоча в свои эппэрэты, сидели с полдюжины моих сограждан²⁰.

Заключение

Практический анализ материала позволил сформировать список приемов передачи транслингвальности автора при переводе на родной и неродной языки автора и сделать вывод о том, что ощущение инаковости, чужого, иностранного (*otherness*) при переводе на русский язык иноязычных вкраплений из других языков кроме русского сохраняется при использовании транскрипции или при сохранении иноязычного вкрапления, однако теряется при переводе на родной язык автора элементов русской культуры.

Данное исследование лишь небольшой пример в рамках более глобальной тенденции исследований в современном переводоведении, которые сегодня очень нужны, так как остро ощущается необходимость в теоретической модели перевода транслингвальной литературы как на родной, так и неродной языки автора.

Список литературы

1. Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. No. 1(45). С. 94–95.

¹⁹ Sheingart G. Super sad true love story. New York: Random House, 2011. 335 p. P. 8.

²⁰ Штейнгарт Г. Супергрустная история настоящей любви. М.: Эксмо, 2012. 384 с. С. 11.

2. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: монография. Алматы : КБТУ, 2010. 260 с.
3. Canagarajah S. Negotiating Translingual Literacy: An Enactment // *Research in the Teaching of English*, 2013. Vol. 48, no. 1 (August 2013). P. 40–67.
4. Лебедева Е.С., Лупачева Т.А. Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16, № 3. С. 347–357.
5. Hansen J. Olga Grushin’s anglophone novel *The Dream Life of Sukhanov* in Russian // *Translation and Interpreting Studies*. 2016. No. 11 (1). P. 100–117.
6. Petrova E.S. Prognostication in Translating a Bilingual Author // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. No. 8. P. 270–277.

References

1. Bakhtikireeva, U.M. 2015. “Russian language as a current interdisciplinary problem.” *Social and Human sciences in the Far East*, no 1 (45), pp. 94–95. Print. (In Russ.)
2. Tumanova, A.B. 2010. *A contaminated linguistic picture of the world in the literary discourse of a bilingual writer*: monograph. Almaty: KBTU publ. Print. (In Russ.)
3. Canagarajah, S. 2013. “Negotiating Translingual Literacy: An Enactment.” *Research in the Teaching of English*, vol. 48, no. 1, pp. 40-67.
4. Lebedeva, E.S., and T.A. Lupacheva. 2019. “Comparative analysis of linguostylistic features of translingual writers’ works.” *Polylinguality and Transcultural practices*, vol. 16, no. 3, pp. 347–357. Print. (In Russ.)
5. Hansen, J. 2016. “Olga Grushin’s anglophone novel *The Dream Life of Sukhanov* in Russian.” *Translation and Interpreting Studies*, no. 11(1), pp. 100–117.
6. Petrova, E.S. 2015. “Prognostication in Translating a Bilingual Author.” *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 8, pp. 270–277.

Сведения об авторе:

Лебедева Екатерина Сергеевна — старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский пр., д. 31/1, Российская Федерация. ORCID: 0009-0006-4537-0752. E-mail: chaton17@mail.ru

Bio notes:

Ekaterina S. Lebedeva is a Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of Foreign Languages Theory, Lomonosov Moscow State University, 31/1, Lomonosovskiy, Moscow, 119192, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-4537-0752. E-mail: chaton17@mail.ru

АРСЕНАЛ

ARSENAL

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-776-786

EDN: EKJKMG

Научная статья / Research article

Некоторые направления подготовки педагогических кадров по преподаванию РКИ: влияние и результативность цифровизации

Л.Г. Баласанян^{ORCID}, М.М. Испирян^{ORCID}

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Ереван, Армения

✉ liliyabalasan@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены формы влияния цифровизации на процессы подготовки будущих преподавателей русского языка как иностранного, анализируются изменения в системе образования. На основе анализа результатов преподавания РКИ особое внимание уделяется тем трендам, которые привнесли в систему вузовского обучения результативные технологии, инструментарию и создали условия для организации соответствующей адаптации студентов. Также представлены исследования проблем и трансформации университетского образования под воздействием цифровизации.

Ключевые слова: метод, цифровизация, русский как иностранный, онлайн-образование, результативность, виртуальная образовательная среда

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Баласанян Л.Г., Испирян М.М. Некоторые направления подготовки педагогических кадров по преподаванию РКИ: влияние и результативность цифровизации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 776–786. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-776-786>

Some Areas of Teaching Staff Training in Teaching RFL: the Impact and Effectiveness of Digitalization

Liliya G. Balasanyan^{ORCID}, Mariam M. Ispiryan^{ORCID}

Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyana, Yerevan, Armenia

✉ liliyabalasan@mail.ru

Abstract. The authors consider the forms of the influence of digitalization on the processes of training future teachers of Russian as a foreign language, analyze changes in the education system. Based on the analysis of the results of teaching RFL, special attention is paid to those trends that have introduced effective technologies and tools into the system of university education and created conditions for the organization of appropriate adaptation of students. At the same time, studies of the problems and transformations of university education under the influence of digitalization are considered.

Key words: method, digitalization, Russian as a foreign language, online education, effectiveness, virtual educational environment

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Balasanyan, L.G, and M.M. Ispiryan. 2024. “Some Areas of Teaching Staff Training in Teaching RFL: the Impact and Effectiveness of Digitalization.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 776–786. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-776-786>

Введение

Рассматривая процессы трансформации Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна (далее — АГПУ или Университет) под воздействием цифровизации, важно помнить, что высшее педагогическое образование в целом и высшее образование в частности является важнейшим социальным институтом, регулирующим процессы социализации индивида, гражданина, рассматривая его в контексте порядка, управления, стабильности, организатором которых он и становится в будущем [1].

Образовательные программы АГПУ реализует как в естественнонаучных, так и в гуманитарных сферах по трем основным направлениям специализации, на трех уровнях, соответствующих Национальным рамкам высшего образования Армении: бакалавриат, магистратура и научный сотрудник, готовя тем самым специалистов, обладающих необходимыми навыками и знаниями.

На 10 факультетах Университета реализуется 108 образовательных программ по 60 специальностям, из которых: 44 — бакалавриат, 64 — магистратура и 5 — исследовательские по четырем научным направлениям (по выбору студентов иностранный язык или язык специальности может быть «русский язык») [2].

Университет, наряду с образовательной деятельностью, поощряет и поддерживает в том числе научно-исследовательскую деятельность путем создания центров и лабораторий по изучению современных методов обучения русскому языку и методики его преподавания [3].

Именно по этой причине в современной профессиональной и методической литературе по преподаванию РКИ в Армении начали широко обсуждать изменения, имеющие место в связи с активным переходом системы высшего образования к цифровизации своей деятельности. Чаще всего отмечаются преимущества цифровых технологий, привнесенные в образовательные процессы университета:

- 1) широкий доступ преподавателей и будущих учителей к информационным ресурсам;
- 2) возможность создавать проекты;
- 3) прозрачность деятельности;
- 4) изменения форм взаимодействия преподавателей и студентов;
- 5) формирование мобильных структур управления образовательным процессом [4].

Обсуждение

Отметим, что в Университете на основе анализа результатов преподавания русского языка как иностранного мы выявили четыре сформировавшихся тренда, обусловленных внедрением в образовательный процесс цифровых технологий и инструментариев:

- 1) системная модель смешанного обучения;
- 2) периодическое подключение онлайн-обучения;
- 3) создание виртуальной (цифровой) образовательной среды;
- 4) инновационные методы управления процессом обучения [5].

Эти тренды, безусловно, взаимосвязаны, но вместе с тем в каждом из них обнаруживается специфическое влияние на методику преподавания как русского языка, так и других изучаемых иностранных языков.

Переход к онлайн-образованию и создание виртуальной образовательной среды в АГПУ породило потребность в изменении форм управления процессом обучения русскому языку как иностранному. И если эти изменения не планируются кем-то из преподавателей, то цифровизация обучения РКИ приводит к негативным последствиям для студентов и преподавателей. Именно по этой причине для всех четко определена необходимость систематизации и дозировки социальных и психологических эффектов цифровизации процесса обучения и проведения соответствующих лонгитюдных исследований, которые, будучи научными методами, через какое-то время позволяют изменить формы обучения.

В этом контексте необходимо отметить также, что по результатам нашего исследования *цифровизация*:

1) способствует повышению открытости, гибкости форм обучения и качественному усвоению языков, росту вовлеченности студентов в процесс, наиболее качественному владению русской речью и развитию сетевой модели взаимодействия;

2) приводит к созданию совершенно новой образовательной ситуации, включению в систему новых акторов, что меняет, в свою очередь, конфигурацию отношений между основными ее участниками [6].

Таким образом, цифровизация вносит существенные изменения как в процесс обучения, так и в роли, выполняемые преподавателем и студентами, на что потребовались время и адаптация к новым условиям работы.

Отметим также, что в последнее время, под воздействием цифровизации, в АГПУ была разработана *система исследования возникающих образовательных рисков трансформации* университетского образования, в основу которой легла стратегия кейс-стади. Данная стратегия не только позволила привнести изменения в методику ситуативного обучения, основанную на реальной ситуации и проблемах (из-за уровня подготовленности или фактического владения русским языком), но и дала возможность студентам оперативно и самостоятельно принимать решения в различных речевых ситуациях. Отметим, что подобная корректура процесса обучения помогла легко определить приобретенный в школе уровень владения русским языком и обусловила оперативный пересмотр вузовских программ.

Основным выводом по результатам нашего исследования стало понимание, что в основе кейс-стади лежат важные этапы изучения как русского, так и других иностранных языков, их компетентностный подход, обеспечивающий своеобразный комплекс основ установления целей образования, организации самого образовательного процесса и оценки результатов. Не последнее место в этом перечне компетенций заняли «выход в речь» и творческий подход в процессе усвоения и воспроизведения изучаемого материала. При этом в качестве методологической базы исследования нами был предложен *неоинституциональный* подход как методологическая основа, акцентирующая внимание преподавателя и студентов на культурно-когнитивном аспекте трактовки всех изучаемых материалов [7].

Продолжая разрабатывать новые стратегии педагогического образования, Университет опирался на представления студентов, что фиксируется следующей цепочкой: *доступность знаний, личностно-ориентированный образовательный процесс, являющийся залогом непрерывного образования* [8].

Только за последний год в Университете, в соответствии с отраслевой структурой квалификаций, были пересмотрены многие образовательные программы, осуществлен прием на отделение двойной специализации, обеспечивающей востребованность педагогов русского языка в нашей республике. Были также предприняты шаги по обеспечению образовательной и исследователь-

ской связи, в связи с чем АГПУ, будучи единственным педагогическим вузом в столице, претендует на подготовку педагогов-специалистов русского языка новой формации, активно интересующихся вопросами внедрения в образовательный процесс цифровых технологий и необходимых инструментариев.

Бесспорно, ключевым показателем качества высшего педагогического образования Университета являются *конечные результаты обучения*, которые в будущем позволят обеспечить конкурентоспособность выпускника на рынке труда.

А пока, на современном этапе, мы смогли, на наш взгляд, качественно апробировать и внедрить такие технологии и направления обучения, как:

- 1) смешанное обучение;
- 2) онлайн-обучение;
- 3) создание виртуальной (цифровой) образовательной среды;
- 4) изменение подхода к управлению образовательными процессами.

Все эти процессы, безусловно, взаимосвязаны, и каждый из них, в свою очередь, оказывает специфическое влияние на все этапы высшего образования. Интересным и востребованным стало подключение к процессу обучения 1–2-годичных практических занятий: «русский язык (или другой иностранный язык) — язык профессии».

Отметим также, и это показало время и наши наблюдения, что *цифровизация* способствует повышению *открытости и гибкости* всего процесса обучения, росту вовлеченности будущих учителей в процесс обучения русскому языку и методике его преподавания как неродному или иностранному, тем самым способствуя развитию сетевой модели взаимодействия вуза со студентами, заинтересованными в активном сотрудничестве.

Вместе с тем *цифровизация* пока пассивно, но все же приводит к созданию атмосферы и условий *включенности в образовательную систему* новых участников — *учителей*, имеющих высшее, но не педагогическое образование, владеющих не в достаточной мере русским языком, но имеющих опыт работы в школе и т.д.

Представляется, что эта ситуация, диктующая необходимость систематизации социальных эффектов цифровизации педагогического высшего образования и проведения соответствующих лонгитюдных исследований по уровню преподавания русского языка, обогащает уже имеющуюся базу исследований и формы постоянного мониторинга.

Какие выводы сделаны Университетом?

В АГПУ имени Хачатура Абовяна политика мониторинга, оценки эффективности и улучшения образовательных программ и проектов по специальностям сегодня позволяет не только реализовать «процедуру текущего монито-

ринга и пересмотра образовательных программ», согласно которой мониторинг образовательных программ проводится ежегодно в соответствии с графиком и ответственными лицами, утвержденными кафедрой, но и *внедрить инструментарию* постоянного мониторинга: прослушивания, опроса студентов и преподавателей, а также другие формы контроля. Собранный информация в конце учебного года обсуждается на заседаниях кафедр и представляется декану факультета для обсуждения комиссией факультета. Отметим также, что каждые пять лет предусмотрен пересмотр образовательных программ, что позволяет сделать процесс обучения наиболее гибким.

В мониторинге образовательных программ по русскому языку и методике его преподавания Университета, как было отмечено выше, участвуют и заинтересованные лица:

- 1) рассматриваются итоговые отчеты аттестационных комиссий;
- 2) опрос выпускников вуза относительно удовлетворенности полученным образованием;
- 3) обсуждение предложений работодателей, их видения и участия в процессе подготовки учителей и т.д. [9].

Анализ мониторингов образовательных программ по русскому языку и методике его преподавания, реализуемых в Университете, позволил:

- *оценить* качество конечных результатов обучения русскому языку, установленных отраслевой рамкой квалификаций;
- *оценить* достижение целей, предусмотренных курсами русского языка, обеспечивающими эти конечные результаты;
- *проанализировать* ход и уровень получения ожидаемых конечных образовательных результатов по русскому языку как родному, неродному и иностранному;
- *оценить* эффективность процессов преподавания, обучения и оценки умений, навыков и языковой компетенции студентов;
- *изучить* соответствие методов и технологий обучения русскому языку требованиям программы и их актуальность;
- *определить* потребности программы обучения русскому языку в цифровых ресурсах;
- *выявить* трудности в реализации программ по русскому языку;
- *предложить* новые способы улучшения программ и курсов русского языка [10].

Отметим, что мы подвергли SWOT-анализу и основные количественные характеристики профессиональных образовательных программ АГПУ (прием, состав, успеваемость, удовлетворенность студентов, трудоустройство выпускников и т.д.), выявили факторы, препятствующие обеспечению качества владения русским языком, сильные и слабые стороны образовательных программ.

В АГПУ по достоинству оценена «*Характеристика Учителя XXI века*», которая в будущем позволит внедрить действенные ориентиры в программы Университета. В связи с этим новым видением вуз сформулировал для своей дальнейшей деятельности «*Образ Учителя XXI века*», стремясь к подготовке педагогов-исследователей РКИ, обладающих критическим мышлением, способных применять цифровые технологии и готовых к креативной работе с новым поколением.

И наконец, как результат мониторинг помогает *определению и реализации* намеченной стратегии, направленной на корректуру или пересмотр содержания профессиональных образовательных программ, тематических разработок, планирований...

Для преподавателей русского языка (как *родного, неродного и иностранного*) приоритетной целью мониторинга программ обучения как процесса обеспечения контроля за качеством преподавания, безусловно, является полноценная оценка процесса реализации и приведения в соответствие с установленными целями и требованиями предметного и университетского образовательного стандарта (отраслевой рамки квалификаций).

Внедряются инновационные формы и методы работы, в том числе *метод бенчмаркинга*, который в наше время важен в контексте всестороннего улучшения содержания специальных образовательных программ и *возможности осуществлять сопоставительный бизнес-анализ*. С целью оценки эффективности использования новых методов преподавания/обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному планируется проведение дополнительного мониторинга. Думается, что это будет способствовать регулярному обновлению преподавателями Университета базы самостоятельных заданий, предоставляемых обучающимся.

Неожиданным опытом обернулось решение ректората Университета объединять в группы «выбравших» из иностранных языков «русский как язык профессии» магистрантов различных потоков и профессиональных направлений.

Так, в состав одной группы входили *технологи, биологи, географы, физики, армянские филологи, учителя начального, дошкольного и инклюзивного образования*. Может показаться, что преподаватель русского языка как неродного возьмет за основу преподавания только сферу педагогики, но пришлось отказаться от этой идеи, так как кафедра педагогики дает представление о будущей профессии на родном языке, а русский язык, на наш взгляд, должен был обогатить занятия знаниями еще и по таким направлениям, как культура, география страны, история армянского народа, инклюзия и другие сферы.

Решение подсказали интернет-ресурсы... По каждой из имеющихся в аудитории профессий легко обнаруживались *методические и нормативные материалы*, которые можно было сгруппировать и предложить законспектировать.

Магистранты практически к каждому занятию готовили свои тематические презентации, которые не только выявляли новые формы и методы работы, но и предлагали слушателям новые решения по их направлениям. Эта форма работы не только помогала восприятию целей и задач смежных профессий, но и мотивировала приобщиться к новому информационному источнику, прежде не интересовавшему их.

Отметим, что все магистранты закончили бакалавриат и магистратура не всегда является смежным направлением. Времени мало — 2–2,6 года, а узнать предстоит многое.

Так, магистранты начальной школы и технологи объединились в создании проектов по развитию у детей творческого восприятия окружения. Изучая тонкости другой профессии, на первый взгляд кажущейся незначимой, они открывали новые для себя знания. Учебные предметы естественнонаучного направления выделяли разделы (темы) необходимого восприятия и знания для начального, среднего и старшего звена, что диктовало понимание преемственности в обучении, а магистранты инклюзивного образования оказывали достаточно сильное влияние на всех слушателей, погружая их в детали своей будущей профессии, педагогического воздействия, мотивации и рефлексии.

Занятия с магистрантами превращались в творческую лабораторию не столько по поиску инновационных практик своего профессионального направления, сколько по реализации межпредметных связей, поиску новых решений, обогащающих их знания.

Особое место на всех занятиях занимала также работа с глоссарием по всем будущим профессиям, присутствующим в аудитории. Магистранты помогали друг другу находить объяснение многим терминам, зачастую утверждая важность этих терминов и для своей будущей профессии. К каждому занятию они заготавливали 15–20 терминов, их перевод на армянский язык, словосочетания и предложения с ними.

Отметим, что основным, конечно же, было то, что русский язык — язык профессии — наполнялся новым видением, новым пониманием и желанием магистрантов изучить имеющийся опыт работы будущих русскоязычных коллег.

Отметим также, что на всех занятиях была и рубрика «Педагогические проблемы и моя роль при их решении».

Примечательно и то, что к русскому восприятию профессиональных целей и задач методических технологий прибавлялось национальное видение, обогащая тем самым как теорию, так и практику преподавания будущей профессии.

Таким образом, обсуждение проблем с учетом возрастной психологии, культуры общения, мотивации и рефлексии находило свое место на всех занятиях русского языка — языка будущего профессионального общения.

Заключение

Необходимо отметить, что по результатам мониторинга также была частично пересмотрена миссия Университета и функции кафедр — внимание было сфокусировано на методических направлениях обучения студентов русскому и другим иностранным языкам.

Произошли следующие изменения:

1) пересмотрены планируемые итоговые результаты профессиональных образовательных программ в соответствии с требованиями национальной и отраслевой рамок квалификаций;

2) улучшена и обновлена методика реализации учебно-оценочной, педагогической и исследовательской практики, направленной на формирование и развитие способностей студентов;

3) представители профессорско-преподавательского состава университета приняли участие в проведении курсов педагогико-методической переподготовки с целью повышения качества профессиональных, образовательных программ и их описания.

Основными направлениями стала подготовка специалистов-педагогов русского языка:

– способных конкурировать не только на национальном, но и международном рынке труда в социальных, гуманитарных, естественнонаучных сферах, в области культуры и искусства;

– обладающих стабильными профессиональными знаниями, способностями и навыками;

– социально ответственных, руководствующихся национальными, демократическими, гуманистическими ценностями, распространяющих их.

По результатам мониторинга были также четко определены стратегические цели, из которых самая приоритетная — стать *исследовательским университетом* — вузом, придающим особое значение обучению русскому и иностранным языкам будущих и приобщению работающих учителей к широкому спектру навыков, необходимых профессионалам.

Основной и прогрессивной, на наш взгляд, целью Университета остаются разработка и внедрение дорожной карты по превращению вуза в *исследовательский университет*. В этом контексте армянские ученые и методисты призваны продолжить традиции методики преподавания РКИ, имеющей более чем трехсотлетнюю историю...

АГПУ имени Хачатура Абовяна также рассматривает возможность обмена опытом с педагогическими университетами многих стран, изучения аналогичных образовательных программ заинтересованных вузов, приобщение к которым даст возможность поднять ряд проблем, из которых самая важная для образования Республики Армения — обеспечение горизонтальной и вертикальной мобильности.

Список литературы

1. *Минина В.Н.* Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 13. Вып. 1: Социология, 2020. С. 84–101.
2. *Испирян М.М., Азатян Т.Ю.* Рекомендации по улучшению профессионального развития учителей в нестабильных ситуациях // Сб. науч. тр. X Международной научно-практической онлайн-конференции «Педагогическое образование в условиях трансформационных процессов: ресурсы и механизмы обеспечения устойчивого развития общества». 2023. С. 162–166. URL: <https://crpo.bspu.by/>; <https://pedklassy.bspu.by/> (дата обращения: 25.12.2024).
3. *Баласанян Л.Г.* Русский язык в системе образования Республики Армения: некоторые проблемы и инновационные практики в поликультурном обществе // Сб. науч. тр. РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, РФ. 2023. С. 73–79.
4. *Испирян М.М.* Приоритеты АГПУ имени Х. Абовяна: повышение квалификации преподавателей и учителей русского языка // Труды XIII Евразийского научного форума 18–19 ноября 2021 года: сборник статей. Часть III. Санкт-Петербург, 2022. С. 52–62
5. *Малошонок Н.Г.* Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 59–83. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-59-83>.
6. *Баласанян Л.Г.* Вопросы качества и подготовки профессиональной деятельности учителей русского языка школ Армении // Русский язык в Армении. 2011. № 7. С. 310.
7. *Козина И.М., Сережкина Е.В.* Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 65–73.
8. *Есаджян Б.М., Баласанян Л.Г.* Некоторые вопросы управления педагогическим образованием в модернизируемой системе образования РА // Материалы 8-й Всероссийской научно-методической конференции 28–29 января 2016г. «Современная дидактика и качество образования: соотношение индивидуального и коллективного в обучении». Красноярск, 2016. С. 25–134.
9. *Гаспарян Г.М., Испирян М.М., Шахкмян Г.Г.* Практический курс русского языка (Словообразование. Морфология): вспомогательное учебное пособие для студентов филологического факультета. Ереван : Авторское издание, 2007.
10. *Баласанян Л.Г.* «Педагогические технологии» и «технологии обучения» русскому языку вчера и сегодня... // Материалы международной научной конференции, посвящённой 80-летию Кишинёвского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ (8–9.10.20). Кишинев, 2020. С. 336–340.

References

1. Minina, V.N. 2020. "Digitization of higher education and its social results." *Herald of St. Petersburg University*, vol. 13, issue 1. Sociology, pp. 84–101. Print. (In Russ.)
2. Ispiryan, M.M., and T.Yu. Azatyan. 2023. "Recommendations for professional development of teachers in unstable situations." X International scientific and practical online conference "Pedagogical education in the conditions of transformational processes. resources and mechanisms of ensuring sustainable development of society" Proceedings, pp. 162–166. (In Russ.), 25 Jan. 2024 <https://crpo.bspu.by/>; <https://pedklassy.bspu.by/2023>
3. Balasanyan, L.G. 2023. "Russian language in the education system of the Republic of Armenia. some problems and innovative practices in a multicultural society". In RGPU named after Hertsen Collection of Scientific Articles, pp. 73–79. Print. (In Russ.)

4. Ispiryani, M.M. 2022. “Advanced training of teachers and teachers of the Russian language.” Proceedings of the Eurasian Scientific Forum. Collection of articles Part III St. Petersburg, pp. 52–62 Print. (In Russ.)
5. Maloshonok, N.G. 2016. “The relationship between the use of the Internet and multimedia technologies in the educational process with student involvement.” *Questions of education*, no. 4, pp. 59–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-59-83>.
6. Balasanian, L.G. 2011. “Questions of quality and preparation of professional activity of teachers of Russian language schools in Armenia” *Russkij yazyk v Armenii*, no 7, p. 310. Print. (In Russ.)
7. Kozina, I.M., and E.V. Serezhkina. 2015. “The concept of case-stage in social sciences and the French tradition of monographic studies of labor organizations.” *Sociological studies*, no. 1, pp. 65–73. Print. (In Russ.)
8. Esajanyan, B.M., and L.G. Balasanian. 2016. “Some questions of management of pedagogical education in the modernized system of education of RA.” *Materials of the 8th All-Russian Scientific and Methodical Conference, 28–29 January 2016, Krasnoyarsk*, pp. 25–134. Print. (In Russ.)
9. Gasparyan, G.M., M.M. Ispiryani, and G.G. Shakhkamyani. 2007. *Practical Course of Russian language. Auxiliary teaching aid for students of the philological faculty*. Yerevan. Print. (In Russ.)
10. Balasanian, L.G. 2020. “Pedagogical technologies and ‘teaching technologies’ in the Russian language yesterday and today...” *Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the Kishinev State Pedagogical University of Kryang*. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Баласаниян Лилия Гургеновна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна. Республика Армения, 0002, Ереван, Проспект Тиграна Меца, д. 17. ORCID: 0009-0001-3557-371X. E-mail: liliyabalasan@mail.ru

Испирян Мариам Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, проректор по учебной и научной работе, ученый секретарь, Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна Республики Армения, Республика Армения, 0002, Ереван, Проспект Тиграна Меца, д. 17. ORCID: 0000-0002-1974-8698. E-mail: ispiyanmariam@aspu.am

Bio notes:

Liliya G. Balasanian is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan of the Republic of Armenia, 17 Tigran Mets Avenue, 0002, Yerevan, Republic of Armenia. ORCID: 0009-0001-3557-371X. E-mail: liliyabalasan@mail.ru

Mariam M. Ispiryani is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Vice Rector for Academic and Scientific Work, Scientific Secretary of the Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan of the Republic of Armenia, 17 Tigran Mets Avenue, 0002, Yerevan, Republic of Armenia. ORCID: 0000-0002-1974-8698. E-mail: ispiyanmariam@aspu.am

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-787-795

EDN: EKWQCS

Научная статья / Research article

Преподавание русского языка учащимся Индии в условиях многоязычия

Н.М. Румянцева[✉], Д.Н. Рубцова[✉], А. Ананд[✉]

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ rummyantseva_nm@pfur.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам преподавания русского языка в Индии. Актуальность данной работы состоит в анализе развития отношений между Россией и Индией и рекомендациях этнометодического характера в процессе преподавания русского языка в условиях многоязычия. *Методы* исследования: изучение литературных источников открытого типа, изучение методики преподавания русского языка как иностранного в Индии. С целью более глубокого понимания изменений, происходящих в области преподавания русского языка в Индии, авторы кратко излагают историю развития русистики с момента деколонизации до настоящего времени. Отмечено, что история развития русистики в Индии имеет несколько этапов. Первый этап начинается с момента подписания соглашения «О культурном, научном и техническом сотрудничестве» в 1960 г. Второй этап, начало которому положено подписанием соглашения «О создании Института русских исследований в Нью-Дели», характеризуется включением русского языка в учебные планы Университета им. Джавахарлала Неру и началом преподавания русского языка в ряде школ Индии. Третий этап — этап снижения интереса к изучению русского языка, связанный с распадом СССР и отзывом большого числа российских преподавателей на родину. В последнее время наблюдается возрождение интереса к изучению русского языка в Индии. В связи с этим для повышения качества обучения авторы статьи рекомендуют в процессе преподавания РКИ: опираться на язык-посредник; использовать принципы национально-ориентированной методики (этнометодики), которая позволяет учитывать этнопсихологические особенности индийских обучающихся и этностили при обучении русскому языку; создавать учебники и учебные пособия, отвечающие не только современным требованиям методики преподавания РКИ, но и интересам конкретной категории студентов. Указанные принципы этнометодики способствуют как повышению эффективности обучения русскому языку вне языковой среды, так и повышению мотивации к изучению РКИ.

Ключевые слова: языковая ситуация, смешанные языки-гибриды, история русистики, этнометодика, язык-посредник, этнопсихологические особенности, обучение вне языковой среды

История статьи: поступила в редакцию 28.07.2024; принята к печати: 11.10.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Румянцева Н.М., Рубцова Д.Н., Ананд А. Преподавание русского языка учащимся Индии в условиях многоязычия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 787–795. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-787-795>

© Румянцева Н.М., Рубцова Д.Н., Ананд А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Teaching of the Russian Language to Indian Students in a Multilingual Environment

Natalia M. Rumyantseva[✉], Dina N. Rubtsova^{id}, Abhishek Anand^{id}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ rumyantseva_nm@pfur.ru

Abstract. This study is devoted to the problems of teaching the Russian language in India. The relevance of this work is to analyze the development of relations between India and Russian Federation and the recommendations for the ethno-methodic nature of teaching of the Russian language in the context of multilingualism. Research methods: the study of open-source literary sources, the study of the methodology of teaching Russian as a foreign language (RFL) in India. In order to better understand the changes taking place in the field of teaching RFL, the authors briefly outline the history of the development of Russian studies from the moment of decolonization to the present time. The article notes that the history of the development of Russian studies in India has several stages. The first stage begins with the signing of the agreement “On cultural, scientific and technical cooperation” in 1960. The second stage, which began with the signing of the agreement “Creation of Russian Studies Institute in New Delhi”, characterized by the inclusion of curriculum of the Jawaharlal Nehru University and the beginning of teaching in a number of schools in India. The third one is the stage of decreasing interest in learning Russian, associated with related to the collapse of the USSR and the recall of a large number of Russian teachers to their homeland. Recently, there has been a revival of interest in learning Russian in India. In this regard, the authors of the article recommend that in the process of teaching RFL: to rely on the intermediary language; to use the principles of a nationally oriented methodology (ethnomethodics), which allows taking into account the ethnopsychological characteristics of Indian students and ethnos when teaching the Russian language; to create textbooks and teaching aids that meet not only the modern requirements of the teaching methodology of the RFL, but also the interests of a specific category of students. These principles of ethnometrics contribute both to improving the effectiveness and quality of teaching the Russian language outside the language environment, and to increasing motivation to study the Russian language.

Key words: linguistic situation, mixed hybrid languages, history of Russian studies, ethnomethodics, intermediary language, ethnopsychological features, learning outside the language environment

Article history: received 28.07.2024; accepted 11.10.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Rumyantseva, N.M., Rubtsova, D.N., and A. Anand. 2024. “Teaching of the Russian Language to Indian Students in a Multilingual Environment.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 787–795. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-787-795>

Введение

На сегодняшний день языковая ситуация в Индии отличается сложностью и неоднородностью: языковая коммуникация в разных регионах Индии представлена двадцатью четырьмя языками, которые взаимосвязаны не только контактами между языковыми общностями, составляющими население одного

политико-территориального объединения, но и своим отношением к континууму коммуникации данного общества, среди которых наиболее многочисленными являются:

- хинди (штаты Раджастан, Мадхья-Прадеш) — 258–422 млн человек;
- маратхи (штат Махараштра) — 72 млн человек;
- урду (штаты Кашмир, Бихар, Махараштра) — 52 млн человек;
- гуджарати (штат Гуджарат) — 46 млн человек;
- каннада (штат Карнатака) — 38 млн человек (по данным сайта: Официальный государственный язык в Индии. URL: <https://visasam.ru/samotur/lang/yazyk-v-indii.html>).

Кроме того, в Индии насчитывается более 2000 диалектов. Языковые диалекты в Индии являются важной частью ее культурного наследия. Они отражают разнообразие, богатство и глубину индийской культуры.

В основу распространения того или иного языка положен территориальный признак. Создание языковых штатов — один из самых важных этапов демократического решения национального вопроса в многонациональной стране, каковой является Индия. Объединение в одном штате населения, говорящего на одном и том же языке, имеет большое значение для развития каждого национального языка данной страны и расширения сфер его социального функционирования.

В Конституции Индии отмечено, что два языка — хинди и английский — являются двумя языками работы национального правительства, а следовательно, — двумя официально признанными государственными языками Республики Индия. Английский язык и англоязычная культура оказывают существенное влияние на жизнь многих этнических групп в Индии за счет его использования в современных средствах массовой информации, электронных средствах связи, сети Интернет¹.

При характеристике форм английского языка в Индии нередко выделяют так называемые смешанные языки — гибриды: хинглиш (английский язык + хинди), панджабиш (английский язык + панджаб), урдиш (английский язык + урду) и индийский вариант английского языка (ИА), который считается официальным, государственным языком [1. С. 145–149].

Согласно статистическим данным, в современной Индии большинство жителей используют «хинглиш». Данный вариант английского языка используется в основном в кино, на телевидении, особенно на музыкальных и развлекательных каналах, в рекламе, в речи современной молодежи и среднего класса индийцев, имеющих работу в иностранных компаниях. «Хинглиш» является языком субкультуры определенного класса этнических индийцев, проживающих или рожденных за пределами Индии. А.А. Сигорский опре-

¹ *Сирица Е.А.* К проблеме изучения языковой ситуации в Индии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 61–66.

деляет «хинглиш» как высшее проявление диглоссии, когда два языка воспринимаются как один язык [2. С. 349–359]. По мнению профессора Дэвида Кристалла, 350 миллионов индийцев активно владеют «хинглиш» и считают его своим вторым языком [3. С. 12–14].

Следует отметить, что «хинглиш» содержит значительное количество заимствований из английского языка, претерпевших фонетическую интерференцию или проявивших фонетическую вариативность. Целый ряд англицизмов, вошедших в хинди, относится к области техники, транспортных средств, сельскохозяйственного производства, связи, науки, дипломатии, быта, делопроизводства, религии, военного дела, спорта, торговли, финансов. Практика преподавания в высших учебных заведениях показала, что учащиеся владеют английским языком в разной степени, что затрудняет их обучение в вузах.

Изучение английского языка и хинди начинается в индийских школах и продолжается в колледжах и университетах, где лекции и практические занятия, как правило, проводятся на английском языке.

Обсуждение

Активное изучение русского языка в Индии началось после процесса деколонизации, когда Советский Союз оказывал поддержку в становлении основных отраслей промышленности Индии. С развитием экономических, политических, торговых и культурных связей возрос и интерес к изучению русского языка.

Кратко остановимся на истории развития русистики в Индии.

Отметим, что впервые начали преподавать русский язык в Индии в 1946 г. в Делийском университете, а в октябре 1947 г. в этом университете была открыта первая в стране кафедра русского языка. Немного позднее были открыты курсы русского языка и в других университетах страны — Алахабадском (1947 г.), Османском (1958 г.), Пунском (1964 г.) [4. С. 12].

Более активное изучение русского языка в Индии началось к середине XX в., после визита премьера Джавахарлала Неру и писателя Рабиндраната Тагора в СССР в 1955 г.

12 февраля 1960 г. между СССР и Индией было подписано соглашение «О культурном, научном и техническом сотрудничестве». В рамках данного соглашения в Индии начали работать советские специалисты. Среди них были и преподаватели русского языка. Однако в это время русский язык ещё не был обязательным предметом изучения в университетах. Он изучался факультативно, по два-три часа в неделю.

И только с подписанием соглашения «О создании Института русских исследований в Нью-Дели» 27 октября 1965 г. русский язык стал предметом обязательным для обучения. Он вошел в учебные планы этого Института. В 1969 г. Институт стал одной из структур Университета им. Джавахарлала Неру и был

переименован в «Центр русских исследований при Школе языков, литературы и культурных исследований».

Отметим также, что в настоящее время преподавание русского языка в Индии ведется в четырех индийских школах городов Карад (штат Махараштра), Шринагар (штат Джамму и Кашмир), Коимбатур и Ченнаи (штат Тамилнад), более чем в 50 вузах. Главные центры изучения русского языка как иностранного — это Университет в Нью-Дели, Центральный университет английского и иностранных языков в городе Хайдерабад, Пунский университет, Бамбейский университет в Мумбаи и Университет им. Мухараджи Саяджирао в Бароде [5].

Необходимо сказать о том, что в Индии существует Индийская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (ИНДАПРЯЛ), которая была создана в 2004 г. Сейчас в ней насчитывается более ста преподавателей-русистов из разных университетов, институтов, школ и других учреждений Индии. Как отмечала в 2019 г. Мину Бхатнагар — ныне экс-Генеральный секретарь ИНДАПРЯЛ: «В Индии существует большой интерес к изучению русского языка. В настоящее время более чем в 50-ти вузах Индии ведутся курсы русского языка. Главными центрами преподавания русского языка и литературы являются Университет им. Джавахарлала Неру, Делийский университет в Нью-Дели, а также Центральный университет английского и иностранных языков в г. Хайдерабад. В школах у нас, к сожалению, русский язык не так широко представлен. Насколько нам известно, русский язык входит в учебную программу только некоторых школ в Дели, Мумбаи и в некоторых других городах»².

Важным центром русистики в Индии является также Российский центр науки и культуры (РЦНК) или, как его называют, «Русский дом» в Нью-Дели. Он имеет представительства в Ченнаи, Мумбаи, Травандруме и Калькутте. Там организованы и функционируют курсы русского языка, работающие по российским государственным программам и учебникам. На курсах не только обучают русскому языку, но и знакомят слушателей с российской историей и культурой.

Тем не менее начиная с 2000-х гг. русистика в Индии снизила свои темпы: уменьшается число желающих изучать русский язык, снижается количество индийских специалистов, желающих посещать различные курсы повышения квалификации, международные конференции. В этой связи, как отмечает В. Тотавар, «языковая компетенция индийских преподавателей-русистов заметно снизилась, а культурологические знания о России во многом устарели». Значительно сократились и возможности общения между индийскими и российскими преподавателями, работающими в Индии, так как многие российские преподаватели были отозваны из индийских учебных заведений на родину в связи с распадом СССР [6. С. 14].

² RUS.STUDY. URL: <https://rus.study/news/12?ysclid=m24yix8bu9870123102> (дата обращения: 23.07.2024).

И все же индийцы продолжают изучать русский язык в университетах, институтах и на курсах, хотя количество обучающихся заметно сократилось. С целью повышения внимания к русскому языку и его преподаванию специалисты обеспокоены вопросами: какие методы, приемы, формы работы с индийскими учащимися на занятиях по русскому языку следует использовать, чтобы привлечь их к изучению РКИ, повысить их мотивацию?

По нашему мнению, одним из ответов на вопрос активизации преподавания является более активное использование принципов национально-ориентированной методики (этнометодики) преподавания иностранных языков, в частности русского. Как показывают исследования и практика преподавания РКИ, особенно важным данный подход является в процессе обучения слушателей вне языковой среды. Анализ российских научных исследований (диссертаций, монографий, статей) показывает, что в теории и практике преподавания РКИ в последнее время весьма актуальна идея этнометодики, которая неразрывно связана с национально-ориентированной методикой преподавания русского языка, получившей развитие в последней четверти прошлого века. (В.Н. Вагнер, Т.М. Балыхина, М.Н. Кожевникова, И.А. Пугачев, Чжао Юйдзянь и др.) [4. С. 12].

Очевидно, что простота и трудность усвоения иностранного языка в определенной степени зависит от близости изучаемого и родного языков или языка-посредника. Что касается использования английского языка в процессе обучения русскому языку вне языковой среды индийских учащихся (английский язык является вторым государственным языком наряду с хинди), то и в этом случае опора на второй язык также является положительным инструментом в процессе изучения РКИ. Это тем более оправданно в моноэтнических группах, изучающих русский язык.

Известный советский и российский ученый в области преподавания русского языка как иностранного Вагнер Вера Николаевна отмечала, что «Ориентация на родной язык учащихся — это не один из принципов национально-языковой ориентации, а лингводидактическая основа данной методики, на которой реализуются ее отдельные принципы: сознательность, системность, коммуникативная направленность» [4. С. 13].

Вне сомнения, использование родного языка или языка-посредника позволяет оптимизировать учебный процесс, особенно на начальном этапе, повышает качество обучения неродному языку. Родной язык (язык-посредник) — это:

- средство объяснения грамматического материала. В этом случае их роль двойка. Это и язык, на котором ведется объяснение, и материал сопоставления;
- средство семантизации лексических единиц. В этой функции родной язык (язык-посредник) используется только в том случае, если не помогают приемы демонстрации, догадки слова по его форме или иноязычного толкования значения;

– контроль понимания, знания грамматических структур или лексических единиц. Это особенно важно в случаях полисемии или омонимии;

– обеспечение учебного процесса (команды, инструкции к заданиям, формулировка цели и темы урока, представление речевой ситуации). Письменные инструкции и комментарии на родном языке (языке-посреднике) особенно необходимы на начальном этапе обучения, так как перевод помогает обеспечить и самостоятельную работу учащихся. Особенно важны подобные комментарии реалий в начальный период обучения, тем более при изучении иностранного языка вне языковой среды.

Учёт и определение национального характера (психического склада) учащихся — проблема, безусловно, важная и сложная, связанная с установлением некоторых устойчивых качеств определённого этноса, особенностей восприятия им окружающего мира. И в этнометодике значительное место отводится изучению этнопсихологических особенностей обучающихся, их национальных характеров. Под национальным характером мы понимаем модель поведения представителя определённого этноса, которая является типичной для данного народа. И обучая русскому языку, в частности граждан Индии, преподаватель должен учитывать их психологические особенности.

Безусловно, преподаватели должны знать черты характера, присущие большинству индийцев. Они должны познакомиться с историей, культурой, традициями, религиями индийского народа, адекватно понимать тех, кого они обучают. Но так как население Индии по переписи 2022 г. составляет один миллиард четыреста семнадцать миллионов человек, а в стране насчитывается несколько сотен наций, народностей и племён, то очевидно, что индийцы различаются по характеру. Однако большинству из них присущи такие черты, как артистичность, общительность, любознательность и любопытство. Они доброжелательны, миролюбивы, консервативны и религиозны. А потому и учёт психологических особенностей учащихся в процессе преподавания русского языка, как показывает практика, во многом способствует повышению качества обучения.

Не менее важным является и учёт этностилей в овладении языком. Современные психологи выявили два основных стиля овладения иностранным языком — коммуникативный и некоммуникативный или «интуитивно-чувственный и рационально-логический». Учащиеся коммуникативного типа предпочитают интуитивный путь изучения языка. Они легко усваивают язык в процессе речевого общения. В большинстве случаев им не нужны подробные теоретические объяснения грамматического материала. Студенты коммуникативного типа с интересом выполняют упражнения речевого характера. Они широко используют языковую догадку, прогнозируют развитие процесса общения, любят игровые задания, быстро осваиваются в ситуации и приспосабливаются к партнёру. Учащиеся некоммуникативного типа, напротив, стремятся глубоко проанализировать языковой материал, выявить логико-грамматические

закономерности в языке. Они предпочитают сознательный путь изучения иностранного языка, тщательно осмысливают новую грамматику. Для данного типа студентов важны правила, речевые образцы, языковые упражнения, а не общение на изучаемом языке. Индийские учащиеся в своём большинстве относятся к коммуникативному типу овладения русским языком.

Знание богатой индийской культуры, традиций, обрядов, обычаев, а также особенностей этикета — всё это необходимые составляющие этнометодики преподавания РКИ. Ознакомление с этнопсихологическими особенностями индийской аудитории в значительной степени способствует более успешному овладению учащимися русским языком.

Очевидным является тот факт, что учебники и учебные пособия занимают центральное место среди средств обучения в педагогическом процессе. Для методистов-составителей учебник представляет собой свод инструкций учебных действий для работы над предметным материалом, специалисты-предметники видят в учебнике модель целевой области знания, поведения, деятельности. А дидакты и психологи уверены, что, будучи моделью учебно-воспитательного процесса и определённой педагогической системы, учебник реализует ту или иную концепцию усвоения и управления усвоением предметных знаний [8].

Заключение

Таким образом, эффективное и качественное преподавание русского языка учащимся Индии вне языковой среды, в условиях многоязычия, требует учёта определённых условий:

– преподаватель должен учитывать тот факт, что два языка — хинди и английский — являются официально признанными государственными языками Республики Индии и учащиеся вузов должны владеть ими в определённом объёме. Опора на язык-посредник облегчает процесс усвоения русского языка. Однако в Индии большинство жителей используют «хинглиш», что в определённой степени усложняет процесс коммуникации между индийскими учащимися и российскими преподавателями;

– знание этнопсихологических особенностей учащихся Индии способствует повышению качества обучения русскому языку и эффективности процесса обучения в целом;

– необходимо создать новые учебники, учитывающие принципы этноориентированной методики преподавания иностранных языков.

Список литературы

1. Социолингвистика: словарь-справочник / [автор-составитель Жеребило Т.В.]. Новосибирск : Назрань, 2011. С. 145–149.
2. Сигорский А.А. Все смешалось в хиндиязычном ареале: языки, диалекты, говоры. Москва : Восточная литература, 2008. С. 349–359

3. *Тотавар В.* Русистика в Индии // Вестник НовГУ. 2007. № 43. С. 12–14.
4. *Вагнер В.Н.* Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим. Москва : Владос, 2001. С. 12.
5. *Краснова Г.А.* Открытое образование. Цивилизационные подходы и перспективы. Москва : РУДН, 2002.
6. *Вятютнев Н.М.* Методы обучения и теория учебника. Москва : Рус. яз., 1984.

References

1. Zherebilo, T.V. (author-compiler). 2011. *Sociolinguistics: Dictionary and Reference*. Novosibirsk: Nazran, pp. 145–149. Print. (In Russ.)
2. Sigorsky, A.A. 2008. *Everything is mixed up in the Hindi-language area: languages, dialects, subdialects*. Moscow: Eastern Literature publ., pp. 349–359. Print. (In Russ.)
3. Totavar, V. 2007. “Russian Studies in India.” *Bulletin of Novgorod State University*, no 43, pp. 12–14. Print. (In Russ.)
4. Wagner, V.N. 2001. *Methods of Teaching Russian to English-Speaking and French-Speaking Students*. Moscow: Vlados publ., p. 12. Print. (In Russ.)
5. Krasnova, G.A. 2002. *Open Education. Civilizational Approaches and Prospects*. Moscow: RUDN publ. Print. (In Russ.)
6. Vyatutnev, N.M. 1984. *Teaching Methods and Textbook Theory*. Moscow: Russian language publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Румянцева Наталья Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, старший преподаватель, кафедра № 3, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 3. ORCID: 0000-0001-7724-7317. E-mail: rummyantseva_nm@pfur.ru

Рубцова Дина Николаевна — доктор педагогических наук, профессор, старший преподаватель, кафедра № 3, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 3. ORCID: 0000-0002-7552-8147. E-mail: rubtsova_dn@pfur.ru

Ананд Абхишек — докторант, кафедра № 3, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 3. ORCID: 0009-0007-0555-0027. E-mail: 1042225300@pfur.ru

Bio notes:

Natalia M. Rummyantseva is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Senior Teacher, Department No. 3, Institute of the Russian Language, RUDN University, 10, building 3, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7724-7317. E-mail: rummyantseva_nm@pfur.ru

Dina N. Rubtsova is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Senior Teacher, Department No. 3, Institute of the Russian Language, RUDN University, 10, building 3, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7552-8147. E-mail: rubtsova_dn@pfur.ru

Abhishek Anand is a postgraduate student, is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Senior Teacher, Department No. 3, Institute of the Russian Language, RUDN University, 10, building 3, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-0555-0027. E-mail: 1042225300@pfur.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-796-809

EDN: ELWAEE

Научная статья / Research article

Эмоциональная составляющая обучения РКИ иранских учащихся как цель и средство достижения оптимального результата

В. Резвани¹, А.А. Шульдишова²

¹ Университет Альзахра, Тегеран, Исламская Республика Иран

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shuldishova-aa@rudn.ru

Аннотация. Анализируются приёмы мотивации обучения русскому языку иранских студентов; представлены методические подходы к использованию их в технологии обучения. Рассмотрены активные способы обучения, их особенности, эффективность для повышения качества освоения изучаемого предмета с учётом мнений западных и российских ученых-педагогов. В соответствии с поставленной задачей исследование опирается на результаты, полученные в опросе, касающемся оценок и мнений об «эмоциональных» методах воздействия на процесс освоения языка. Это инклюзивное понятие относится ко всем педагогическим методам, касающимся эмоций учащихся. В опросе приняли участие 114 студентов бакалавриата по русскому языку в иранских государственных университетах. Анкетирование проведено в условиях пандемии COVID-19 и ориентировано, во-первых, на определение предпочтений, отдаваемых студентами при выборе очной или дистанционной формы обучения, во-вторых, на оценку игровых технологий (Role-playing), просмотра фильмов, ведения дискуссий, постановку спектаклей студентами, в-третьих, на оценку целесообразности использования социальных сетей и обучающих программ, а также применения интерактивно-гибридного метода обучения. По результатам опросов, 85,9 % студентов выразили недовольство процессом виртуального обучения. 53 % положительно оценили сочетанное применение вышеназванных методов.

Ключевые слова: эмоции, мотивация, обучение, русский язык, иранская аудитория

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Резвани В., Шульдишова А.А. Эмоциональная составляющая обучения РКИ иранских учащихся как цель и средство достижения оптимального результата // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 796–809. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-796-809>

© Резвани В., Шульдишова А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Emotional Component of Teaching RFL to Iranian Students as a Goal and Means of Achieving Optimal Results

Vajihe Rezvani¹ , Alina A. Shuldishova²

¹ Alzahra University, Tehran, Islamic Republic of Iran

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

 shuldishova-aa@rudn.ru

Abstract. The study analyzes the methods of motivation for teaching Russian to Iranian students; methodological approaches to using them in teaching technology are presented. The active methods of teaching, their features, and effectiveness for improving the quality of mastering the subject are considered, taking into account the opinions of Western and Russian scientists and teachers. In accordance with the task, the study is based on the results obtained in a survey concerning assessments and opinions about “emotional” methods of influencing the process of language acquisition. This inclusive concept applies to all pedagogical methods concerning students’ emotions. 114 undergraduate students in Russian at Iranian state universities took part in the survey. The survey was conducted in the context of the COVID-19 pandemic and focused on 1) determining the preferences given by students when choosing full-time or distance learning; 2) evaluating game technologies (Role-playing), watching films, conducting discussions, staging performances by students; 3) evaluating the feasibility of using social networks and training programs, as well as the use of an interactive hybrid learning method. According to the survey results, 85.9% of students expressed dissatisfaction with the virtual learning process. 53% positively assessed the combined use of the above-mentioned methods.

Key words: emotions, motivation, learning, Russian, Iranian audience

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Rezvani, V., and A.A. Shuldishova. 2024. “The Emotional Component of Teaching RFL to Iranian Students as a Goal and Means of Achieving Optimal Results.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 796–809. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-796-809>

Введение

Система образования в настоящее время претерпевает глубокие изменения. Согласно исследованиям, проведенным экспертами, благодаря «регулярному» обучению усваивается только 30 % того, чему учат, в то время как при эффективном использовании эмоциональных методов эффективность обучения возрастает до 70 %.

Для решения педагогических задач преподавателю необходимы: а) методические знания (система ориентиров, лежащая в основе его обучающих действий, и факторов: общепедагогических, психологических, этнопсихологических, физиологических, лингвистических и т.д., позволяющих педагогу принять в каждом конкретном случае оптимальное решение); б) умение принять нужные методические решения; в) умение реализовать эти решения на практике [1. С. 15].

Вопрос «как обучать?» всегда актуален, так как образование — процесс непрерывный. Карл Роджерс и Джером Фрейберг в «Свободе Учиться» и Василий Давыдов в своих работах провозглашали гуманитарно-мировоззренческие и ценностно-смысловые, а не «технологические» критерии [2. С. 52]. В исследованиях А.Н. Печникова, А.Г. Мухиной, Ф.М. Рахматуллиной ведущими учебными мотивами у студентов наряду с профессиональными являются познавательные, прагматические, личного престижа [3. С. 79]. Обучение языку касается не только содержания речи, но также таких вопросов, как «кто говорит?», «с кем?», «когда?» и «где?» как важных факторов реализации коммуникативного подхода. Нельзя также забывать о культуре и быте народа — носителя изучаемого языка.

Группа информантов: к исследованию влияния применяемых методов обучения языку на его результативность были привлечены студенты, изучающие русский язык в тегеранских университетах.

Инструмент исследования: электронная анкета, включающая 30 вопросов, суть которых направлена на выявление эффективности применяемых методов обучения РКИ в Иране. Часть анкеты, идентифицирующая опрашиваемых, содержала вопросы, касающиеся возраста, пола, года поступления в университет. Последующие вопросы связаны со степенью доступности студентам интеллектуальных инструментов массовой коммуникации. 91 % опрошенных имел надёжный доступ к инфраструктуре дистанционного обучения. Далее предлагалось по шкале Лайкерта оценить/охарактеризовать степень успешности и эффективности — от «полностью согласен/а» «согласен/а», «без мнения», «не согласен/а» и «полностью не согласен/а».

Ответы участников опроса отображают их отношение к испытаниям (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Ответы участников опроса, чел. / Responses of survey participants, people

Переменная / Variable	Классификация / Classification	Количество / Quantity
Пол / Sex	Девушки / women	97
	Юноши / men	8
Возраст / Age	19	15
	20	21
	21	29
	22	29
	23	12
	24	5
	25	1
	26	2
Год поступления в вуз / Year of admission to the university	2016–2020	

Источник: составлено В. Резвани, А.А. Шульдишовой
Source: compiled by V. Rezvani, A.A. Shuldishova

Результаты и обсуждение

Интерактивные методы, применяемые в иранской аудитории

1. Очное и дистанционное обучение

Классический способ организации обучения известен всем: учащиеся собираются в назначенном помещении, и преподаватель (или профессор) проводит занятие. Среди популярных современных методов обучения обычно выделяют: 1) прямой; 2) грамматико-переводной; 3) аудиолингвальный; 4) структурный подход; 5) метод полного физического реагирования (TPR); 6) коммуникативное преподавание языка (CLT); 7) естественный подход; 8) обучение языку на основе задач (TBL); 9) суггестопедия; 10) метод молчания; 11) функционально-национальный подход [4. С. 15]. Эти методы внедряются по мере необходимости в процессе оценки обстановки обучения, поскольку обучение — это интерактивная работа. В ней участвуют и учитель, и учащийся, при этом можно ориентироваться на одного или нескольких из них.

У дистанционного обучения есть некоторые преимущества: а) доступность электронных библиотек, которые преподаватели и студенты обычно сохраняют в своих ноутбуках и флеш-накопителях; б) возможность онлайн-подключения к академическим и специализированным библиотекам при онлайн-обучении. Иными словами, они могут быть использованы для сравнения учебных материалов из нескольких специализированных источников. Кроме того, заочное (виртуальное) обучение намного дешевле очного, особенно для «неместных» и иностранных студентов. Исчезают временные и пространственные ограничения [5. С. 118]. Еще одно преимущество виртуального обучения связано с гибкостью учебной программы, позволяющей принимать студентов на обучение с частичной занятостью.

Развитие технологий дистанционного обучения и онлайн-образования невозможно без улучшения информационной и коммуникационной инфраструктуры университетов, разработки (или приобретения) специального программного обеспечения, централизованной (для всех университетов) разработки новых программных решений и установки совместимых систем DLE (Distance Learning Technology and Online Education) в университетах [6. С. 12].

В связи с возникшей пандемией и необходимостью перехода к виртуальному образованию иранские университеты, как и все университеты мира, включили этот вопрос в свою повестку дня и постарались не прерывать учебный процесс.

В проведенном анкетировании результаты были далеки от предполагаемых. 86 % участников выразили недовольство виртуальным обучением. Причины недовольства были различными: основная проблема — отсутствие надежной и эффективной взаимной связи между преподавателем и студентами, так как студенты были предрасположены к привычному зрительному (face to face)

контакту на очных уроках. Следующей причиной было отсутствие качественного интернет-соединения, вследствие чего большинство предпочли очную форму обучения иностранному языку. По нашему мнению, фактор возраста также влияет на отношение к выбору формы обучения: в возрастном сегменте 20–26 лет доминировала главная цель обучения — получение знаний и повышение квалификации. Эта возрастная группа эмоционально более зависима и, возможно, именно поэтому более восприимчива к программам очного обучения. В этой категории обучающихся взаимодействие с преподавателем считается одним из эффективных компонентов обучения. Бахтин также подтверждает полученные нами результаты, «просто „нормальное“ образование должно быть живым и *очным*» [2. С. 57].

Такие методы обучения в иранской аудитории, как игровая деятельность, постановка спектакля, проведение дискуссии по актуальным темам, участие студентов в преподавании, организация студенческих мероприятий, использование социальных сетей и присутствие преподавателей и учащихся в них «на прямой связи» и другие виды и способы контактного интерактивного обучения, оценивались студентами как очень позитивные и плодотворные.

2. Роль игровой деятельности в обучении языку

Игровая деятельность — очень распространенный вид учебной работы, используемый при обучении иностранным языкам. Это объясняется спецификой предмета, главная цель которого — обучение языку как средству общения. Игра обеспечивает взаимное общение всех участников и мотивирует речевую деятельность с учетом психолого-педагогической природы, потребностей и интересов обучающихся [7. С. 125].

В процессе игровой деятельности появляется возможность удовлетворения желания «быть увиденным». Однако следует учесть, что потребность быть увиденным — экзистенциальная и фундаментальная характеристика человека, и не все люди одинаково испытывают эту потребность. Необходимость быть увиденным зависит как минимум от психологической структуры личности с точки зрения экстраверсии и интроверсии [8. С. 215].

При разработке ролевых игр в языковом классе необходимо учитывать три основных момента: 1) роли учащихся (кто кого опрашивает), 2) место встречи (где происходит беседа) и 3) содержание (о чём говорить). Компоненты ролевой игры должны продуманно проектироваться и контролироваться. Результаты показывают, что ролевые игры более эффективны, если ролевые и языковые ситуации максимально соответствуют опыту и потребностям учащихся, а роль участника — его статусу в реальной жизни [9. С. 356].

Опросы, проведённые в иранской аудитории, подтверждают мнение Давыдова о «развивающем обучении»; в играх студенты отвлекаются от обычного, сухого стандарта преподавания, активизируется эмоциональная реакция, что

приводит к стремлению овладеть языком. Например, когда в ограниченное время следует исправить ошибочно написанный текст или когда нужно догадаться о теме дискуссии, не опираясь на ключевые слова, связанные с темой дискуссии, или нужно разгадывать ребусы и шарады. Всё это развивает лексические и семантические навыки.

Участие в спектаклях вместе со сверстниками на любом уровне языковой подготовки — один из эффективных способов обучения. Заучивание наизусть всех диалогов, выступление перед публикой и контакт с участниками группы способствуют пополнению словарного запаса, избавлению от смущения и неуверенности в общении с другими, приобретению чувства солидарности и интеграции в ситуации, когда нужно быть одной командой и добиваться общей цели, стоящей перед группой.

Дискуссионные уроки

Интерактивный (от «inter» — ‘взаимный’ и «act» — ‘действовать’) — означает совместное пребывание в режиме беседы, диалога с кем-либо. Интерактивные методы ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и друг с другом, на доминирование активности студентов в процессе обучения. Место преподавателя на интерактивных занятиях сводится к направлению деятельности студентов на достижение целей занятия. Преподаватель также разрабатывает план занятия (обычно это интерактивные упражнения и задания, в ходе выполнения которых студент изучает материал). Цель состоит в создании комфортных условий обучения, при которых студент или слушатель ощущает свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность. Это делает продуктивным сам процесс обучения. А цель в конечном итоге сводится к тому, чтобы дать знания, выработать необходимые навыки, а также создать базу для решения проблем после того, как обучение закончится.

В коммуникативных классах каждый ученик обсуждает себя как личность и со сверстниками, и с учителями. В результате меняется роль учащихся в овладении языком — из пассивных получателей в структуралистской модели обучения они превращаются в активных участников учения с коммуникативными потребностями. Роль учителей также меняется: из преподавателей, передающих знания, в фасилитаторов, координирующих учебный процесс. Поощряется взаимодействие учащихся друг с другом на изучаемом языке в классах, а также общение с носителями целевого языка в реальном мире за пределами классной комнаты.

При опросе студенты подтвердили эффективность обсуждений актуальных проблем: в таких ситуациях сокращается дистанция между студентами и преподавателями, а эмоциональное сближение позитивно воздействует на процесс освоения языка. Единственным общим приоритетом для большинства

участников опроса было желание предварительного знакомства с обсуждаемой темой. Предпочтение понятно: зная, о чем будет идти речь, учащиеся могут подобрать соответствующие слова, лучше подготовиться к беседе, не уклоняться от участия из-за недостаточного запаса слов. В дискуссиях можно применять различные виды вопросов по мере повышения уровня «готовности языка» (как указано в «ромашке или кубике Блума»). В процессе обсуждения происходит «мозговой шторм». Студенты начинают истолковывать и анализировать вопросы, составлять соответствующие ответы. По мере возрастания сложности вопросов учащиеся направляют усилия на подготовку ответов и, следовательно, на формирование языковых навыков. Повторение ситуаций закрепляет навыки использования изученных конструкций. Приведенные примеры демонстрируют градиент сложности вопросов (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Примеры вопросов / Question examples

Структура / вопросы / Structure / Questions	Примеры / Examples
1. Простые вопросы / Simple questions	Вопросы, отвечая на которые, нужно назвать какие-то факты, вспомнить и воспроизвести определенную информацию: «Что?», «Когда?», «Где?», «Как?» / Questions that require you to name some facts, remember and reproduce certain information: “What?”, “When?”, “Where?”, “How?”
2. Уточняющие вопросы / Clarifying questions	Такие вопросы обычно начинаются со слов: «То есть ты говоришь, что...?», «Если я правильно понял, то...?», «Я могу ошибаться, но, по-моему, вы сказали о...?». Целью этих вопросов является предоставление обучающемуся возможностей для обратной связи относительно того, что он только что сказал / These questions usually begin with the words: “So what you’re saying is...?”, “If I understand you correctly, then...?”, “I may be wrong, but I think you said...” The purpose of these questions is to provide the learner with opportunities for feedback on what he or she has just said.
3. Интерпретационные (объясняющие) вопросы / Interpretive (explanatory) questions	Обычно начинаются со слова «Почему?» и направлены на установление причинно-следственных связей: «Почему листья на деревьях осенью желтеют?» / They usually start with the word “Why?” and are aimed at establishing cause-and-effect relationships: “Why do leaves on trees turn yellow in the fall?”
4. Творческие вопросы / Creative questions	Данный тип вопроса чаще всего содержит частицу «бы», элементы условности, предположения, прогноза: «Что изменилось бы...?», «Что будет, если...?», «Как вы думаете, как будет развиваться сюжет в рассказе после...?» / This type of question most often contains the particle “would”, elements of conventionality, assumption, forecast: “What would change...?”, “What will happen if...?”, “How do you think the plot of the story will develop after...?”
5. Оценочные вопросы / Evaluation questions	Эти вопросы направлены на выяснение критериев оценки тех или иных событий, явлений, фактов: «Почему что-то хорошо, а что-то плохо?», «Чем один урок отличается от другого?», «Как вы относитесь к поступку главного героя?» и т.д. / These questions are aimed at identifying the criteria for evaluating certain events, phenomena, facts: “Why is something good and something bad?”, “How is one lesson different from another?”, “How do you feel about the main character’s actions?” etc.

6. Практические вопросы / Practical questions	Данный тип вопроса направлен на установление взаимосвязи между теорией и практикой: «Как можно применить...?», «Что можно сделать из...?», «Где вы в обычной жизни можете наблюдать...?», «Как бы вы поступили на месте героя рассказа?» / This type of question is aimed at establishing a connection between theory and practice: “How can you apply...?”, “What can you do from...?”, “Where in everyday life can you observe...?”, “What would you do if you were in the place of the story’s hero?”
---	--

Источник: составлено В. Резвани, А.А. Шульдишовой
Source: compiled by V. Rezvani, A.A. Shuldishova

3. Отработка речевых и слуховых навыков при обучении языку в процессе просмотра фильма

Один из очень интересных и увлекательных способов отработки речевых и слуховых навыков учащихся — просмотр фильмов. Во время просмотра фильма, кроме прочего, отрабатываются навыки аудирования. Аудирование как сложная психическая, психофизиологическая деятельность и фундаментальное умение имеет уровневую структуру и включает уровень восприятия — сенсорно-перцептивный уровень. Восприятие есть процесс отражения в сознании человека внешних признаков предметов, явлений, совершающийся с помощью органов чувств и завершающийся созданием образа воспринимаемого предмета, а также оперированием этим образом.

На *уровне физиологии* речи восприятие представляет собой процесс обработки речевого сигнала, сочетающий:

- слуховой анализ и выделение акустических признаков аудиоинформации;
- фонетическую интерпретацию элементов и компонентов сообщаемого.

Восприятие может осуществляться как «снизу вверх», так и «сверху вниз», когда в процессе восприятия задействованы фоновые знания, знание о теме сообщения, ситуационные и контекстуальные сведения. Если процесс «снизу вверх» инициализируется звуками, словами, словосочетаниями, которые слышит реципиент, стараясь декодировать речь и установить значение, то процесс «сверху вниз» — более высокого порядка, он управляется ожиданиями слушающих, пониманием контекста, темы, цели общения [1. С. 117–118].

Используя данный метод, необходимо учитывать ряд факторов, включая:

- а) уровень языковой подготовки учащихся;
- б) соответствие темпа речи, т.е. чтобы в фильмах для начинающих учащихся не очень быстро говорили;
- в) выбор разных жанров (у каждого жанра есть набор специальных терминов и лексики).

Когда все названные факторы имеются, можно разными способами работать с фильмом, например, попросить студентов повторить только что услышанную часть, чтобы усовершенствовать их фонетические навыки; можно

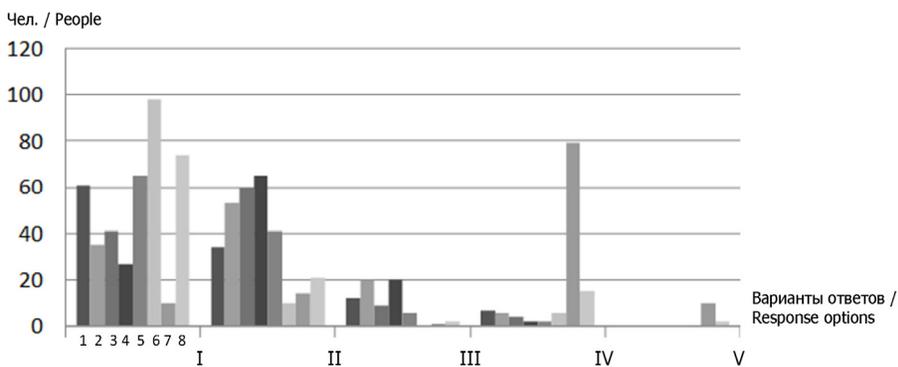
попросить устно перевести услышанный материал для закрепления и повышения навыков последовательного и постепенно-синхронного перевода.

Другим способом работы с фильмом является грамматический анализ: учащиеся должны обратить внимание на определенные части речи, в частности при изучении глаголов движения, поскольку эта тема очень сложна и значительно отличается от аналогичной в персидском языке.

4. Участие студентов в проведении урока

Сегодня многие исследования посвящены обучению независимости (independence) как практической задаче образования в целом и изучения языков в частности. Важность этого вопроса в изучении языка объясняется его ролью в росте и развитии независимости и его последствиями в обучении [10. С. 10].

Человека нельзя научить всему, но можно помочь ему найти нужное для себя. Несмотря на важность и обоснованность концепции независимости, многие критиковали ее за направленность на изоляционный вид обучения. Сторонники независимости критикуют это, утверждая, что независимость является социальной структурой и требует межличностного общения, а не изоляции. Эти теории предполагают переход к социализирующим методам преподавания и обучения как наиболее важным достижениям в преподавании языков за последние десятилетия. Такой шаг требует учёта социокультурной теории Выготского и теории ситуационного обучения [11. С. 89]. Акцент на социальных аспектах обучения, составляющих основу социокультурной теории Выготского, — это условие, благодаря которому активизируются отношения между учеником и учителем (рис., табл. 3). Независимость ученика напрямую связана со способностью учителя и ученика развивать межличностные отношения.

Оценка эффективности методов обучения, по мнению студентов

Источник: составлено В. Резвани, А.А. Шульдишовой

Evaluation of the effectiveness of teaching methods

Source: compiled by V. Rezvani, A.A. Shuldishova

Таблица 3 / Table 3

Удовлетворенность студентов, по результатам опроса, применением различных программных средств и социальных сетей в обучении, чел. / Student satisfaction, according to the survey results, with the use of various software tools and social networks in education, people

№ п/п / No.	Мероприятие / Event	Полностью согласен(-на) / Completely accepted	Согласен(-на) / Accepted	Без мнения / Have no opinion	Не согласен(-на) / Not accepted	Я полностью не согласен(-на) / Completely not accepted
		I	II	III	IV	V
1.	Проведение студенческих мероприятий, таких как семинары и лекции, может помочь повысить мотивацию студентов / Conducting student events such as seminars and lectures can help increase students' motivation	61	34	12	7	0
2.	Проведение конкурса — хороший стимул учиться / Holding a competition is a good incentive to study	35	53	20	6	0
3.	Показ фильма и работа с ним повышают слуховые и речевые навыки студентов / Showing and working with a film enhances students' hearing and speech skills	41	60	9	4	0
4.	Участие студентов в преподавании ведет к лучшему обучению / Student participation in teaching leads to better learning	27	65	20	2	0
5.	Выступление в театре помогает повысить уверенность в себе / Performing in the theater helps boost self-confidence	65	41	6	2	0
6.	Я ... с очным занятием / I ... with a full-time lesson	98	10	0	6	0
7.	Я ... с виртуальным занятием / I ... with virtual class	10	14	1	79	10
8.	Использование социальных сетей и программных обеспечений помогает обучению русскому языку / Using social media and software helps learning Russian	74	21	2	15	2

Источник: составлено В. Резвани, А.А. Шульдишовой
Source: compiled by V. Rezvani, A.A. Shuldishova

Примечание: Преподавание второго языка в программах бакалавриата университетов Ирана ничем не отличается от преподавания в других странах. Но в то же время нельзя упускать из виду, что, во-первых, студенты, поступившие в вуз из разных городов Ирана, отличаются характером и темпераментом, а во-вторых, вследствие влияния субкультуры и особенностей подхода к воспитанию у них формируется разный менталитет, влияющий на поведение и уверенность в своих силах. Принимая это во внимание, я (*Резвани Ваджихе*) в день первой встречи со студентами здороваюсь не как преподаватель, а как друг, пожимаю им руки, и веду краткие контактоустанавливающие (фатические) мини-диалоги. Такое начало помогает познакомиться с их характером, успокаивает «скрытые страхи» студента-первокурсника. Результаты опроса показали, что при подготовке к проведению урока эти студенты более тщательно изучают его содержание с целью полного овладения учебным материалом.

Note: Teaching a second language in undergraduate university programs in Iran is no different from teaching in other countries. But at the same time, we must not lose sight of the fact that, firstly, students who have entered the university from different cities of Iran differ in character and temperament, and secondly, due to the influence of subculture and the peculiarities of the approach to education, they form a different mentality that affects behavior and self-confidence. their own powers. Taking this into account, on the day of the first meeting with students, I (*Rezvani Wajih*) greet not as a teacher, but as a friend, shake their hands, and conduct brief contact-establishing (phatic) mini-dialogues. Such a beginning helps to get to know their character, calms the “hidden fears” of a first-year student. The survey results showed that when preparing for a lesson, these students study its content more carefully in order to fully master the educational material.

5. Роль социальных сетей в процессе обучения иностранному языку

Развитие информационных и коммуникативных технологий привело к значительным изменениям в жизни человека. Обучение на основе новых технологий смогло устранить многие недостатки традиционных систем образования и внести в них нечто новое.

Современные студенты — поколение миллениалов ('millennials'). Они родились и выросли в окружении современных технологий, что привело к изменению их представления о том, как учителя должны преподносить материал [12. С. 20].

Новые программные обеспечения в сфере образования предоставляют обучающимся неограниченный объем информации и могут сблизить студентов и преподавателей. Это можно считать достоинством появления социальных сетей. Таким образом, эти инструменты позволяют создать интерактивную среду обучения и поддерживают совместные усилия. Интерактивное обучение с использованием социальных сетей позволяет повысить мотивацию студентов, где грань между онлайн-обучением и социализацией размывается [13. С. 8].

Данные программы позволяют осуществлять связь без ограничений во времени и пространстве. Это можно рассматривать и как преимущество, и как недостаток. Связь преподавателей и студентов осуществляется вне рамок определенного времени и пространства по сравнению с предыдущими традиционными формами обучения. Сегодня один из способов воспитания — «Beta-style» — большое значение придает эмоциям, взаимоотношениям и интуиции. При этом социальная сеть — это интерактивный многопользовательский веб-сайт, который представляет собой автоматизированную социальную среду, позволяющую активно общаться пользователям, объединенным общими интересами.

Характерной особенностью социальных сетей является возможность создания собственной страницы, размещения на ней личной информации в различных формах: в виде фотографии, описания, видео и т.п., установления контакта с другими участниками сети, обмена с ними разнообразной информацией [13. С. 10]. В Иране в условиях пандемии программные обеспечения WhatsApp, Telegram и Skype наиболее популярны среди иранских пользователей. По сравнению с WhatsApp в Telegram можно перемещать большой объем данных, среди иранских любителей литературы и различных наук он известен как электронная библиотека. Загрузка и скачивание звуковых и текстовых файлов, подача и получение заданий превратили их в активную школу. Перечисленные программные продукты достигли высокой степени популярности.

В системе обучения при помощи указанных технологий и социальных сетей учащиеся находят возможность для обмена опытом, навыками и знаниями. Преимуществом таких программ является, например, создание электронного

портфолио: все действия студентов фиксируются, надежно сохраняются и доступны для проверки и сопоставления.

Ссылочные сайты, такие как «Викисловарь», «Грамота», «Учим русский язык как иностранный», и многие другие применяются как справочники учащимися в различных аспектах, включая произношение, семантику, этимологию, склонение имён существительных, морфологический разбор глагола, причастия, деепричастия и др., давая возможность учащимся получить базовые знания и умения.

Заключение

Обучение языку влечет постоянное обновление, формирует креативность преподавателей и творческие установки у студентов. В связи с этим применяемые методы заслуживают внимательного изучения.

В нашем исследовании оценивались два способа обучения — очный и виртуальный — русскому языку (уровень бакалавриата). Результаты показывают, что большинство учащихся по ряду причин предпочитают очное обучение:

а) возможность пользоваться адекватными средствами обучения;

б) личный контакт с преподавателем и возможность задавать вопросы и отвечать на них;

в) возможность выражения эмоций среди «однокашников». А отсутствие адекватной инфраструктуры для виртуальных коммуникаций, недостаточное интернет-покрытие в некоторых регионах были названы как причины ненадежности этого способа обучения студентов. Согласно подходу Карла Роджерса, ориентированному на теорию «человек-центр», вышесказанное подтверждает, что студенты отдадут предпочтение очной форме обучения. При этом в результате опроса было также установлено, что студенты проявляют интерес к применению программных средств в сфере образования.

Изучив методы обучения и оценив их эффективность, мы пришли к выводу, что ситуации, трактуемые как «мы», более применимы в среде студентов. Образовательные методики, ориентированные на повышение индивидуальных и коллективных навыков студентов в соответствии с системой «развивающее обучение» Давыдова, были очень хорошо приняты студентами. Проведение различных русскоязычных фестивалей студенческих театров ведёт к укреплению прагматических навыков у студентов.

Список литературы

1. *Балыхина Т.М.* Методика преподавания русского языка как неродного, нового. Москва : РУДН. 2007. 185 с.
2. *Кудрявцев В.Т.* Свобода учиться: К. Роджерс идет навстречу В.В. Давыдову (контуры новой философии образования) // Психология и образование. 2010. № 4. С. 51–60.

3. Печников А.Н., Мухина Г.В. Особенности учебной мотивации курсантов юридических ВУЗов МВД // Психология: итоги и перспективы: тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996.
4. Richards J.C., Rodgers T.S. *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge University Press, 2010.
5. Sehran D. Students' Opinions about the Distance Education to Art and Design Courses in the Pandemic Process // *World Journal of Education*. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 113.
6. Klyachko T.L., Novoseltsev A.V., Odoevskaya E.V., Sinelnikov-Murylev S.G. Lessons Learned from the Coronavirus Pandemic and Possible Changes to Funding Mechanisms in Higher Education // *Educational Studies*. 2022. No. 1. P. 8–30.
7. Мальный Ю.М. Игровые технологии в процессе обучения иностранному // *Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики*. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2018, С. 124–126.
8. Habib S. *A Critique of Yalom's Works*. Nashre Ney, 2018. 450 p.
9. Lee S.L. Revisit Role-Playing Activities in Foreign Language Teaching and Learning: Remodeling Learners' Cultural Identity // *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*. 2015. Vol. 12. Suppl. 1. P. 346–359.
10. Palfreyman D. Introduction: Culture and learner autonomy // *Learner autonomy across cultures: Language education perspectives* / ed. by D. Palfreyman, R.C. Smith. 2003. P. 1–19. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. Benson P. *Teaching and researching autonomy in language learning*. Harlow. Longman, 2011.
12. Бороздина Н.А. Презентации, электронные портфолио и блогфолио в иноязычном образовании: методические принципы и критерии эффективности. Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС // *Сборник научных трудов по материалам Четвертой Международной научно-практической конференции*. Воронеж, 2019. С. 19–24.
13. Архипова Т.Л., Осипова Н.В., Львов М.С. Социальные сети как средство организации учебного процесса // *Information Technologies in Education*. 2015. № 22. С. 7–18.

References

1. Balykhina, T.M. 2007. *Methods of Teaching Russian as a Non-native, New Language*. Moscow: RUDN Publ., 185 p. Print. (In Russ.)
2. Kudryavtsev, V.T. 2010. "Freedom to learn: K. Rogers goes towards V.V. Davydov (contours of a new philosophy of education)." *Psychology and education*, no 4, pp. 51–60. Print. (In Russ.)
3. Pechnikov, A.N. 1996. "Features of educational motivation of cadets of law schools of the Ministry of Internal Affairs." *Psychology: results and prospects: Abstracts of the scientific and practical conference*. St. Petersburg, Print. (In Russ.)
4. Richards, J.C., and T.S. Rodgers. 2010. *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge University Press.
5. Sehran, D. 2020. "Students' Opinions about the Distance Education to Art and Design Courses in the Pandemic Process." *World Journal of Education*, vol. 10, no 3, p.113
6. Klyachko, T.L., Novoseltsev A.V., Odoevskaya E.V., and S.G. Sinelnikov-Murylev. 2022. "Lessons Learned from the Coronavirus Pandemic and Possible Changes to Funding Mechanisms in Higher Education." *Educational Studies*, no 1, pp. 8–30.
7. Maly, Yu.M. 2018. *Game technologies in the process of teaching a foreign language. Modern problems of philology and methods of teaching languages: questions of theory and practice*. Kazan (Volga Region) Federal University, pp. 124–126. Print. (In Russ.)
8. Habib, S. 2018. *A Critique of Yalom's Works*. Nashre Ney.
9. Lee, S.L. 2015. "Revisit Role-Playing Activities in Foreign Language Teaching and Learning: Remodeling Learners' Cultural Identity." *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*, vol. 12, suppl. 1, pp. 346–359.

10. Palfreyman, D. 2003. "Introduction: Culture and learner autonomy." In D. Palfreyman & R.C. Smith (Eds.). *Learner autonomy across cultures: Language education perspectives*, pp. 1–19. Basingstoke. Palgrave Macmillan.
11. Benson, P. 2011. *Teaching and researching autonomy in language learning*. Harlow: Longman.
12. Borozdina, N.A. 2019. "Presentations, electronic portfolios and blogfolios in foreign language education: methodological principles and criteria of effectiveness, Innovative technologies of teaching a foreign language in higher education and school: implementation of modern Federal State Educational Standards." In *Collection of scientific papers based on the materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference*. Voronezh, pp.19–24. Print. (In Russ.)
13. Arkhipova, T.L. Osipova N.V., and M.S. Lvov. 2015. "Social networks as a means of organizing the educational process." *Information Technologies in Education*, no. 22, pp. 7–18. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Резвани Ваджихе — кандидат филологических наук, старший преподаватель, заведующий кафедрой русского языка, факультет литературы, Университет Альзахра, Исламская Республика Иран, 1993893973, г. Тегеран, ул. Шейх-Бахаи, Дэх-э-Ванак. ORCID: 0000-0002-5630-6178. E-mail: v.rezvani@alzahra.ac.ir

Шудлишова Алина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 5, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. ORCID: 0000-0002-9603-8411. eLibrary SPIN-код: 6181-7348. Scopus Author ID: 1026530. E-mail: shuldishova_aa@pfur.ru

Bio notes:

Vajihe Rezvani is a PhD in Philology, Assistant professor, Head of the Department of Russian Language, Faculty of Literature of Alzahra University, Islamic Republic of Iran, 1993893973, Tehran, North Sheikh Bahae St, Deh-e Vanak. ORCID: 0000-0002-5630-6178. E-mail: v.rezvani@alzahra.ac.ir

Alina A. Shuldishova is a PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language Department No. 5, Institute of the Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9603-8411. eLibrary SPIN-code: 6181-7348. Scopus Author ID: 1026530. E-mail: shuldishova_aa@pfur.ru

